

И. Д. Сытин

Деятели книги

Е. А. Динерштейн

И. Д. Сытин

Москва
«Книга»
1983

Рецензент:
З. А. Покровская, канд. пед. наук,
Гос. Библиотека СССР им. В. И. Ленина

Содержание

Д $\frac{4504000000-027}{002(01)-83}$ 87-83

Издательство — это один из важных очагов культуры и просвещения, и на издателей следует смотреть как на просветителей народа, ибо им обязаны своим появлением много сочинений, которые никогда не вышли бы в свет; издатели, придавая известное направление своей деятельности, развивают, так сказать, вкус к тому или другому отделу науки или литературы, создают читателей, способствуют распространению грамотности.

Джон Стюарт Милль

Введение

В истории русского книжного дела не было фигуры более популярной и известной, чем Иван Дмитриевич Сытин. Без преувеличения можно сказать, что его знала вся грамотная и неграмотная Россия. Даже в крестьянской избе, никогда не видевшей книгу, висел яркий, праздничный календарь или лубочная картинка, изданные его фирмой и отпечатанные в его типографиях.

Каждая четвертая из изданных в России перед Великой Октябрьской революцией книг была связана с именем Сытина, так же как и самые распространенные в стране журналы и газеты. «Не смущайтесь отсутствием „качества" у сытинских изданий,— писал Леонид Андреев,— оно уже заключено в их количестве. Кто спорит против необходимости меню и для пищи духовной? И кто не хотел бы более питательной еды для народа, нежели сытинский лубок и календарь?.. Но там, где царит массовый голод, там, где самое понятие печатного знака еще нуждается в освещении, и букварь служит источником мудрости и познания,— там количество еды является более важным фактором, нежели строгий и ограниченный подбор ее» [1].

Действительно, среди сытинских изданий немало всевозможных оракулов, сонников, молитвословов, псевдопатриотических лубков, но, главное, он выпускал буквари, учебники, пособия для учителей, книги по самообразованию. Он издал дешевые собрания сочинений Пушкина, Гоголя, Никитина, наиболее полное общедоступное собрание сочинений Л. Н. Толстого, ряд собраний сочинений русских и иностранных писателей, множество детских

книг, в том числе первую в России «Детскую энциклопедию», и еще не одну сотню полезных изданий.

Имя Сытина слилось с понятием «русское книгоиздание». Казалось, что это дело было ему предначертано судьбой. А между тем сам Иван Дмитриевич отрицал фатальную неизбежность избранного им пути. «Почему Сытин не маляр?» — спрашивал он в автобиографических заметках. И сам же отвечал: «Помешал случай...» [2]

Сын волостного писаря, не получивший даже начального образования, гласный Московской городской думы и потомственный почетный гражданин, кавалер орденов Станислава и Анны 2-й и 3-й степени, миллионер... Впрочем в царской России все объяснялось последним. И все же в случайности этого возвышения была определенная закономерность.

Россия знала немало «миллионщиков», выходцев из крестьянской среды, людей талантливых и ярких. Вся жизнь их уходила в дело и в деньги. В лучшем случае, подобно горьковскому Булычову, они рано или поздно осознавали, что «родились не на той улице». В отличие от них Сытин родился на своей улице. Однако осуществиться как личность смог лишь потому, что нашел свое призвание.

Благодаря жизненному опыту он глубоко прочувствовал необходимость просвещения народа. Этой цели он и решил посвятить свою жизнь, избрав тот путь, который казался ему единственно правильным. «Недостаток образования во многом помешал этому замечательному человеку,— писал один из его современников.— Но, может быть, благодаря этому недостатку деятельность Сытина и заслуживает признательности. Сытин не то что любит и признает просвещение. Он влюблен в него. И если можно говорить об идейной стороне его деятельности, то именно в этом смысле» [3].

Как предприниматель Сытин видел цель своей жизни в приумножении капитала и расширении дела, в чем, кстати, и проявилась одна из сторон его незаурядного таланта. Но в отличие от многих своих собратьев в достижении поставленной цели никогда не прибегал к средствам, не дозволенным кодексом деловой чести. Другое дело, что этот кодекс воспринимался им с точки зрения морали его времени и его класса. «Тому, кто может и хочет работать, приходится побеждать, кроме равнодушия азиатски косного общества, еще острое недоверие адми-

нистрации, которая привыкла видеть в каждом сильном человеке своего личного врага. Здесь человеку дела неизбежно всячески извиваться, обнаруживая гибкость ума и души,— гибкость, которая иногда и самому ему глубоко противна, но без применения которой дела не сделаешь», — писал М. Горький, объясняя всю сложность сытинского восхождения [4]. И хотя Иван Дмитриевич говорил о себе: «Я только годен и силен, когда кругом чистота и покойная работа»,— он, ни минуты не колеблясь, мог поставить своего конкурента на грань краха. Ему, как волевому и сильному человеку, импонировала борьба, но она никогда не была самоцелью [5].

Все труды в конечном счете оправдывались для Сытина иной, чем нажива, более высокой и светлой целью — дать народу самую дешевую и самую нужную (конечно, в его понимании) книгу. Недаром, обращаясь к собравшимся почтить его в день юбилея, он сказал: «Я считаю своим долгом теперь, после 50-летнего опыта и работы, отойти от капиталистической стороны. Вся жизнь моя прошла в большой коммерческой сознательной работе. Много было идейного, но это идейное шло наряду с коммерческими целями... Теперь в конце дней моих наслаждаюсь мыслью, что будет возможность поставить дело по-иному» [6].

К мысли целиком и полностью посвятить свою деятельность просвещению родного народа Сытина привело полувековое служение книге.

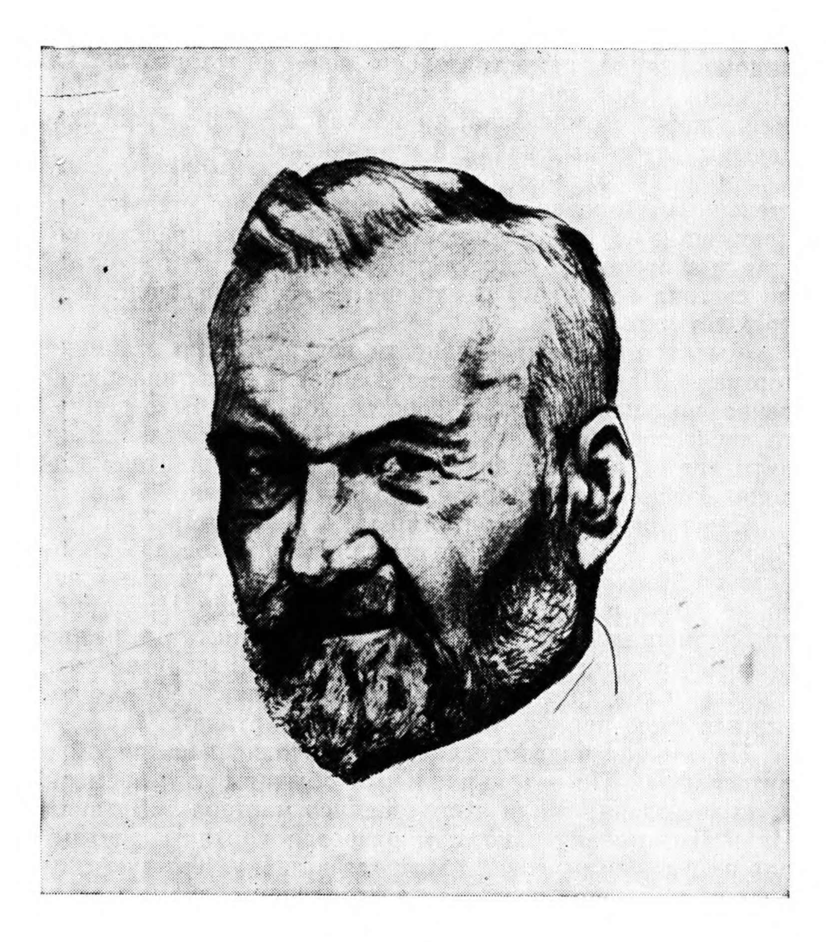
Начало пути

Иван Дмитриевич Сытин родился 24 января 1851 г. в селе Гнездниково Солигаличского уезда Костромской губернии в семье волостного писаря, происходившего из экономических крестьян. В автобиографических записках он отмечает окружавшую его бедность и невежество: «Родители, постоянно нуждаясь в самом необходимом, мало обращали внимания на нас. Учился я в сельской школе здесь же при правлении. Учебниками были: славянская азбука, часовник, псалтырь и начальная арифметика. Школа была одноклассная, преподавание — полная безалаберность... Я вышел из школы ленивым и получил отвращение к науке и книге» [1].

Три года бессмысленной зубрежки — вот и весь «систематический» курс наук, который Иван Дмитриевич успел пройти в своей жизни. До конца дней он писал, пренебрегая всеми правилами грамматики. «Это интересный человек. Большой, но совершенно безграмотный издатель, вышедший из народа»,— рекомендуя Сытина, писал А. П. Чехов [2].

В 1863 г. Сытины переехали в город Галич, где отец получил место письмоводителя земской управы. Положение семьи несколько упрочилось, но о дальнейшем образовании детей не приходилось и думать. Поэтому всех обрадовало предложение дяди, ежегодно прирабатывавшего на Нижегородской ярмарке торговлей вразнос, взять племянника себе в помощники. Сметливый, старательный, не боящийся работы мальчик расположил к себе и дядю, и хозяина меховой лавки, у которого он кредитовал товар. «После ярмарки,— писал в автобиографии Сытин,— мне предстояло поступить в мальчики к маляру в Елабугу, но дядя посоветовал подождать еще год и выбрать место получше». Этот совет сыграл решающую роль в судьбе будущего издателя.

В сентябре 1866 г. его определили к московскому куп-

Портрет И. Д. Сытина. Рис. неизвестного художника

цу Петру Николаевичу Шарапову, но не в меховую торговлю, которой тот собственно и был известен, а в книжную, доставшуюся ему в наследство от брата. «Служи честно и усердно — будет хорошо»,— напутствовал его новый хозяин. «Я низко поклонился и встал на указанное место к двери, где и стоял бессменно четыре года»,— не без иронии вспоминал Иван Дмитриевич [3].

Редкостное трудолюбие и сметка мальчика покорили старика Шарапова, возмечтавшего сделать его своим преемником. Со временем Сытин становится доверенным

лицом хозяина, самостоятельно ведет его торговлю на Нижегородской ярмарке, значительно расширяет обороты московского магазина, привлекая к распространению дешевых лубочных изданий многочисленных офеней.

Книжная торговля была для Шарапова делом второстепенным, годовая выручка от нее первоначально не превышала 18 тыс. р. Впрочем, и эта цифра представляется значительной, если учесть, что ассортимент его лавки состоял всего из 120 лубочных сказок, песенников и трех-четырех азбук.

Мысль о бесперспективности ведущейся по старинке торговли Шарапова, вероятно, созревала у Сытина постепенно, но решение начать собственное дело было принято после свадьбы. Женился Иван Дмитриевич двадцати пяти лет от роду на дочери московского кондитера Евдокии Ивановне Соколовой, получив в приданое 4 тыс. р.

Свою литографию он открыл 7 декабря 1876 г. на Воронухиной горе близ Дорогомиловского моста. Приобретение было сделано на имя Шарапова на занятые у него же 3 тыс. р. и вложенное в дело приданое. Предприятие размещалось в трех небольших комнатах и имело всего одну литографскую машину. Иван Дмитриевич попрежнему вел книжную торговлю Шарапова, сбывая через нее свою продукцию — лубочные картинки.

Небольшая квартира Сытина располагалась рядом с литографией. По патриархальным обычаям того времени в семье хозяина жили и столовались мастера. «Вставал Иван Дмитриевич рано, сам разрезал картины, завязывал их в пачки и увозил из города в лавку. Каждую свободную минуту он посвящал литографии, обходил мастеров, смотрел, что сделано, указывал, что и как нужно делать»,— вспоминал один из его сотрудников [4].

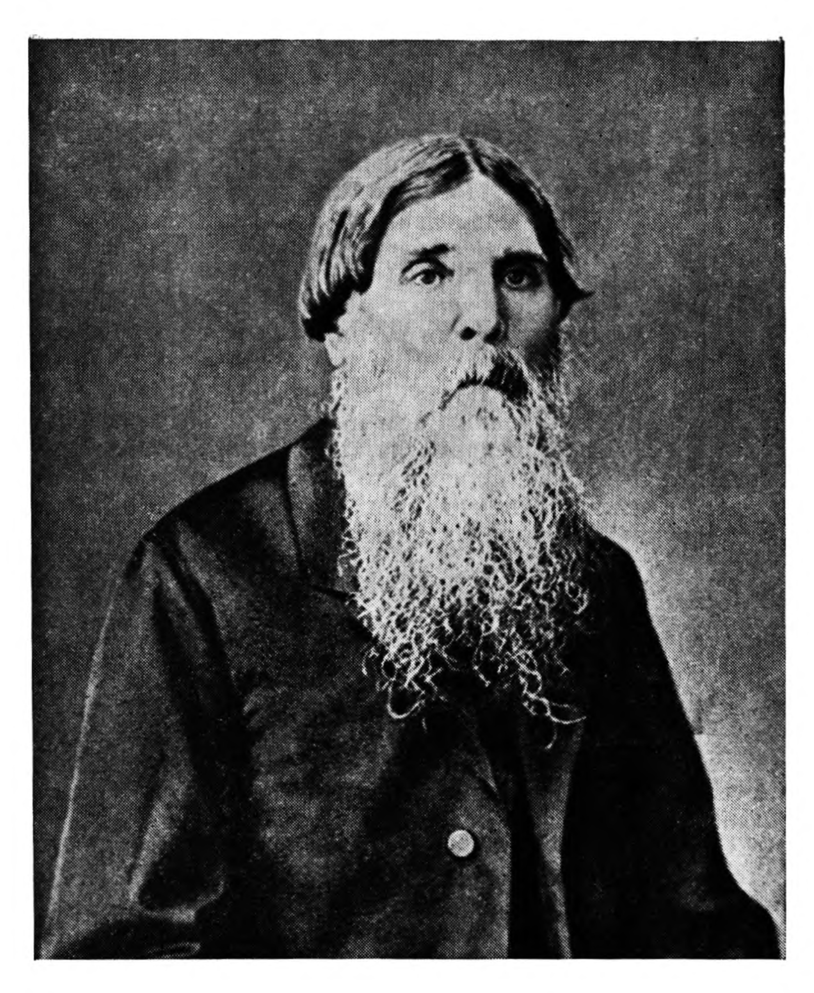
Сохранилось несколько лубочных листов этого периода, выпущенных сытинской литографией. Они не отличаются оригинальностью. Как и во всей массовой продукции подобного рода, в них используются мотивы «Полтавы» А. С. Пушкина, события из жизни А. В. Суворова, аллегории, посвященные русско-турецкой войне 1877 г. Авторы юбилейного сытинского сборника отмечали, что он, «как издатель, долго, до 80-х гг., шел на одном уровне с другими аналогичными фирмами» [5].

Подняться и вырваться из ряда подобных ему владельцев лубочных издательств Сытину помогла русско-турецкая война. «В день объявления войны...— вспоминал

Иван Дмитриевич,— я побежал на Кузнецкий мост, купил карту Бессарабии и Румынии и велел мастеру в течение ночи скопировать часть карты с обозначением места, где наши войска перешли через Прут. В 5 часов утра карта была готова и пущена в машину с надписью «Для читателей газет. Пособие». Карта была моментально распродана. По мере движения войск изменялась и карта. В течение трех месяцев я торговал один. Никто не думал мне мешать» [6].

В 1878 г. Сытин рассчитался с долгами и стал полновластным владельцем литографии. И хотя ее продукция по-прежнему шла в лавку Шарапова, полученные доходы дали возможность Ивану Дмитриевичу купить в следующем году собственный дом на Пятницкой улице, перевезти туда свое предприятие, приобретя еще одну литографскую машину. Однако это обстоятельство не обеспечивало успеха. Конкуренция требовала постоянного расширения ассортимента картин и улучшения их качества. Сытин вынужден был делать их более красочными и завлекательными по сюжету, а для этого приходилось, не считаясь с расходами, приглашать наиболее способных рисовальщиков и печатников. Постоянно общаясь со своими покупателями в лавке и на ярмарках, он хорошо изучил вкусы потребителя, добился, наконец, того, что его картины стали самыми ходкими. «Купцы торговались со мной в количестве, а не в цене. Для всех товару не хватало»,— вспоминая впоследствии об этом времени писал Сытин [7].

Зависимость от Шарапова, как она ни была иллюзорна, все же связывала Ивана Дмитриевича, его честолюбивые замыслы требовали полной самостоятельности, но, чтобы развернуть дело, не хватало средств. Сытин пытался привлечь к участию Шарапова, но тот отказался от дальнейшего сотрудничества, чувствуя, что не может поспеть за своим деятельным воспитанником. Тогда Иван Дмитриевич решил образовать книгоиздательское и книготорговое товарищество. Строилось оно еще по старинке, как «Товарищество на вере», но доходы распределялись в нем в соответствии с долей вложенных капиталов. Называлась новая фирма «И. Д. Сытин и К°», основной капитал ее достигал 75 тыс. р. Привлеченные средства дали возможность приобрести еще одну литографскую и две типографские машины и в первый день нового 1883 г. открыть на Старой площади собственную книжную тор-

П. Н. Шарапов

говлю. Помещение лавки было «мизерное: 5 аршин в ширину и 10 — в длину» [8].

Фактическим руководителем товарищества оставался Иван Дмитриевич. Его компаньоны Д. А. Воропаев, В. Л. Нечаев и брат жены И. И. Соколов активной роли в делах не играли.

Появление новой фирмы прошло практически незамеченным. Пресса вообще мало внимания уделяла дея-

тельности издателей Никольской улицы и Апраксина двора (именно в этих районах Москвы и Петербурга располагались книжные лавки и конторы издателей лубочной литературы). Все они делились на две отличные по своей ориентации группы: одна имела дело преимущественно с деревенским читателем, другая — городским. Поэтому современники называли первых «народными» издателями, а вторых — «мещанскими»[9].

Среди московских издателей народной литературы наиболее известными были П. Н. Шарапов и его наследница О. В. Лузина, Е. А. Губанов, А. В. Морозов, И. А. Морозов, Андрей Абрамов. Их лавки сосредоточивались около Ильинских ворот и исторического «Пролома». Собственно на Никольской улице располагались в основном издатели «мещанской», или, как ее еще называли, «подворотней» литературы. Имена Преснова, Ступина, Леухина, Манухина стали нарицательными, когда речь заходила о низкопробной литературе.

И те и другие были выходцами из народной среды. Подчас неграмотные, но практически хваткие люди, хорошо знающие требования своих читателей, они широко вели свое дело и сравнительно быстро разбогатели. Они не только не шли впереди читателей, но скорее стремились угодить вкусам наиболее невзыскательных из них. Несмотря на предельно низкую стоимость продукции (о чем речь впереди), обороты крупнейших лубочных издателей к началу 80-х гг. измерялись десятками, а то и сотнями тысяч рублей[10].

Лубок в России появился почти одновременно с книгопечатанием. Но лишь со временем лубочные листы стали проникать в среду городского населения и крестьянства. В XVII — первой половине XVIII в. тематика большинства лубков носила религиозный характер. Церковь неоднократно пыталась запретить их печатание, но, несмотря на поддержку правительства, мало в этом преуспела. С середины XVIII в. интерес к религиозному лубку заметно падает. В лубке стали преобладать бытовые сюжеты, начиная от строго поучительного и кончая просто непристойными.

В царствование Николая I была введена строгая цензура, старые доски были запрещены к переизданию. Тогдашние культурные слои общества не проявили к лубку какого-либо интереса. Правда, Пушкин во время одной поездки занес в свой дневник запись о том, что лубки

достойны самого серьезного внимания и с художественной стороны и по своему содержанию, но... больше никогда к ним не возвращался.

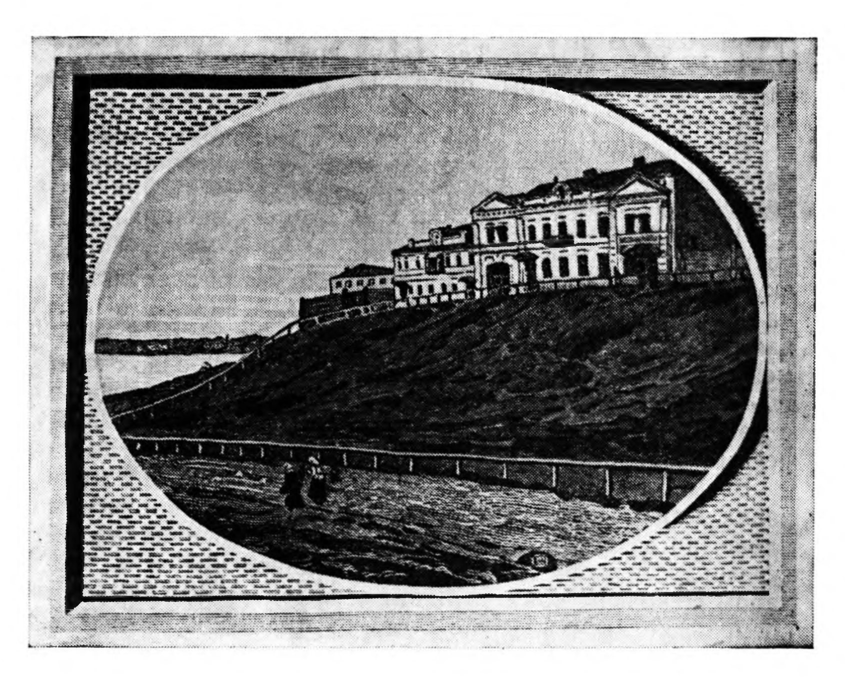
Лубочная книжка появилась значительно позднее лубочной картинки, но с середины XIX в. они уже воспринимались как одно неразделимое целое. По всей вероятности, лубочная книжка вышла из «картинки», многокадрового листового издания, где ряд последовательно расположенных рисунков объединялся единым сюжетом. Как правило, эти рисунки сопровождались подписями. Со временем, однако, появились и чисто книжные издания небольшого объема (в лист, реже — в два, три), единственным украшением которых служила красочная обложка. Судя по имеющимся в литературе данным, особо широкого распространения они до поры до времени не получили, так как дореформенная деревня была почти сплошь неграмотна. Положение резко изменилось после 1861 г., когда в деревне стали появляться земские, государственные (от министерства народного просвещения), церковно-приходские и крестьянские школы грамотности. И хотя срок обучения в любой из них не превышал трех лет, ученики выносили из школы если не твердые знания, то любовь к чтению. В России появились сотни тысяч потенциальных читателей. (Только одни земские школы оканчивало ежегодно 0,5 млн. детей.) [11]

О том, что собой представляла лубочная литература, можно судить по составу обычного короба офени *, с помощью которого лубочные издатели издавна распространяли свой товар. «Короб этот стоит от 70 до 120 рублей серебром, ценность увеличивают обыкновенно картины; вес его пудов шесть. Прежде всего отбираются для короба поминания заздравные и заупокойные, затем идут молитвенники, преимущественно почаевские, святцы простые и с приложением тропарей и кондаков **, жития

---

* Офенями (правильнее «афенями»), ходебщиками, коробейниками называли торговцев, разносивших или развозивших книги, бумагу, шелк, иглы, серьги, колечки, сыр, колбасу и т. д. В сознании современного читателя это понятие связывается лишь с торговлей книгами.

** Почаевские молитвенники — молитвенники, напечатанные в типографии (с 1618 г.) Почаевско-Успенской лавры (ныне Тираспольская обл.), тропарь — молитвенные стихи и песнопения православной церкви в честь какого-либо праздника

Здание первой литографии И. Д. Сытина на Воронухиной горе

святых (их вращается в торговле около сотни книжек); книги, так сказать, духовно-нравственные: «Смерть закоренелого грешника», «Толкование апокалипсиса», «Страшный суд», «Потерянный и возвращенный рай» и проч.; азбуки, прописи, басни, сказки. Кроме всем известного «Еруслана Лазаревича» и «Бовы» в большом ходу «Арабские сказки» и «Конек-Горбунок», русских народных сказок у московских издателей в торговле, к сожалению, нет. Затем идут романы: «Гуак», «Битва русских с кабардинцами», «Параша-сибирячка», «Юрий Милославский». Теперь (т. е. в 1883 г.) очень требуется «Князь Серебряный», истории в форме «Анекдотов Балакирева», о Суворове, о Петре и др. Заканчивается все песенниками, письмовниками, сонниками и «Гаданиями Царя Соломона», которого ежегодно расходится сотни тысяч.

или святого, кондак — короткое православное песнопение на тему праздника.

И это из года в год». Так характеризовал ассортимент народной литературы один из лучших ее знатоков В. Н. Маракуев[12].

Неизменно из года в год печатая в миллионах экземпляров одни и те же книги и картины, лубочные издатели, как бы мы теперь сказали, формировали читателя.

Имеется немало работ, посвященных лубочной литературе. Некоторые авторы считали ее подделкой под вкусы темного и забитого народа, продуктом спекуляции на его неграмотности, нищете. Другие видели в ней важный фактор народного обихода, необходимый элемент его культуры. По мысли последних, лубочная книга — явление народного творчества, создавшего когда-то сказки, предания и легенды. Проникнутая всецело интересами народа, она говорила с ним на его языке.

Возможно, высказанные соображения и содержали зерна истины, если рассматривать вопрос в историческом плане, но в 70—80-х гг. XIX столетия лубочная литература представляла собой эрзац подлинной культуры. Недаром Некрасов, как о великом свершении, мечтал о том времени, когда мужик «не Блюхера и не милорда глупого, Белинского и Гоголя с базара понесет».

Увы, осуществление пожеланий поэта виделось в далеком будущем. А короба офеней по-прежнему набивались «Глупыми милордами» и «Бовами королевичами», чему немало содействовало «Товарищество И. Д. Сытина и К^0».

Создавшееся положение во многом объяснялось тем, что всякое желание познакомить народного читателя с сокровищами национальной литературы наталкивалось на препятствия двоякого рода: с одной стороны, инициативу сдерживал недостаток средств и неумение донести до читателя предназначенную ему книгу; с другой — противодействие властей, зорко следящих за благонамеренностью такого рода попыток.

И тем не менее благодаря частной инициативе, а затем и общественным организациям на книжном рынке стали появляться общедоступные издания отечественных писателей. Вначале их выпускали сами авторы. В 1833 г. вышла «Книга Наума о великом божием мире» М. А. Максимовича, выдержавшая, по свидетельству Маракуева, более десяти изданий и разошедшаяся в основном в крестьянской среде. В этом же году В. Ф. Одоевский издал для народа «Пестрые сказки с красным словцом,

собранные Иренеем Модестовичем Гамазейкою». Через десять лет он в содружестве с А. П. Заблоцким-Десятовским приступил к выпуску журнала «Сельское чтение» (1843—1848), пользовавшегося успехом у крестьян и неоднократно переиздававшимся. (Журнал представлял собою небольшие сборники, содержавшие сведения из разных областей знания. В. Г. Белинский оценивал их как образец «народного чтения».) [13]

В 1861 г. начал выпускать при своем журнале «Ясная Поляна» книжки для народа Л. Н. Толстой. Предпринял попытку издания народных книг и Н. А. Некрасов (серия «Красные книжки»). Последовали этому примеру и некоторые издательские фирмы, например, «Товарищество общественной пользы» (с 1862 г.), «Народные издания» (основана в 1872 г. Н. В. Фан дер Флитом и А. Г Кочетовым), «Народная библиотека» (основана в 1882 г. В. Н. Маракуевым) и др.

Возникшие после крестьянской реформы общественные просветительские организации *, по сути дела, ничего не могли противопоставить лубочным изданиям, поскольку своей важнейшей задачей считали «религиозно-нравственное воспитание» народа «соответственно потребностям времени» [14]. Насколько консервативно были настроены круги тогдашней интеллигенции, свидетельствует составленный И. С. Тургеневым проект «Общества для распространения грамотности и первоначального образования» (1860), в котором книгоизданию придавалось чисто утилитарное назначение. «Беллетристика допускается только с величайшей осторожностью и не иначе, как с общеполезною, обучающею целью; имеющая предметом один интерес, вымысла не допускается вовсе; избранные биографии, хорошие описания путешествий получают почти исключительное предпочтение» [15].

Созданное в 1861 г. Общество распространения полезных книг в каталоге 1881 г. сообщало, что основная черта выпущенных им изданий: «нравственная тенденциозность, выраженная в беллетристической форме или даже просто в виде поучений». За почти 30-летний период Общество выпустило около 600 названий тиражом более

* Московский комитет грамотности и «Товарищество общественной пользы в Петрограде» возникли еще в 40-х гг., но активизировали свою деятельность в 60-х гг., после создания Общества распространения печатных книг в Москве и Петербургского комитета грамотности.

2 млн. экз. Но, как оказалось, «большинство этих изданий были по языку и форме совершенно недоступны и негодны для народа». На это неоднократно указывала современная критика [16].

В свою очередь народники в целях революционной пропаганды выпустили в виде лубочных изданий целый ряд дешевых брошюр. Появилась, по выражению Г. В. Плеханова, своеобразная «ряженая литература». «Внешне эти книги маскировались — „рядились" — то под народные „забавные брошюры", то под церковные книги»,— пишет современный исследователь [17]. Так, антиправительственная брошюра В. Е. Варзара «Хитрая механика», разоблачающая систему косвенных налогов, часто издавалась под названиями «Чудесная сказка о семи Семионах, родных братьях» или «О том, что такое голод и как себя предохранить от его гибельных последствий». Сказка С. Кравчинского «О правде и кривде» печаталась под заглавием «Слово на великий пятак преосвященного Тихона Задонского, епископа Воронежского».

Первые „ряженые" издания — брошюры «Стенька Разин» и «Мученик Николай» вышли в 1872 г., несколько позднее были напечатаны «Как должно жить по закону природы и правды», «Русскому народу», «История одного крестьянина» (переделка романа Эркман-Шатриана), «Сказка о четырех братьях», «Революционный песенник» и др.

Естественно, правительство не могло оставаться безучастным к подпольному книгоизданию. Тем более, что в 1875—1876 гг. чайковцы * в зарубежных типографиях напечатали ряд подобных брошюр, непосредственно обращенных к крестьянам.

Осенью 1878 г. было созвано «Особое совещание», на котором присутствовали министры государственных имуществ, внутренних дел и юстиции, исполняющий обязанности шефа жандармов и товарищ министра просвещения. Совещание обсудило вопрос о необходимости издания «дешевых книг для чтения народа, с целью ограждения его от влияния злонамеренной пропаганды» и укреплению в нем «религиозных и верноподданнических чувств». Считая, что выпуск подобного рода литературы «требует особого внимания и крайней осторожности», со-

---

* Чайковцы — революционно-народническая организация, действовавшая в Петербурге в 1869—1874 гг.

вещание решило поставить ее издание под прямой контроль правительства. Было решено привлечь к этому делу лиц, «вполне знающих быт и объем понятия народа и хорошо владеющих народным языком». Участники совещания в то же время не хотели придавать этим изданиям «внешнего правительственного характера».

Столь же просто решались и экономические проблемы: была установлена значительная книготорговая скидка лицам, распространяющим эти издания, рекомендовалось «снабжать ими сельское духовенство, народные школы, существующие общества, поставившие себе целью распространение в народе книг религиозно-нравственного содержания, и вообще озаботиться введением этих изданий в массы сельского и фабричного населения теми путями и способами, которые окажутся наиболее удобными и целесообразными». Кроме того, участники совещания затребовали у правительства прямых субсидий для организаций, согласившихся выпускать подобные издания.

Ознакомившись с решением совещания, Александр II начертал: «Разрешаю приступить к исполнению» [18].

Несмотря на царскую резолюцию, бюрократический аппарат заинтересованных ведомств не спешил с реализацией предложений совещания. Лишь летом следующего года министр народного просвещения Д. А. Толстой запросил 10 тыс. р. на выпуск народных изданий, считая, что их следует продавать «по самой дешевой цене, не дороже 5 коп. и в редких случаях, когда брошюры будут снабжаться рисунком, по 10 коп.». Однако министерство финансов ассигновало лишь половину запрашиваемой суммы. Прошел еще год, прежде чем заинтересованные ведомства, согласовав порядок расходования ассигнований, передали их издательскому обществу, состоящему при «Постоянной комиссии по устройству народных чтений в С.-Петербурге и его окрестностях» [19].

Народные чтения стали устраиваться в Петербурге с 1871 г. по предложению камергера Гвоздаво-Геленко, представившего специальный доклад тогдашнему градоначальнику Ф. Ф. Трепову. Вот эта созданная по полицейской инициативе комиссия и стала выпускать предназначенную для народа литературу. В 1884 г. министерство внутренних дел даже издало специальный циркуляр, по которому лица, предъявляющие местным властям письменные разрешения на продажу книг от «Постоянной

комиссии», могли беспрепятственно распространять ее издания в народе.

Однако поддержка властей мало помогла делу. К 1885 г. было выпущено 135 брошюр общим тиражом свыше 1 млн. экз., ценой от 5 до 10 к. Но книжки эти оказались недоступными для деревенского читателя не только из-за высокой цены, но и духа казенщины, которым они были проникнуты. В основном эти издания попадали в народные училища и отчасти в земства.

Малоудачной оказалась и другая подобного рода попытка, предпринятая царским правительством. В 1881 г. при редакции «Правительственного вестника», вначале как приложение, а с 1905 г. в виде самостоятельного издания, стал выпускаться еженедельный двухлистный журнал «Сельский вестник». (В начале 90-х гг. его тираж достиг 50 тыс. экз., из которых более 15 тыс. бесплатно рассылалось по волостям.) Журнал носил официальный характер, статьи писались, как правило, сухим, казенным языком. Из-за экономии они печатались мелким шрифтом. Да и оформление не отвечало вкусам читателя, для которого журнал предназначался.

В начале 80-х гг. к руководству Петербургским и Московским комитетами грамотности пришли радикально настроенные люди, резко изменившие характер их деятельности. В 1880 г. вышли первые книжки Петербургского комитета грамотности, рассчитанные на широкого читателя. Из 90 названий книг, выпущенных за 15 лет тиражом почти в 2 млн. экз., 80 приходилось на долю художественной литературы. Это были произведения С. Т. Аксакова, В. М. Гаршина, Н. В. Гоголя, Д. В. Григоровича, Г. П. Данилевского, В. Г. Короленко, И. А. Крылова, М. Ю. Лермонтова, Д. Н. Мамина-Сибиряка, Н. А. Некрасова, А. С. Пушкина, К. М. Станюковича, Л. Н. Толстого, Т. Г. Шевченко и других русских и зарубежных писателей. Некоторые из этих книг выходили двумя-тремя изданиями. Такого же направления придерживался и Московский комитет грамотности.

Однако на пути этих книжек к читателю имелось серьезное препятствие: высокая цена. Выпущенные комитетами книги стоили примерно в десять раз дороже, чем равные им по объему лубочные издания.

Приступая к самостоятельной издательской деятельности, Сытин вряд ли был полностью осведомлен о ее характере и назначении. По прошествии многих лет Иван

Дмитриевич строго судил о первых своих шагах на поприще книжного дела: «До 13 лет я жил в мальчиках, 7 лет затем вел живое торговое дело, которое, кроме практических торговых навыков и физической работы, ничего не давало. Сознание важности книжного дела, его великое значение было развито очень слабо» [20]. Для столь беспощадной самооценки имелись веские основания. И все же внимательный глаз современника улавливал в сытинской продукции, в умении донести ее до покупателя те отличительные черты, какие впоследствии резко выделили его из среды остальных лубочников.

В 1882 г. Иван Дмитриевич представил продукцию своей литографии на Всероссийскую ремесленную выставку. По предложению заведовавшего художественным отделом выставки академика живописи М. П. Боткина он был удостоен серебряной медали на Станиславской ленте, изображение которой украсило фирменный бланк «Товарищества». Большей награды выходец из крестьян получить в те годы не мог. Однако свою роль эта скромная награда выполнила: Сытиным заинтересовались. По-видимому, на выставке завязались и деловые связи с профессиональными художниками. В начале 1883 г. «Товарищество И. Д. Сытина» выпустило два лубка Михаила Осиповича Микешина, автора памятников Екатерине II в Петербурге, тысячелетию России в Новгороде, Богдану Хмельницкому в Киеве. Один лубок назывался «Эво, наша Катерина — намалевана картина», со стихотворной подписью самого художника: «Перед мальчиками ходит пальчиками, перед зрелыми людьми ходит белыми грудьми», другой — «О цыгане, мужике и его кобыле».

Второй лубок представлял собой многокадровую картину, о хитром цыгане, с помощью скипидара пускающего вскачь полудохлую кобылу простофили-мужика Епифана, а затем тем же способом отправляющего хозяина ее догонять. По свидетельству современников, «обе картины успеха не имели ни у деревенских, ни у городских покупателей» [21].

Недолговечность союза Микешина с Сытиным объясняется, однако, не частной неудачей художника, а иными причинами. «Я обещал Вам участие всеми силами своих художественных способностей — не для денег, конечно, а для проведения через Ваши издания в народ лучших образцов народной же поэзии и искусства...—

писал Микешин.— Согласитесь сами, что потратить, например, на работу рисунка «Цыган и Епифан» и на раскраску две недели и получить за это 100 рублей невозможно, ибо с такими заработками мне пришлось бы пойти по миру» [22]. Но Сытин в то время не решался повысить гонорар, поскольку мог привлечь покупателя только дешевизной своего товара. Поэтому Микешин и не спешил откликнуться на просьбу Сытина прислать рисунки еще двух заказанных им лубочных картин: «О встрече Ильи Муромца с разбойниками» и «О смерти Святогора-богатыря и передаче богатырского духа Илье Муромцу» (судя по письму, можно предположить, что Микешин исполнил рисунок на сюжет «Морской царевны» Лермонтова и подготовил целую книжку «О том, как мужик Епифан поддался в обман, и о том, что из того вышло потом») [23]. Подобные издания могли бы расширить традиционный ассортимент народной литературы, однако необходимыми для этого средствами фирма не обладала. Да и сам издатель еще не был готов к столь серьезным новациям: не хватало ни знаний, ни культуры...

Близко знавший Сытина А. С. Пругавин передавал с его слов эпизод, как нельзя более ярко характеризовавший тогдашний культурный уровень владельца фирмы: «— Приходит ко мне один из наших сочинителей (с Никольской) и приносит рукопись под заглавием: «Страшный колдун». Посмотрел я рукопись, вижу, написано складно, а главное, очень уж страшно; такие страсти — просто волос дыбом становится. Ну, думаю, эта книга, беспремерно, пойдет. Купил рукопись, заплатил сочинителю пять рублей, отдал в печать. Отпечатал 30 000. И что бы думали? Нарасхват. Так понравилось, так понравилось! Приказал еще 60 000 печатать. Начали набирать. Вдруг приходит ко мне метранпаж и говорит:

— Что мы наделали-то Иван Дмитриевич!

— Что такое?

— Да ведь мы Гоголя издали не спросившись.

— Как так?

— Верно,— говорит,— Гоголя, извольте посмотреть. И показывает мне «Страшную месть» Гоголя. Смотрю: действительно, из слова в слово «Страшный колдун» — только заглавие другое.

— Что же вы сделали? — спросил я.

— Понятно: приказал переделать,— ответил мой собеседник.

— Как переделать?

— Очень просто: переделать на свой лад, переменить имена, кое-что убрать, кое-что прибавить. Ну и выпустили, и теперь идет в продаже под заглавием «Страшный колдун, или Кровавое мщение, старинная повесть из казачьей жизни» [24].

Не случайно в памяти москвичей долго сохранялся анекдот о том, как начинавший в те годы литературную карьеру Влас Дорошевич (с именем которого читатель еще не раз встретится на страницах этой книги) за 25 р. продал Сытину для издания «Тараса Бульбу». Впоследствии об этом эпизоде писали В. А. Гиляровский и И. И. Ясинский. Сытин объяснял приобретение сомнительной рукописи жалостью, которой он проникся к пятнадцатилетнему гимназисту, принесшему ее под самое рождество. Дочь Дорошевича мотивировала случившееся лишь желанием отца подшутить над незадачливым издателем [25].

Свою трактовку этой обычной для тех лет истории дает современный исследователь, считающий, что фамилию нового автора на вышедшей в 1884 г. книге «Тарас Бульба. Повесть из казачьей жизни» издатель поставил самолично. «Он же,— пишет исследователь,— выпустил пересказ «Ночи перед рождеством» под названием «Кузнец Вакула, или Договор с дьяволом» с подзаголовком «Повесть из малороссийской жизни» и подписью В. Д., под которой скрывался В. Дорошевич» [26]. Думается, что все происходило иначе. Имена новых авторов ставились на подобных подделках с их согласия, так как наследники подлинного автора могли предъявить претензии лишь к издателям, поскольку речь шла не об откровенном плагиате. Да и это делать было бессмысленно. Судебные издержки перекрыли бы компенсацию за контрафакцию.

Вот и ходили на Никольском рынке бесчисленные переделки гоголевского «Тараса Бульбы» то под названием «Разбойники Тараса Черномора», то просто «Тараса Черноморского», то «Приключения казацкого атамана Урвана». В издании А. Абрамова повесть хотя и сохранила каноническое название, но вместо гоголевских героев в ней действовали тот же атаман Егор Урван и его сыновья Грицко, Борис и дочь Марина. «Вий» в лубочном варианте именовался «Страшной красавицей», «Песнь о купце Калашникове» Лермонтова — «Боярином Малютой Скуратовым». Переиначивались отдельные про-

изведения Пушкина, Тургенева, Жуковского, Салтыкова-Щедрина, Гл. Успенского, Л. Н. Толстого и многих других русских писателей. Но наиболее часто подвергался различным вивисекциям «Конек-Горбунок» Ершова.

Все лубочные издатели весьма вольно обращались с авторскими правами, и Сытин не был в этом плане исключением. Ведь написал же для него один из таких «никольских» писателей, бывший офицер В. Суворов своего «Юрия Милославского». Ежегодно слово в слово перепечатывал Сытин с изданий Шарапова «Английского милорда». Но в отличие от других издателей лубочной литературы Сытин стал расширять дело чрезвычайно быстрыми темпами. С 1883 по 1885 г. он сумел открыть две книжные торговли в Москве, на Старой площади и Никольской улице, и собственную типографию и литографию на Пятницкой. Если годовой оборот всех лубочных издателей Москвы и Петербурга составлял в середине 80-х гг. приблизительно 1 млн. р., то почти треть его (300 тыс. р.) приходилась на долю «Товарищества И. Д. Сытина и К°» [27]. По мнению одного из современников, «Товарищество» к концу 80-х гг. распространяло ежегодно не менее 8—10 млн. экз. народных изданий из 25 млн. экз., расходившихся на рынке [28].

Все лубочные издатели имели постоянных поставщиков бумаги и взаиморасчеты между ними носили, если можно так сказать, «семейный характер». Собственные типографии, чрезвычайно быстрый оборот капитала и постоянно увеличивающаяся прибыль резко уменьшали необходимость прибегать к банковским кредитам. Это обстоятельство в значительной мере помогло Сытину — владельцу никому еще не известной фирмы — в столь короткий срок расширить дело.

Исследователи считали, что в последней четверти века постоянный репертуар всех видов лубочных изданий несколько превышал тысячу названий. Ассортимент магазинов Сытина достигал более 580 названий, из которых большую часть составляли его собственные издания. Только дешевых календарей (стоимостью от 5 до 20 к.) он печатал в конце 80-х гг. более 1,5 млн. экз. ежегодно [29].

Этим, казалось бы, астрономическим цифрам не следует удивляться. Ведь менее чем шестидесятитысячным тиражом (пять заводов) лубочная книжка не печаталась. В тех же случаях, когда издатель был уверен в успехе,

он выпускал издание тиражом и в 80 тыс. экз., и даже более. Причем два-три раза в год, не говоря о дешевых календарях, обычный тираж которых составлял 200—300 тыс. экз., а в некоторых случаях достигал 1 млн. экз.

Чем же конкретно объяснялся успех именно Сытина? Один из наиболее серьезных исследователей вопроса А. С. Пругавин считал, что Сытин сумел в кратчайшие сроки расширить производственную базу «Товарищества» и хорошо поставить дело распространения своей продукции. «Товарищество» насчитывало до 2000 постоянных покупателей из числа офеней, мелких и крупных провинциальных книгопродавцев [30]. Об этом следует сказать несколько подробней.

Лубочники издавна распродавали свой товар с помощью офеней. Сытин на первых порах также решил сделать упор на торговлю вразнос, понимая, что крестьянин никуда за книгой не поедет. Но в отличие от своих конкурентов стал практиковать для офеней более широкий кредит и целенаправленный подбор литературы в зависимости от района их деятельности. Благодаря этому книги находили своего покупателя как в деревенской, так и в городской среде.

Офени в большинстве своем были малограмотны, а то и вовсе неграмотны. Многим из них приходилось не только подбирать литературу, но и рассказывать содержание книг. Мемуаристы отмечают, что «для каждого покупателя находилось у Ивана Дмитриевича время поговорить о торговле, о том, какой товар где лучше идет» [31]. «Однажды застал я в его лавке, в низочке на Старой площади, типично по-деревенски одетого мужика, которого Иван Дмитриевич очень любезно угощал чаем, в то время как приказчики усердно набивали для него несколько больших коробов книгами. Это был обычный покупатель Ивана Дмитриевича, крупный торговец по ярмаркам и базарам. Он был неграмотный, и Иван Дмитриевич по своему усмотрению отпускал ему книжки и картинки в народном вкусе того времени, присоединяя и более культурные новые произведения»,— вспоминал писатель Л. Бельский [32].

В свое время Салтыков-Щедрин высказал мысль о необходимости создать организацию интеллигентных офеней, чтобы увеличить продажу книг русских писателей. Его суждение вызвало язвительный экспромт поэта Д. Минаева, предложившего начать это дело со сбора

пожертвований на диогенов фонарь для будущих книгоношей, иначе, по его мнению, они не смогли бы разыскать грамотных на Руси[33]. Однако не прошло и десяти лет, как в 1885 г. по почину Ф. Красильникова была создана первая профессиональная артель ходебщиков специально для торговли народной литературой. В дальнейшем даже церковники стали использовать офеней для распространения святого товара. В конце века книгоношам Синодальной типографии выдавались годовые билеты, дающие право бесплатного передвижения по всем государственным железным дорогам.

Зная вкусы и возможности своего покупателя, офени проникали в такие медвежьи углы, куда не могли заслать свои товары самые крупные книгопродавцы. Такая мобильность офеней встревожила реакционные круги. У Сытина состоялись встречи по этому поводу с К. П. Победоносцевым и М. Н. Катковым, особо заинтересовавшимися, какими путями распространяется литература, которая «развращает народ». Буквально через полгода после встречи Сытина с редактором «Московских ведомостей» офеням было запрещено торговать без разрешения губернатора. «Офенство сократилось на 90%,— говорил Сытин,— потому что они не были в состоянии получить разрешение»[34].

Возможно, участие Каткова и сыграло известную роль в судьбе офенского промысла. Но думается, что его конец предрешили иные причины.

По стоимости одного короба литературы можно легко себе представить, что люди, покупающие у Сытина несколько больших коробов (пускай даже частью в кредит), обладали достаточным капиталом и на получение специальных разрешений от губернаторов, и на взятки местным полицейским чинам. Большинство из них ничего общего не имело с некрасовским дядюшкой Яковым. Каждый из таких оптовых покупателей грузил товар на две-три подводы, имел такое же число, а то и больше работников, которые, собственно, и развозили книги с осени до весны, добираясь на востоке до Сибири, и на западе до Болгарии и Сербии. Наряду с ними существовала и «мелкота», различные ходебщики и коробейники, но не они определяли ход дела.

И лубочные издатели, и распространители их продукции вели свое хозяйство «одним навыком, как всякое несложное ремесло, вроде шитья шапок или обуви», пре-

следуя только прямую выгоду и руководствуясь жаждой наживы. «Ни в расчет, ни в соображение» не входило, по словам специалистов, какое-либо «образовательное или нравственное значение этого дела» [35].

Продаваемые офенями в 2—3 раза дороже против цен склада лубочные книжки обходились народу в 2—3 млн. р. ежегодно (не считая лубочных картин). Естественно, что рано или поздно наиболее крупные издательские фирмы должны были взять на себя целиком задачу распространения лубочных изданий. Но для этого нужно было создать сеть магазинов и складов, увеличить число контрагентов, непосредственно связанных с деревней. К этому ни один из издателей народной литературы в начале 80-х гг. еще не был готов.

Не лучшим образом шли дела и у издателей-интеллигентов, выпускавших народную литературу (включая комитеты грамотности). Стоили выпущенные книжки дорого, от 20 до 50 к. Внешний их вид не внушал доверия крестьянам, привыкшим к стереотипному оформлению и каноническим названиям лубочных изданий. Пругавин не без основания писал: «Интеллигентные издатели народных книжек обыкновенно упускали из вида, что еще мало напечатать и издать хорошие книжки для народа, но что необходимо позаботиться о распространении их в народной среде. Думать, что мужики будут сами выписывать хорошие книги из столичных магазинов по меньшей мере наивно. Необходимо, чтобы книжки эти были занесены в село и деревню, чтобы они появились на ярмарках и базарах, на которые стекаются крестьяне для закупки всего необходимого для себя» [36].

Следовательно, чтобы коренным образом изменить положение вещей на рынке народной литературы, лубочники должны были изменить характер выпускаемых изданий, а комитеты грамотности резко удешевить свою продукцию. Но доход лубочного издателя с рубля не превышал 10—15%. О привлечении профессиональных литераторов или художников не могло быть и речи, так как гонорар колебался в пределах от 3 до 5 р. за лист. Казалось, круг замыкался: только новые авторы могли расширить ассортимент народной литературы, поднять ее уровень, в то же время ни на копейку нельзя было удорожать продукцию. Выход виделся в том, чтобы, не повышая себестоимости издания, увеличить минимум в 10—20 раз авторский гонорар. Но для этого следовало в не-

сколько раз поднять тиражи изданий. Такая задача представлялась нереальной. Казалось, что никто не возмется за организацию столь необычного предприятия. Однако такие люди нашлись. Их не испугала сложность поставленной задачи, и весьма знаменательно, что громадную, если не решающую, роль в осуществлении этого замысла сыграл И. Д. Сытин.

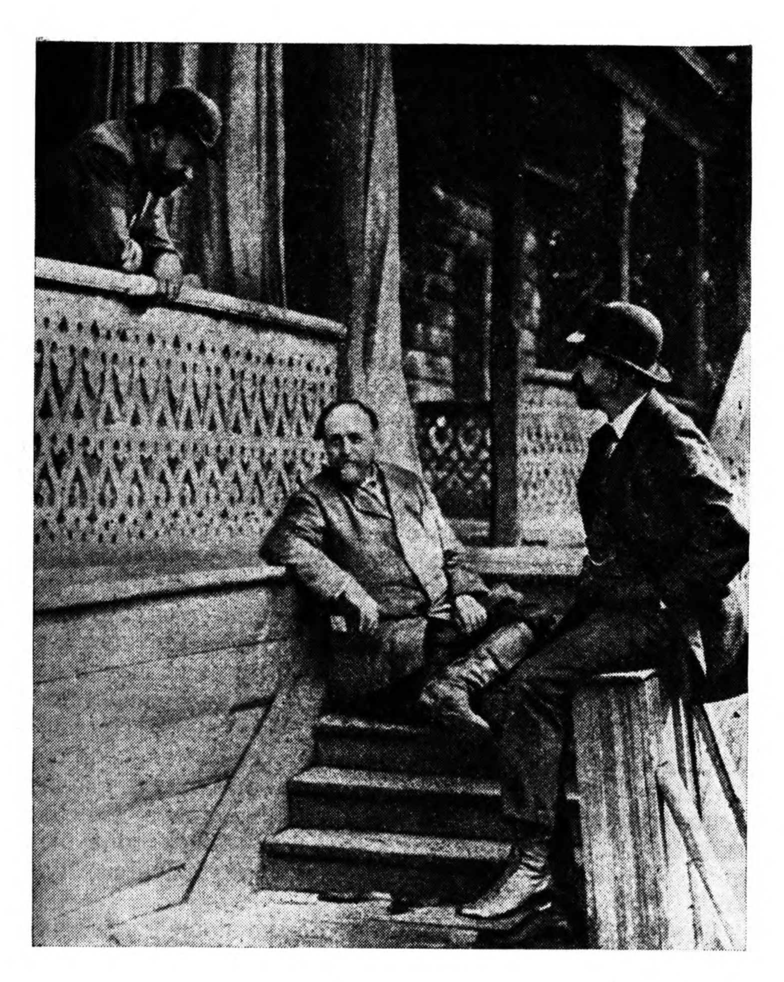
Благое дело

«В один счастливый день,— писал Сытин,— в лавку зашел молодой человек в изящной дохе и предложил, не хочу ли я издавать для народа более содержательные книжки. Посредничество между авторами и издателями он берет на себя. Книжки эти будут произведения лучших авторов — Толстого, Лескова, Короленко, Гаршина и других. Издателю обойдутся они дешево. Часть литературного материала будет бесплатна. Но издавать их обязательно в одну цену с дешевыми народными книжками... Они должны иметь дешевого потребителя и идти взамен существующих пошлых изданий. Предлагавший эти условия был В. Г. Чертков» [1].

В сознании нескольких поколений русских людей имя Владимира Григорьевича Черткова прочно связывается со Львом Николаевичем Толстым. Сын шефа Преображенского полка, гвардейский офицер, «он имел,— по словам одного из его друзей,— полную возможность сделать блестящую карьеру среди высших чиновников империи, отказался от этой карьеры и уехал в деревню, чтобы быть ближе к русскому крестьянину и лучше узнать его нужды» [2].

Еще в Петербурге Чертков близко сошелся с учившимся в академии молодым морским офицером Павлом Ивановичем Бирюковым. Духовные интересы друзей оказались созвучны религиозно-этическим воззрениям Л. Н. Толстого. Завязавшаяся переписка, а затем и встречи с великим писателем на всю жизнь сделали их верными приверженцами его учения и, безусловно, самыми близкими ему людьми.

Вначале друзья попытались издавать гектографическим способом для распространения среди узкого круга знакомых запрещенные цензурой философские сочинения Л. Н. Толстого, затем стали подумывать и о выпуске собственного журнала [3]. Независимо от их намерений в

И. Д. Сытин, В. Г. Чертков, А. И. Эртель

начале 1884 г. Толстой под влиянием книги Х. Д. Алчевской «Что читать народу» также решил приступить к широкому изданию общедоступных книг. 15 февраля он писал В. Г. Черткову: «Я увлекаюсь все больше и больше мыслью издания книг для образования русских людей. Я избегаю слова для народа, потому что сущность мысли в том, чтобы не было деления народа и не народа» [4].

Вокруг писателя образовался небольшой круг лиц, заинтересовавшихся этой идеей (М. П. Щепкин, Р. Л. Пи-

сарев, В. Н. Маракуев и др.). По словам одного из членов этого кружка, Толстой задался целью издавать «такого рода книги, которые имеют вечное, мировое значение. Черпать эти издания он предполагает в древних и средневековых классиках, не гнушаясь и нашими летописями, былинами и т. п.»[5] Техническую и литературную сторону предприятия должен был обеспечить Маракуев. Однако реализовать это начинание не удалось.

Возможно, под влиянием постигшей Толстого неудачи, Чертков вновь возвратился к мысли о выпуске журнала «для того полуграмотного народа, которому теперь нечего читать, кроме скверных лубочных изданий». Основное его содержание должны были составить небольшие рассказы Толстого. Предполагалось, что каждый номер будет составлять «одно целое, годное для розничной продажи»[6]. Узнав, что Толстой высказал полное сочувствие этому начинанию, его согласился финансировать известный меценат К. М. Сибиряков. Однако от своего первоначального намерения Чертков вынужден был отступить из-за резкой критики этого проекта художником И. Н. Крамским, с которым он поделился своей идеей. «Народ наш, еще по крайней мере целое столетие, подписываться не будет,— писал Крамской.— Стало быть, ему нужно дать хорошее вместо лубочного даром (для Вас без барыша, с убытком) и за деньги, для народа равные тем, которые народ платит на ярмарках... Издание же срочное и непериодическое имеет быть может резон, и тут те же самые препятствия, т. е. вы истратите страшно много денег в один год, так много, что никакое состояние не выдержит, и ничего не воротите»[7]. Согласившись с Крамским, Чертков вновь возвратился к высказанной Толстым идее «издания книг для образования русских людей».

В 20-х числах ноября 1884 г. вместе с Бирюковым он встретился в Москве с Толстым. Если и раньше писатель высказывал сомнения насчет «опасностей, соблазнов... в таком деле», как издание журнала, то после рассмотрения всех «за» и «против» единодушно было решено начать с выпуска дешевых (по ценам лубочных изданий) воспроизведений с лучших картин русских и иностранных художников с соответствующими подписями[8].

Чтобы осуществить это намерение, необходим был опытный в издательских делах человек, хорошо знакомый с практикой распространения народных изданий, го-

товый пойти на известный риск и в случае успеха удовлетвориться самым минимальным вознаграждением. В то же время он должен был быть готов и к цензурным мытарствам, поскольку на компромиссы в делах совести Чертков идти не хотел.

По совету Маракуева, выбор Черткова остановился на Сытине, который высказал мысль, что если объяснительный текст к какой-либо картине слишком разрастется, то его можно будет выпустить отдельным изданием (85, 122). С этих изданий все и началось [9].

Когда Иван Дмитриевич получил первые четыре рукописи, точно не известно. 21 февраля 1885 г. он сообщал Черткову, что все еще не имеет цензурного разрешения ни на одну из них, хотя две уже набраны («Чем люди живы» Л. Н. Толстого и «Христос в гостях у мужика» Н. С. Лескова), и просил срочно дослать остальные («Бог правду видит, да не скоро скажет» и «Кавказский пленник» Толстого), добавляя при этом, что «они все в одно время и выйдут, сразу четыре...» Но только 25 февраля было получено цензурное разрешение на книжку Толстого «Бог правду видит». Тогда же художник Н. А. Касаткин закончил обложки к последним двум книжкам.

«Мне приятно эти книжки все выпустить в огромном количестве,— писал Сытин на следующий день Черткову.— Покупатели... с нетерпением ждут. Я при посылках товара приписываю в счетах, что очень скоро выйдут такие-то книжки, и имею громадные заказы от многих книгопродавцев». Наконец 14 марта он получил возможность обрадовать своего адресата вестью, что через три дня вышлет пробные экземпляры книжек. Но и после того как на последнюю из них («Христос в гостях у мужика» Лескова) было получено цензурное разрешение, никто еще не мог быть уверен в благополучном исходе дела, так как неожиданно возникли затруднения с эмблемой издательства. В последовавшем затем недатированном письме Сытин извинялся за долгое молчание, объясняя его тем, что претерпел «много мучений, но все, слава богу, кончилось с успехом. Только сегодня мне разрешено цензурою напечатать на обложках крест и пословицу. Сегодня печатаю, завтра пошлю Вам по 150 экз.» [10].

Деловые взаимоотношения между компаньонами слагались таким образом: Чертков брал на себя всю редакционную работу — от заключения договора с автором до

чтения корректур и наблюдения за художественным оформлением изданий; вся техническая сторона дела оставалась за Сытиным. Большая часть изданий распространялась через «Т-во И. Д. Сытина и К°», меньшая — через склад вновь создаваемой фирмы и ее контрагентов.

Первоначально затраты на приобретение рукописей, расходы по редакции и торговые издержки оплачивались из средств Черткова или привлеченных им к делу лиц (в основном К. М. Сибирякова). Предполагалось, что расходы, связанные с выплатой гонорара (размеры которого устанавливал Чертков), будут уравновешиваться параллельно идущими безгонорарными изданиями, но покрывались они некоторое время лишь отчасти. Расчет себестоимости и размер вознаграждения самого издателя были обычными для лубочников.

Из сказанного все же не ясно, кому принадлежала непосредственная инициатива создания издательства. Бирюков впоследствии писал, что его «сочинили» они с Чертковым, а Толстой «одобрил»[11]. Думается, что так оно и было. Новое издательство решено было назвать «Посредником», так как оно брало на себя историческую миссию (естественно, в понимании Черткова и его друзей) посредничества между интеллигенцией и народом.

В апреле «Посредник» выпустил рекламную листовку, затем ее текст был воспроизведен в народническом журнале «Русское богатство». В листовке говорилось о целях издательства, желающего выпускать предельно дешевые и хорошие книжки. Листовку разослали широкому кругу лиц. Поэтому, когда появились первые книжки «Посредника», публика встретила их с большим интересом.

К сожалению, точная дата выхода их в свет не известна. Исследователи называют разные числа. Одни считают знаменательным днем 1 апреля, другие — 22 апреля[12]. И. Трегубов, поддерживающий последнюю версию, как давний сотрудник издательства заслуживает большего доверия.

Чуть позже, 25 апреля, в Петербурге открылся склад «Посредника» и официальная контора издательства[13].

Выпущенные книжки не были оригинальными изданиями, поэтому нетрудно было предугадать реакцию на их выход в свет. Прогрессивные круги встретили их с сочувствием, реакционные — с раздражением.

Книжки «Посредника» стоили столько же, сколько и

лубочные издания, но печатались на лучшей бумаге, с хорошими иллюстрациями: два рисунка в красках на первой и последней страницах обложки. Первоначально каждая книжка имела свой порядковый номер; на первой стороне обложки печатался девиз издательства: «Не в силе бог, а в правде» и белый крест как символ христианского направления издательства. Обложка обрамлялась красной рамкой. В дальнейшем из-за цензурных преследований от многих из этих аксессуаров пришлось отказаться [14].

Какие мотивы двигали создателями «Посредника», читателю уже известно; что заставило Сытина взвалить на себя тяжелый груз ответственности, рискнуть значительными средствами, не ожидая зримых материальных выгод,— предстоит выяснить. Впоследствии он говорил, что руководствовался примерно такого рода соображениями: «Пускай обычное мое издательство будет делом, коммерческим предприятием, а «Посредник» — как бы молитвой, это для души» [15]. Но в автобиографических заметках писал более откровенно: в этом начинании он увидел громадную перспективу, которую открывало «сближение народной издательской фирмы с интеллигенцией» [16].

Удача начинания объяснялась многими причинами: авторитетом Л. Н. Толстого, связями и целенаправленностью Черткова и его друзей, энергией и деловой сметкой Сытина и, главное, широкой общественной поддержкой. В истории России, пожалуй, не было ни одного такого издательства, участие в делах которого считали бы для себя обязательным крупнейшие писатели страны. Специально для «Посредника» В. М. Гаршин написал рассказы «Сигнал», «Сказание о гордом Аггее», переработал «Четыре дня на поле сражения» и «Медведя»; Н. С. Лесков написал «Пустопляса», «Прекрасную Азу», «Фигурки»; А. И. Эртель — рассказ «Жадный мужик». Бесплатно передали издательству свои произведения Д. В. Григорович, В. Г. Короленко, К. М. Станюкович, Г. И. Успенский, А. П. Чехов и многие другие. Участвовали в «Посреднике» и писатели-крестьяне: В. И. Савкин (Иванов), С. Т. Семенов, И. Г. Журавов.

С самых первых шагов деятельность «Посредника» получила широкий общественный резонанс. Толстой с приятным удивлением сообщал одному из своих друзей, что знакомые Сытина из торгового мира, которым Черт-

ков давал читать его письмо к М. А. Энгельгардту, поняли суть его взглядов и все значение книгоиздательства «Посредник». Письмо так подействовало на них, что они решили способствовать издательству себе в убыток; например, торговец бумагой тотчас же спустил 1,5 к. на пуд бумаги, что, в общем счете, составило тысячи рублей. «Вообще,— отмечал Толстой,— сочувствие со всех сторон я вижу огромное» (63, 234—235).

Искренне радуясь новому предприятию и много от него ожидая, Толстой в одном из писем называл его «Чертковско-Сытинским делом» (63, 242). В таком же приподнятом состоянии находились в первое время и его организаторы. Отправляясь на Нижегородскую ярмарку, Сытин писал Толстому: «Мне очень дорого и приятно дело, когда покупающие все с радостью разбирают и благодарят». Оптимистичны были и известия с ярмарки: дешевые и красочные книжки «Посредника» раскупались нарасхват. «Купивши и прочитав», многие приходили вторично, «требуя еще и других таких рассказов». Сытина поражало, что среди покупателей было много женщин [17]. Толстой горячо одобрял деятельность «Посредника». В его кабинете над письменным столом была сделана специальная полка для книг, предназначенных к раздаче. «Это были почти сплошь издания «Посредника»,— свидетельствуют близкие ему люди [18].

Казалось, что дело «Посредника», так успешно начатое, будет быстро развиваться. Но уже осенью 1885 г. контрагенты стали ограничивать свои заказы. Вязьминский книгопродавец И. И. Дикушин объяснял возникшие затруднения тем, что офени неохотно брали издания «Посредника», поскольку они стоили все же дороже лубочных изданий. «За сотню обыкновенной лубочной „листовки“ как я, так и торговцы платили 1 р. 5 к. и 1 р. 10 к. За листовку „Посредника“ 1 р. 20 к. и 1 р. 35 к. ... В оптовой торговле офеням мы продаем за 1 р. 30 к. и 1 р. 40 к. за сотню обыкновенной листовки. Сотня листовки „Посредника“ продается у нас по 1 р. 60 к. и 1 р. 70 к.». Ведь при всех расчетах офени назначали постоянную цену: три копейки за книжку, пятачок за пару [19].

За первые два года деятельности издательству удалось выпустить лишь 37 названий книг и начать выпуск репродукций картин известных художников. Организаторы издательства всемерно стремились расширить репертуар изданий: печатали популярную литературу по сель-

2 Зак. 1560

скому хозяйству, медицине, просветительного характера (особое внимание обращалось на книжки по борьбе с пьянством) и, естественно, так называемую духовно-нравственную литературу. Однако общий тираж выпуска за первое пятилетие составил не более 800 тыс. экз. Причем лишь треть его приходилась на новые, оригинальные издания.

Более трех четвертей выпуска составляла беллетристика; общий тираж «Житий святых» и книг духовных писателей едва достигал 50 тыс. экз. Примерно в таком же количестве вышли просветительная литература и практические пособия. Тираж репродукций не превышал 10 тыс. экз. Успехом у широкого читателя они явно не пользовались [20].

Со временем удалось снизить цену изданий «Посредника» до 90 к. за сотню. Но дешевизна не спасала дела. Беда заключалась в том, что книжки «Посредника» пользовались успехом в основном в среде малоимущего городского населения и так называемой сельской интеллигенции (писарей, священников и т. д.). Первое время крестьяне покупали их неохотно. Офени жаловались: «Спрашивают везде все пострашнее да почуднее. А тут все жалостливые, да милостливые» [21]. Тем не менее $^4/_5$ изданий «Посредника» с помощью офеней расходилось среди «простого народа».

Ограниченный спрос сказывался на тиражах и, следовательно, на финансовых возможностях издательства. «Каждое первое издание листовки (т. е. книжки объемом в один авторский лист.— *Е. Д.*) дает на 7 р. убытку,— писал сотрудник „Посредника" Д. Н. Мамину-Сибиряку. Следовательно, если бы мы платили 200 р. за лист (таков был размер обусловленного писателем гонорара.— *Е. Д.*), то книжка окупалась бы для нас при 70 изданиях, т. е. в 70 лет» [22]. Поэтому А. П. Чехов считал, что установленный Чертковым для известных писателей гонорар в 50 р. за лист чересчур высок. (Столько же платили за лист научно-популярной литературы.) Обычный гонорар равнялся 12 р. 50 к. за лист.

Ко всем прочим бедам прибавлялась неритмичность выпуска. С одной стороны, она объяснялась цензурными притеснениями, с другой — сложностью корректурного обмена. Чертков жил в имении своей матери на станции Россошь Воронежской губернии, Бирюков — в Петербурге, Толстой — в Ясной Поляне, Сытин — в Москве. Не раз

корректура, отправляясь в путешествие из Москвы, возвращалась туда, побывав во всех трех названных адресах. Из-за этого часто возникали задержки.

Развитие деятельности «Посредника» поначалу сдерживалось и весьма ограниченными возможностями Сытина. Очень часто заказы на печатные работы приходилось передавать на сторону: не было своей переплетной мастерской, не хватало квалифицированных рабочих. С увеличением объема работ начинали, как говорил Иван Дмитриевич, «с плеча печь». Но брак, сходивший в лубочных изданиях, был для «Посредника» неприемлем. В бракованные книжки приходилось вносить исправления, что заметно увеличивало их себестоимость [23].

Ход дела заставлял Сытина расширять и модернизировать производство, вкладывать в него все новые и новые средства. В октябре 1885 г. он начинает практиковать гальванопластические копии с набора книжек «Посредника», рассчитывая на их последующее переиздание. Чуть ранее для улучшения качества печати он завел цинкографию, а в конце года открыл переплетную мастерскую. Тогда же была куплена типография Орлова с пятью станами.

Значительные вложения, медленный оборот капитала, неравномерность в поступлении доходов привели к тому, что в середине 1886 г. появились признаки финансовой необеспеченности фирмы. «Я должен буду скоро оставить дело в нашем Товариществе,— встревоженно сообщал Сытин.— Сегодня описали все, что я имел раньше, денег или имущества» [24]. Страхи оказались преувеличенными. Иван Дмитриевич пользовался весьма почтенной репутацией и мог рассчитывать на кредиты. Однако в конце года вновь возникла кризисная ситуация. На этот раз из-за задолженности «Посредника». «Иметь дело со многими людьми, верьте честному слову, очень трудно,— писал Сытин позднее,— все недоразумения нужно очень скоро устранять. А у меня компаньоны — люди интереса, и во всем требуется известная цель, хотя не прочь и делать все доброе, но чтобы не мешало и другому» [25]. Сочетать коммерцию с целями «Посредника» было весьма трудно.

Но сотрудничество с «Посредником» оборачивалось не только одними терниями, оно значительно подняло авторитет «Товарищества И. Д. Сытина» в глазах общества, позволило обновить репертуар собственных из-

даний за счет переданных Чертковым рукописей. В то же время, рассматривая работу для «Посредника» как гарантированный на многие годы заказ, Сытин смог начать постепенное расширение своего предприятия. В 1890 г. он перевел типографию во вновь построенное двухэтажное здание на Валовой улице, значительно увеличив число типографских и литографских машин. Упрочившееся положение дало возможность «Товариществу» в следующем году перекупить журнал «Вокруг света» вместе с типографией, в которой он печатался.

Разрастаясь, дело требовало все новых и новых капиталовложений. Рамки «Товарищества на вере» ограничивали возможности Сытина. Следуя примеру Маврикия Вольфа, он решает преобразовать его в «Товарищество на паях», т. е. создать акционерное общество. Один из ближайших сотрудников Черткова И. И. Горбунов-Посадов сообщал ему 4 мая 1891 г., что «Сытин устраивает высочайше утвержденное товарищество — 400 паев по 1000 рублей. Вообще машина у него все вертится быстрее и набирает со всех сторон работу»[26].

Акций пришлось выпустить больше — 450, каждая ценностью в 1000 р. Из них 158 принадлежали Сытину (некоторое количество попало в руки родственников). При нескольких десятках пайщиков решающий голос всегда оставался за ним.

Все эти изменения не могли не сказаться на взаимоотношениях с «Посредником», попытавшимся в начале 90-х гг. значительно расширить свою деятельность.

Весною 1891 г. Чертков решил начать издание дешевых небольших книжек, рассчитанных на читателя-интеллигента. Благодаря связям с крупнейшими писателями он предполагал выпускать их произведения, ранее опубликованные в журналах, за весьма скромное вознаграждение. Никакой прибыли эти издания дать не могли, так как их себестоимость была более высокой, чем народных, а книготорговая скидка обычной для коммерческих изданий (30%). Зато книжки попадали в руки самого демократического читателя. «Очень порадовался новой мысли издавать книги для интеллигенции. Это очень хорошее дело и желательное, во многом помогает одно другому»,— отвечая на предложение Черткова взять на себя их издания, писал Сытин[27].

Соглашаясь отдавать свои произведения «Посреднику», писатели ставили лишь одно непременное условие —

оперативное их издание, поскольку только в этом случае очередные сборники могли избежать конкурсиции. Сытин обязывался выпускать эти книжки «не далее, как через два месяца после разрешения цензуры»[28]. Предполагалось, что их тираж будет составлять 48 тыс. экз., т. е. в четыре раза превышать обычный тираж народных изданий, а общий объем составит 30 листов в месяц[29].

Начиная новое дело, Чертков не располагал никакими средствами. Он даже просил Сытина под любой процент ссудить его двумя тысячами рублей для расчета с авторами[30]. И тем не менее он намеревался выпускать книжки сериями по несколько названий сразу, рассчитывая, что таким образом скорее привлечет к ним внимание общества. Половина прибылей от этих изданий шла Сытину, другая — Черткову. Последний из своей доли выплачивал Ивану Дмитриевичу проценты ссуды, компенсировал некоторые редакционные расходы, а оставшуюся часть отдавал авторам[31].

Реализация замысла Черткова была связана с некоторыми трудностями: новая типография не справлялась с увеличенным объемом работы, а всякие заказы на стороне увеличивали себестоимость изданий. Особо беспокоили издателя усилившиеся придирки цензуры. В марте 1892 г. Главное управление по делам печати разослало специальный циркуляр, обращавший особое внимание на «Товарищество И. Д. Сытина». Причиной тому служили произведения Л. Н. Толстого, призванные, по мнению властей, «подорвать в народном сознании нравственные начала»[32]. Желая несколько успокоить Сытина, Чертков писал по этому поводу: «Мы живем в такое время, когда все хорошее и живое осуждается... За хорошие книжки нас гонят. Что касается до Вашего участия в них, то ведь по закону Вам решительно ничего не могут сделать, ибо все требуемое законом, разрешение цензурою и т. п. Вами соблюдается. А что бранят, так это в наше время все равно, что похвала»[33].

Возможно, в душе Иван Дмитриевич и соглашался с Чертковым, но медлил с печатанием серии, открывать которую должен был сборник «Этика пищи» со статьей Л. Н. Толстого «Первая ступень»[34]. Получив предостережение цензуры, он долго не решался сообщать об этом Черткову, видимо, предпринимая некоторые шаги, чтобы обойти запрет, но, убедившись в бесплодности своих попыток, чистосердечно написал ему обо всем[35].

Цензуру в конце концов удалось обойти: Толстой сам отдал статью в редактируемый Н. Я. Гротом журнал «Вопросы философии и психологии», после публикации в котором ее разрешили поместить в сборнике.

Большие трудности представляло для Сытина и другое начинание Черткова, задуманное в конце 1890 г., но осуществленное одновременно с изданием книг «для интеллигентного читателя» — воспроизведение картин русских художников, которые Чертков предполагал распространять комплектами. По его словам, и в этом начинании «живое участие» принимал Толстой, помогая «своим личным содействием и в общем, и даже в мелочах»[36].

Судить о намерениях руководителей «Посредника» можно уже по первой серии воспроизведений, в которую входило 13 картин художников-передвижников: «Чтение положения 19 февраля» Г. Г. Мясоедова, «Раздел» В. М. Максимова, «Приезд гувернантки» В. Г. Перова, «Неравный брак» В. В. Пукирева, «Вернулся» и «Проводы новобранца» И. Е. Репина, «На войну» К. А. Савицкого, «Письмо на Родину» и «Больная сестра милосердия» М. П. Клодта, «Оправдание» В. Е. Маковского, «Осужденный» и «Всюду жизнь» Н. А. Ярошенко, «Новое знакомство» К. В. Лемоха *. И в эстетическом плане и по своей тенденции все эти репродукции как бы продолжали направление книжных изданий «Посредника». Каждая из них стоила 10 к., комплект в бумажной папке — 1 р. 30 к. Прибыль с десяти картин составляла 31 к. В кредит они не отпускались. Но и при этих более или менее выгодных условиях выпуск картин был для Сытина лишней обузой: его типография с трудом справлялась с этим заказом, так как параллельно печатались календари и приложения к ним.

По всей видимости, рассылка «Русских картин» (так они назывались в деловой переписке) началась лишь около 20 февраля 1892 г. В продажу они поступили еще позднее, не раньше середины марта[37]. При такой постановке дела ни о какой оперативности их выпуска не могло быть и речи. Сытин это отлично понимал, но поступиться своими интересами не мог, слишком уж стремительно расширились масштабы деятельности «Посредника». О влиянии его изданий на книжный рынок можно

* Названия картин приводятся так, как они были обозначены Чертковым.

судить хотя бы по тому, что по ценам «Посредника» устанавливались номиналы на книжки серии «Правда», выпускавшейся «для народа» баронессой В. И. Икскуль (которые, кстати, печатались также в сытинской типографии), издания комитетов грамотности. Если первоначально цены книжек Петербургского комитета грамотности превышали номиналы «Посредника» чуть ли не в десять раз, то в 1894 г. они с ними сравнялись, причем издания комитета печатались на лучшей бумаге и были более высокого качества.

Успех подобных изданий свидетельствовал, что дело, начатое «Посредником», нашло повсеместную поддержку. Когда на съезде русских деятелей по печатному делу кто-то выступил с предложением ходатайствовать перед правительством об ограждении народа от вредного влияния лубочных изданий, то представитель Петербургского комитета грамотности с уверенностью заявил, что для успешной борьбы с лубочниками не нужны никакие ограничительные меры, необходимо только обеспечить за обеими сторонами полную свободу действий [38]. Однако цензурные придирки, в частности, участившаяся отмена разрешений на ранее выпущенные книжки, лишали издательство возможности использовать все выгоды стереотипного переиздания наиболее популярных книг — важнейшего условия удешевления народной литературы.

Чувствуя, что возникшие трудности нельзя разрешить обычными мерами, Сытин предложил Черткову передать задуманные издания другой фирме. «Мне гораздо приятнее и удобнее было бы не вступать в новые сношения с незнакомыми мне издателями,— отвечал на его предложение в конце марта 1892 г. Чертков.— И, кажется мне, что если бы только определенно сговориться и потом в точности исполнять наш общий договор, то новое дело могло бы прекрасно пойти и у нас с Вами» [39].

Со временем сочетать интересы «Товарищества» с намерениями «Посредника» становилось все сложней и сложней. Приходилось преодолевать сопротивление компаньонов, недовольных невыгодными в коммерческом плане заказами. «Я все думаю, что „Посредник“ должен быть самостоятелен в интеллигентных изданиях, иметь самому дело с типографиями... хозяйственную часть вести свою разумно и независимо от нас или кого-либо, тогда больше будет толку, и дело быстрее пойдет. Как только от своих дел отрешусь, непременно постараюсь органи-

зовать толком это дело»,— вновь возвращаясь к старому, писал Сытин Черткову в октябре 1893 г.[40]

Необходимость кардинальных изменений не только во взаимоотношениях с Сытиным, но и в хозяйственно-организаторской структуре «Посредника» становилась неизбежной. Вести издательство на коммерческой основе Чертков не хотел и поэтому предложил передать общее руководство делом Бирюкову. Фактически руководителем издательства стал Иван Иванович Горбунов-Посадов, с 1888 г. ведавший делом народных изданий. За собой Чертков оставил лишь редакцию беллетристических книг, рассчитанных на читателей-интеллигентов.

Летом 1891 г. редакция «Посредника» закрыла контору в Петербурге и перебазировалась в Москву, оставив в столице своим основным контрагентом А. М. Калмыкову. В Москве эту роль играл М. Е. Конусов. Оптовая торговля изданиями «Посредника» оставалась у «Товарищества И. Д. Сытина», которое продолжало печатать их на льготных условиях. Попеременно они печатались и в других типографиях.

Значительно расширив репертуар, «Посредник» начал выпускать издания, дающие некоторую прибыль: различные сборники, пособия для начальной школы, хрестоматии, детские книги. «Дело наше расширяется, и я очень надеюсь довести его до журнала и даже газеты»,— сообщал в самом начале 1893 г. одному из своих корреспондентов Бирюков[41].

На новых условиях сотрудничество «Посредника» с Сытиным продолжалось еще десять лет, до 1904 г., когда два издательства оказались конкурентами в области издания педагогической и детской литературы, и отношения между их руководителями обострились.

В истории отечественной культуры «Посредник» занял свое особое место. Изданные им книги способствовали проникновению в темную, невежественную среду элементарных медико-санитарных знаний, они стали первыми пособиями для ведения крестьянского хозяйства, познакомили тысячи людей с произведениями крупнейших русских писателей. Доходчивые по изложению, доступные по объему сведений, книжки «Посредника» бесспорно сыграли свою роль в просвещении народа.

По словам Н. К. Крупской, деятельность издательства в конце 80-х гг. имела «громадное значение». «„Посредник“ бросал широкими пригоршнями семена знаний

в рабочие и крестьянские массы»[42]. Издательство заняло в истории книжного дела важное место, обозначив резкий перелом в направлении и характере выпускаемой народной литературы. Правда, в первые три-четыре года существования издательства выпущенные им книги (за исключением двух-трех) были предназначены только крестьянскому читателю. В них, по мнению исследователей, еще не сказывались тенденции, направленные на то, чтобы «поднять народ до уровня культурной жизни (напротив, тенденции их, правильно или нет, но выставлялись именно как устои самого народа)... Все они по легкости языка и несложности фабулы совершенно подходили к уровню развития и грамотности среднего крестьянского читателя»[43]. Но в конечном счете «Посредник» более чем какое-либо другое издательство внес свою лепту в разрушение мифа о необходимости какой-то особой литературы для народа.

И тем не менее на всей его деятельности лежал отпечаток исторической ограниченности мировоззрения его руководителей. «Существенное заблуждение „Посредника" заключается в том, что он возлагает чрезмерно большие надежды на проповедь личного совершенствования и слишком малые на совершенствование общественных учреждений»,— справедливо отмечал анонимный рецензент «Русской мысли»[44].

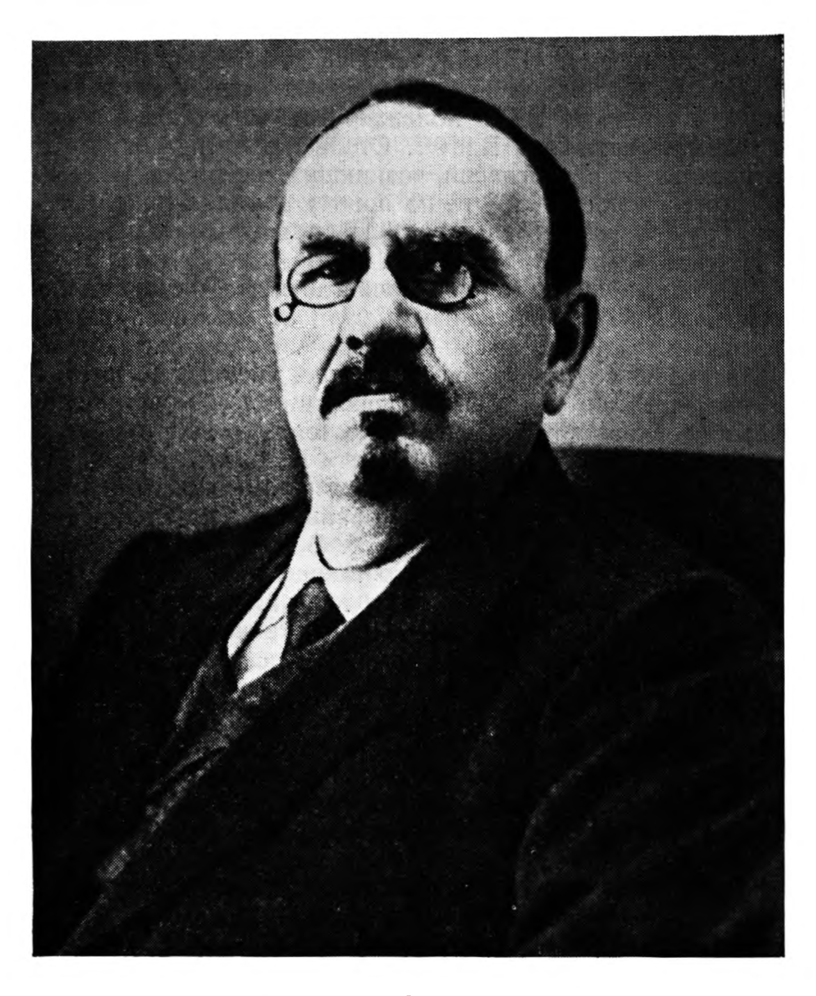
Не следует думать, что взаимоотношения Сытина с руководителями «Посредника» всегда были безоблачны. Недоразумения возникали не так уж редко, да иначе и быть не могло в таком тонком и нелегком деле. К сожалению, в существующей литературе эти конфликты не нашли правильного объяснения. Так, В. К. Лебедев, считающий, как и некоторые современники Сытина, что тот «ухватился за „Посредник" как за якорь спасения, чтобы под его влиянием и содействием изменить мало-помалу характер своей литературы», возлагал на Ивана Дмитриевича вину за все возникавшие конфликты. А в доказательство приводил вырванные из контекста его слова. Столь односторонняя оценка обосновывалась в основном характеристикой, содержащейся в конфиденциальных материалах министерства внутренних дел, впервые обнародованных исследователем.

Материалы эти проливают свет на многие неизвестные ранее моменты, однако содержащаяся в них аттестация Сытина как «человека чрезвычайно мягкого и

легко поддающегося чужому влиянию» не соответствует действительности[45]. Изображая его жертвой злых козней Толстого и Черткова, автор приведенных строк, в те годы начальник департамента полиции П. Н. Дурново, преследовал определенные цели; не располагая никакими компрометирующими документами, он хотел с помощью цензурного ведомства разрушить союз Сытина с «Посредником» и тем самым затруднить деятельность издательства. (30 июня 1885 г. Бирюков писал Толстому: «Вероятно, для цензуры уже не секрет наше направление...») [46]

Не являются доказательствами в строгом значении этого слова и обвинения Сытина в задержке исполнения заказов «Посредника», извлеченные из частного письма Черткова к Толстому, в котором тот объясняет задержку главным образом тем, что типография Сытина, «не особенно нуждаясь в таких маленьких книжках, страшно медлит их печатанием»[47]. Подобные доводы неоднократно встречаются в письмах Черткова наряду с чистосердечными признаниями своей вины за задержку корректур. Речь, понятно, идет не столько об этих перебоях, сколько о причинах, их вызывающих. Вот что писал Бирюкову годом раньше по поводу подобных обвинений хорошо информированный в делах свидетель И. И. Петров (сотрудник «Посредника» и редактор «Товарищества И. Д. Сытина»): «Вам в Петербурге не так заметно, как мне здесь, отношение к Вам Сытина. Ну а я иногда просто удивляюсь его снисходительности и уступчивости (если смотреть на Ваши отношения как на деловые). Он, что называется, лезет из кожи вон, чтобы угодить «Посреднику» и не вызывать никаких недоразумений»[48].

Но упреки справедливы в ином плане. Ведение дел в сытинском хозяйстве оставляло желать лучшего. Велось оно по старинке: учету и отчетности не придавалось должного значения. Одним словом, оно действительно являлось «товариществом на вере». Для связи с «Посредником», да и то далеко не сразу, был выделен один сотрудник, но и он не освобождался от своих прямых обязанностей. Перегруженная заказами типография не имела графика работ. Что поделаешь, Сытину ведь не пришлось пройти настоящей школы, которая была, например, у М. Вольфа или А. Маркса. Он и сам с горечью признавался, что служение у Шарапова, «кроме практических торговых навыков и физической работы,

М. Т. Соловьев

ничего не давало»[49]. Всему приходилось учиться по ходу дела. И когда Чертков писал, что он не знает, «получаются ли кем следует и принимаются в соображение» его указания, он был прав в своих упреках. Так же как и в требовании своевременно отвечать на запросы[50].

В то же время Чертков прекрасно понимал, что в ряде случаев задержки вызываются объективными причинами, а то и враждебным отношением к изданиям «Посредни-

ка» некоторых из компаньонов Сытина[51]. Позднее он даже писал ему: «Пожалуйста, не думайте, что я огорчаюсь на Вас лично за замедление в выходе моих книжек. Я понимаю Ваше положение и, во всяком случае, не думаю осуждать Вас»[52]. Столь же поспешен вывод относительно разногласий, возникших несколько ранее — в марте — апреле 1888 г., по поводу порядка приобретения рукописей, переданных «Посредником» Сытину в счет оплаты гонорара авторам.

Суть конфликта заключалась в том, что часть рукописей, переданных Чертковым, Сытин не захотел принять, хотя они были одобрены Толстым[53]. По мнению Ивана Дмитриевича и одного из наиболее деятельных членов «Товарищества» Д. А. Воропаева, они не обладали соответствующими литературными достоинствами.

Все началось с комедии «Омут» Н. А. Полушина, которую Воропаев и Сытин сочли «очень нелитературной», содержащей «очень малую мораль», о чем деликатно последний и написал Черткову[54]. В раздражении Чертков не преминул отметить, что такое мнение расходится с оценкой комедии Стасовым и Михайловским, и снова ссылался на Толстого. «Нет на свете человека лучше Льва Николаевича, понимающего русский народ,— писал он Сытину,— и лучше его понимающего, что следует требовать от литературного произведения для того, чтобы оно представляло для массы простых русских читателей чтение нравственно полезное и значительное». Соглашаясь, что «маленькие недоразумения не могут не возникать от времени до времени при участии нескольких лиц в одном деле», Чертков предлагал компромиссный вариант соглашения. Но тон письма выдавал степень его раздражения[55].

Письмо Черткова обидело Сытина. В несвойственной ему манере он напомнил Черткову, что никогда и никому не навязывал своих услуг и не будет возражать, если от них откажутся, давая одновременно понять, сколь неприлично давить на него авторитетом Толстого. «Вероятно, мое рабское подчинение довело до того, что никакого слова я не имею права сказать»,— сетовал он в заключение[56].

Будучи человеком вспыльчивым (Чертков сам признавал это), Владимир Григорьевич всегда находил в себе мужество исправить ошибку. Получив письмо Ивана Дмитриевича, он просил извинить его за недопустимую

резкость тона. Одновременно он писал Толстому, советуя ему повидаться с Воропаевым и сохранить добрые отношения, так как «от степени его личного сочувствия к Вам много зависит успех нашего книжного дела, которое сильно пострадает, если придется разойтись с Сытиным» (86, 133) [57].

В ответ на извинения Черткова Сытин написал, что «все мелочи и недостатки не следует брать в расчет», а он, в свою очередь, постарается сделать «все, что подсказывает... совесть, а она всецело на Вашей стороне» [58]. Именно эту фразу и приводил автор цитированной статьи как факт признания Сытиным своей вины.

Нет надобности разбираться в каждом возникавшем конфликте. Важнее другое: выяснить, сколь полезен оказался этот союз для той и другой стороны, что он дал Сытину и Черткову не только в плане деловых отношений, но и для каждого из них как личности. Возможно, на первый взгляд такая постановка вопроса покажется несколько искусственной. Малограмотный торговец лубочными изданиями и близкий друг Толстого, человек, на равных обращающийся ко всем сильным мира сего. А между тем сам Чертков и в годы его сотрудничества с Сытиным, и после считал себя многим ему обязанным. Недаром в 1910 г., когда он отошел от дел «Посредника», а новый руководитель издательства Горбунов-Посадов временно разошелся с Сытиным, Чертков посчитал себя обязанным выступить перед общественностью не только во имя истины, но и «ради сохранения... личных добрых отношений с Сытиным», которыми очень дорожил, как «отношениями со всяким другом» [59].

То, что Сытин из компаньона стал его другом, Чертков подчеркивал неоднократно. Так, еще в начале 1893 г., когда обстоятельства вынудили Черткова отойти от активной работы в издательстве, он обещал тому же Горбунову-Посадову время от времени писать Ивану Дмитриевичу «просто так по душе, чтобы поддерживать непосредственное общение с ним, которое... дороже даже и помимо общего нашего дела» [60]. Об испытываемом к Сытину «чувстве личной дружбы и благодарности» он поминал неоднократно [61]. «Я вам уже не раз говорил,— писал он Сытину,— Вы мне дороги с двух сторон: и сами по себе, как человек, которого я успел полюбить, и как человек, с которым я связан общим делом, серьезным и радостным» [62].

Преданность Сытина «общему делу» соединила его с Толстым и его окружением более крепкими узами, чем об этом можно было подумать. Черткову чрезвычайно импонировали его энергия, хватка, увлечение идеей всеобщего просвещения родного народа, знание людей, умение к ним подойти и наладить добрые отношения, располагало к Сытину и его исключительное бескорыстие в делах «Посредника»[63]. Иван Дмитриевич постоянно подвергал себя риску материальных потерь и, что гораздо опаснее, возможности навлечь на себя гнев правительства. А угроза того и другого все время нависала над ним.

Еще в самом начале содружества — летом 1886 г. — в магазине Сытина были куплены попорченные Евангелия. Хотя в ходе следствия выяснилось, что в случившемся не было его вины, власти использовали это обстоятельство, чтобы усилить придирки, истинная причина которых выяснилась позднее. Один из московских друзей сообщал Черткову: «Видимо, наступило гонение на произведения Толстого, и это гонение заставляет и Сытина призадуматься, может быть, и временно, над дальнейшим печатанием новых его произведений... Зловещие признаки появляются, и Сытину приходится с ними считаться» (85, 366). Однако Иван Дмитриевич пренебрег опасностью и не приостановил действия договора с «Посредником», печатая в числе прочих и книги великого писателя.

Сытин никогда не слыл издателем-филантропом, и отношения с «Посредником» строились на деловой основе, но прибыль, извлекаемая из них, была минимальна. Это обстоятельство представлялось подозрительным даже таким людям, как В. Г. Короленко. Черткову пришлось приложить немало усилий, чтобы уверить писателя в том, что Иван Дмитриевич, «вопреки установившемуся в обществе убеждению, вовсе не наживается от этих изданий» (речь идет о книжках «Посредника».— *Е. Д.*), а окупает «с незначительною с вполне законною прибылью свои расходы и труды по этому делу»[64]. В то же время Чертков испытывал некоторое чувство, подобное ревности, когда шла речь о таких начинаниях Ивана Дмитриевича, как издание народных календарей. Ему казалось, что разрастающаяся деятельность «Товарищества» превращает Сытина в маховое колесо машины, делает его «очень нужною принадлежностью механизма, но именно

принадлежностью»[65]. Он считал, что рано или поздно дело выйдет из-под контроля его владельца и станет непреодолимым препятствием его духовному развитию, ибо «рост духа, сознания требует некоторого простора, т. е. свободного времени и спокойствия, чего... будет все в меньшей степени при расширении торгового дела»[66].

Черткова нельзя упрекнуть в излишней созерцательности. Он, бесспорно, был человеком активным и деятельным. Его помощь духоборам, воронежским и тульским крестьянам во время голода 90-х гг., организация за рубежом эмигрантского издательства «Свободное слово» — все рисует его как человека действия (кстати, значительную помощь голодающим продуктами, закупленными на свой счет, оказывал и Сытин)[67]. И все же он не верил, что Иван Дмитриевич сможет подчинить «общему делу», которое было «самым радостным и светлым», свое предприятие[68]. Он опасался, что оно перейдет в другие руки, если Сытин не локализует своих усилий.

В свою очередь, Иван Дмитриевич очень дорожил дружбой с Чертковым, которого называл своим «духовным учителем, вдохновителем, воспитателем». «Благодаря Вам, Вашим наставлениям и указаниям,— говорил он, обращаясь к Черткову,— я понял, что такое литература и что такое значит быть издателем книг для народа»[69]. И хотя эти слова были сказаны в торжественный день юбилея, они настолько высоко оценивают годы содружества, что их нельзя не принимать во внимание.

Поддержка, оказанная Чертковым, была равно важна и в деловом и в моральном плане. Благодаря «Посреднику» имя Сытина получило всероссийскую известность. С помощью Черткова ему не раз удавалось преодолевать бюрократические барьеры. Великосветские знакомства Черткова помогли, например, Ивану Дмитриевичу в мае 1889 г. найти «ход» к киевскому губернатору, не разрешавшему открыть в городе склад изданий «Товарищества»[70]. Даже цензурные рогатки помогали преодолевать связи Черткова и его друзей. Так, на первых порах помощь в этом плане «Посреднику» и Сытину оказывал петербургский знакомый Черткова редактор «Живописного обозрения» П. Н. Полевой[71].

Чертков неоднократно выступал перед общественностью в защиту Сытина, когда недоброжелатели пытались очернить его. Он с полным основанием мог сказать о себе, что «всегда заступался за Ивана Дмитриевича и

устранял недоверие к нему со стороны многих из наших лучших писателей и художников»[72]. А самое главное, не будь Черткова, вряд ли пришел бы к Сытину еще один «счастливый день», когда в его лавочку на Старой площади заглянул Л. Н. Толстой. Чертков познакомил Сытина с Толстым, Лесковым, Гаршиным, Короленко, Эртелем.

Однако, характеризуя отношения издателя с «Посредником», нельзя ставить Сытина в положение берущей стороны. Многолетнее общение с Толстым и его окружением очень много дало Ивану Дмитриевичу. Оно было для него своеобразным университетом, но, в свою очередь, и Сытин оказался для них ценнейшим сотрудником и советчиком, знавшим «мужичка», несравненно лучше своих высокообразованных компаньонов. Едва ли он мог оказать существенное влияние на отбор произведений, намеченных к изданию, но на их оформление — бесспорно. «В народных изданиях требуются картины с яркими, резкими красками, с преимущественно излюбленным сюжетом»,— убеждал он Черткова и с той же уверенностью советовал к одной из картин «назидание написать, кроме стихов, как нехорошо быть спесивым человеком. Это бы для мужичков лучше...» Он умел не только оценить материал с позиции читателя, но и добиться, когда надо, цензурного разрешения на его издание «в точном виде»[73].

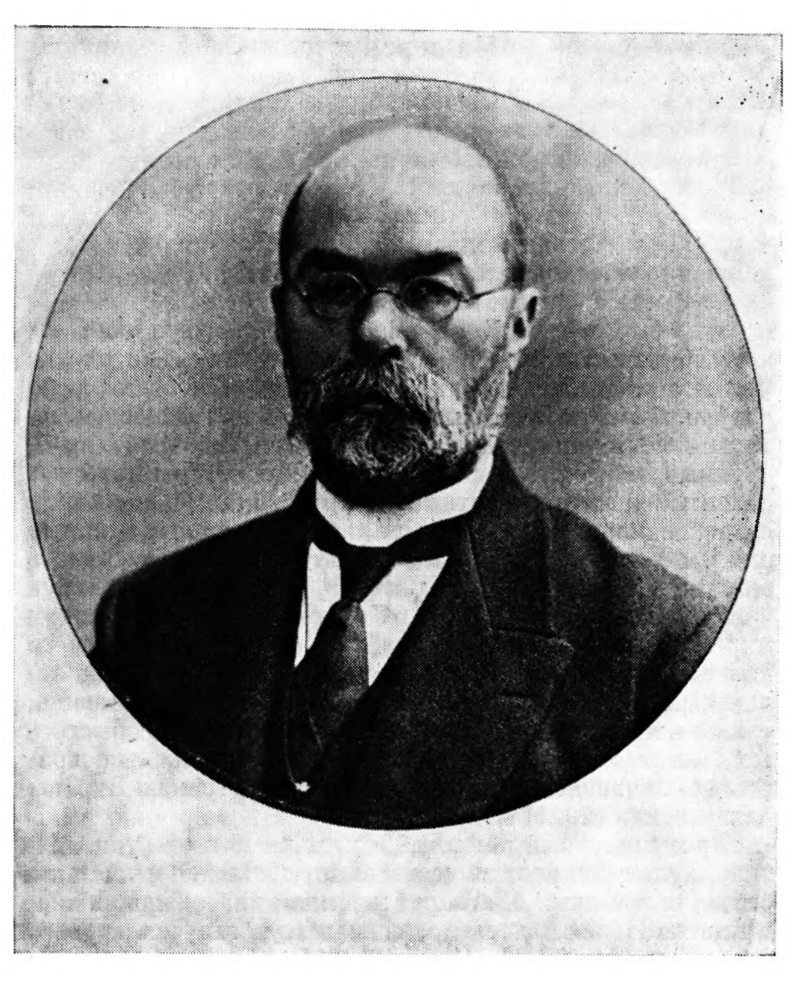
И все же Ивану Дмитриевичу оказалось не по пути с толстовцами. Их взаимовыгодный союз не выдержал испытания временем. Слишком различные (при внешней схожести) цели ставили перед собой Сытин и руководители «Посредника». Иван Дмитриевич понимал, что догматическая ограниченность идейной платформы этого издательства не отвечает задачам широкого просвещения народа, сковывает его силы и, в сущности, бесперспективна для издательства как коммерческого предприятия (последнее обстоятельство обусловило в дальнейшем реорганизацию «Посредника»).

Послужив делу «Посредника», отдав ему немало сил, Сытин так и не стал идейным союзником его организаторов. «Что же ты с нами близок, а не с нами?» — спрашивал его Лев Николаевич. Отвечая Толстому, Сытин ссылался на свою неподготовленность и просил разрешить оставаться таким, какой он есть[74]. Ведь это не помешало издателю дать жизнь многим книжкам великого писателя.

На перепутье

К середине 90-х гг. вчера еще никому не известный лубочный издатель Иван Дмитриевич Сытин стал весьма заметной фигурой в московском литературном мире. Рекомендуя его лицам, «желающим заняться книгоношеством», Пругавин писал: «Это самый крупный из всех лубочных издателей и притом наиболее развитый и интеллигентный из них... Он хорошо знаком с требованиями народа на те или иные книги и картины» [1]. Во многом столь высокая аттестация объяснялась связями Сытина с «Посредником», а главное, все увеличивающимся авторитетом «Товарищества» в деловом мире. Да и время играло на руку: годы, прошедшие со дня освобождения крестьян, существенно изменили облик страны, ее быт и уклад. По словам В. И. Ленина, «развитие капитализма в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых старых странах Европы целые века» (20, 174).

Промышленный подъем 90-х гг., развитие науки, техники, культуры, рост общественного движения свидетельствовали о весьма благоприятных для книгоиздания тенденциях. И действительно, если в год выпуска первого сытинского учебника (1887 г.) в России было издано всего 18,5 млн. экз. книг (другими словами, на каждого грамотного приходилось в среднем всего 0,7 книги), то за 15 лет объем книжного производства увеличился более чем в три раза: общий тираж книг, вышедших в 1901 г., составил уже 58,5 млн. экз. На долю каждого грамотного человека приходилось в среднем две книги. И все же на пороге XX в. четыре пятых населения России оставалось неграмотным. Только 34% взрослых мужчин и 14% женщин умели читать и писать. Проблема образования народа приковывала к себе всеобщее внимание.

В. П. Вахтеров

По-своему реагировало на нее и царское правительство, решив в первую очередь принять ряд охранительных мер. В частности, было запрещено издание книг на украинском, белорусском языках, печатание литовских и латышских книг латинским шрифтом и т. д., усилены цензурные строгости в отношении изданий, предназначенных для распространения среди народа. Губернаторы получили право не только изымать из школьных и на-

родных библиотек книги «предосудительного характера», но и закрывать те библиотеки, в которых они обнаружатся.

На докладной записке министра народного просвещения И. Д. Делянова, предлагавшего закрыть доступ в гимназии детям кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких торговцев и «тому подобных людей», Александр III собственноручно начертал: «Высочайше разрешено». Так 5 июня 1887 г. появился печально известный циркуляр о «кухаркиных детях», закрывший перед ними двери гимназий и подготовительных классов при них. Ведь последние, как писал министр, «наполнялись по преимуществу детьми из среды малоразвитой и материально необеспеченной» [2].

И все же перед новыми веяниями российский самодержец оказался бессилен. Стране нужны были квалифицированные рабочие, мастера, счетоводы и т. п. специалисты, в подготовке которых исключительную роль играло самообразование. Вопреки всевозможным ограничениям, постепенно стала увеличиваться сеть библиотек, начальных и воскресных школ, различного рода училищ.

Создавшаяся ситуация неминуемо вела к расширению книжного рынка и изменению сословного состава читателей, среди которых заметно повысилась рабочая прослойка, особенно в центральных районах России. Уровень грамотности столичных рабочих непрерывно повышался. Например, в 1897 г. у петербургских металлистов он составлял 77%. В среднем среди петербургских рабочих число грамотных достигало 63%, у московских — 56%. В. И. Ленин писал, что если «сравнивать Россию с западноевропейскими промышленными странами (как у нас нередко делают), то надо сравнивать эти страны с одним только этим районом (имелись в виду промышленные губернии, включая две столичные.— *Е. Д.*), ибо только он находится в приблизительно однородных условиях с промышленными капиталистическими странами» (3, 564—566).

Само время заставило Сытина задуматься о том, что следует издавать, как донести книгу до нового читателя. Выступая в 1895 г. на Первом съезде русских деятелей по печатному делу, он говорил о необходимости организации книжной торговли на крупных фабриках и заводах, предлагал устраивать книжные склады при общест-

венных лавках, принадлежавших местным потребительским обществам. Заодно он поведал и о своей неудачной попытке открыть книжный склад на подмосковных фабриках Саввы Морозова, на которых работало 40 тыс. человек. От этой затеи пришлось отказаться, так как власти, поощрявшие открытие питейных заведений, не разрешили ему торговать книгами [3].

Несмотря на наскоки фельетонистов, по-прежнему не выделявших его из сонма издателей Никольского рынка, наживающих капиталы на «Милордах» и «Ерусланах» (Влас Дорошевич писал, что «свидетелем того, как идут эти книги, могут служить дома, колониальные магазины, сооруженные всеми этими Земскими, Леухиными, Манухиными, Красновыми, Сытиными») [4], Иван Дмитриевич в начале 90-х гг. заметно расширил ассортимент выпускаемой им литературы. И хотя в оптовом каталоге «Товарищества И. Д. Сытина» на 1910—1911 гг. еще целых одиннадцать страниц занимали такие издания, как: «Мертвец без гроба», «Козьма Рощин», «Бова Королевич», «Еруслан Лазаревич», «Ванька Хренов», «Мотаня» и т. п., авторами многих лубочных книжек с середины 80-х гг. становятся профессиональные литераторы. Так, известный специалист в области народной литературы и автор изданных «Товариществом» жизнеописаний Святого Макария, Святого Ионы, Святой Евлахии, целомудренной Ефросинии и т. п. Екатерина Степановна Некрасова выпустила у Сытина в 1887 г. книгу о М. В. Ломоносове, подготовила том произведений М. Ю. Лермонтова, сборник «Дедушка Крылов и его басни», предложила издать книгу «Жизнь Кольцова» (которая почему-то не удовлетворила Сытина) и т. д.

По ее мнению, успех изданий «Посредника» заставил задуматься Сытина. Решив, что их отличие исключительно «в религиозно-нравственном духе, в евангельских текстах... и в однажды принятом для всех формате и девизе», Иван Дмитриевич в 1885 г. предпринял новую серию небольших копеечных брошюр «Во свете твоем узрим свет», содержание которых составила отвлеченная проповедь на тему какого-нибудь евангельского текста: «проповедь выспренная, малопонятная и совсем невразумительная» [5].

Влияние изданий «Посредника» на продукцию «Товарищества» несомненно. Оно легко прослеживается, например, на лубочных картинах «Царь Канут и его при-

Н. В. Тулупов

дворные», «На что клад, коли в семье лад», «Сила — не право» и др. Однако толстовская проповедь непротивления злу принимала в них явно антигуманный характер. Так, сентенции на листе, изображающем поведение пьяного мужа в семье, гласили: «Покорное слово гнев укрощает», «Учи жену без детей, а детей — без людей», «Хоть уступи, да помирись». Широко печатались картины, появление которых можно объяснить только коммерчески-

ми соображениями. На них изображались сцены, происходящие в загородных ресторанах, увеселительных садах, отдельных кабинетах и т. п.

Не выше был уровень и различных песенников, выпускаемых всеми московскими лубочниками, в том числе и «Товариществом И. Д. Сытина и К^0». Тот же Пругавин приводил в качестве образца тексты некоторых из них, в частности, из широко известного сборника «Хуторок» (1886 г.):

...Поспешай ко мне любезный,
Ты почувствуй скорбь мою,
Ты отри очей мой слезный
Облегчи печаль мою...

...Вот подходим к кабаку,
Целовальник на боку.
Мы собравши свово духу
Целовальника по уху
цап!..[6]

Пошлость не компенсировалась тем, что наряду с подобными перлами городского фольклора в сборники включались и подлинно народные песни, и даже произведения известных русских поэтов (часто с искажениями текста).

Ничего общего не имели с народными сказками и многие лубочные издания, выходившие у И. Д. Сытина. Ценность таких сказок лучше всего характеризуют извлеченные из них вирши:

...Стоял лес, в нем у огней
В кружке разбойники сидели,
Одни пили, другие ели,
А кто песни распевал
Иль молча водку разливал...

Откровенной профанацией были и многие произведения зарубежных писателей, адаптированные и выпущенные Сытиным в дешевых изданиях.

Стремясь всемерно улучшить дело издания народной литературы, Л. Н. Толстой обратился к русской интеллигенции с призывом принять участие в исправлении и переделке книг, предназначенных для народного чтения. Среди тех, кто откликнулся на призыв великого писателя, была и восемнадцатилетняя Н. К. Крупская. В ответном письме Толстому она писала: «...вы прислали мне книгу «Граф Монте-Кристо» — издание Сытина. Я сравнила ее с оригиналом и постаралась восстановить общую

связь, которой в ней не было. Потом выпустила бессмыслицы, которые там встретились»[7]. Бессмыслицами пестрели страницы не одного только сытинского «Монте-Кристо». Мстерский издатель-лубочник, крестьянин-самоучка, член многих ученых обществ И. А. Голышев с печалью отмечал: «Какая страшная масса всякого печатного хлама развозится и разносится по всем концам России!.. Но служит ли этот печатный хлам к просвещению, развитию народа?»[8]

Заслуга Сытина заключалась в том, что ему, единственному из лубочных издателей, удалось в конце концов коренным образом изменить характер выпускаемой литературы.

Начало новому направлению положил составленный Н. А. Фелицыным и Н. А. Полушиным «Всеобщий русский календарь на 1885 год», который содержал массу полезных сведений, был красочно оформлен и сравнительно дешев. В сущности, он стал настольным народным справочником. Уже в следующем году кроме обычных справочных данных в нем помещались очерки, посвященные 100-летию со дня обнародования жалованной грамоты дворянству и городового положения *, 25-летию крестьянской реформы, 25-летию присоединения Амурского и Уссурийского краев и др.; биографические справки о писателях Г. И. Успенском и А. Н. Островском, композиторе М. И. Глинке, историке Н. И. Костомарове, пространные статьи о пчеловодстве и охоте, давались медицинские советы и т. д.

Поначалу могло показаться, что все эти издания не характерны для книжной продукции фирмы, но тот факт, что за восемь лет (с 1887 по 1895 г.) «Товарищество» выпустило 11 учебников и целый ряд различных календарей, свидетельствовал об обратном. В 1896 г. вышел знаменитый задачник А. Ф. Готлиха и не менее известный «Русский букварь» В. П. Вахтерова, окончательно закрепившие просветительское направление в издательском деле Сытина.

«Большая пресса» далеко не сразу заметила обозначившийся процесс. Одним из первых оценил его влиятельный либеральный журнал «Русская мысль», поместив положительную рецензию на составленный И. И. Гор-

---

* Городовое положение — закон о городском самоуправлении в Российской империи.

буновым-Посадовым «Русский сельский календарь». Особое внимание рецензент обращал на оригинальные статьи научно-популярного характера по астрономии, метеорологии, о вреде алкоголя, о сельских библиотеках и т. п. (1894, № 3). Все эти материалы делали календарь не только полезным справочником, но и научно-познавательным пособием.

Ко времени появления этой рецензии Сытин уже в течение 10 лет издавал различные календари. С 1890 г. начал выходить «Общенародный календарь», за ним последовали «Малый всеобщий», «Киевский», «Народно-сельскохозяйственный», «Царь-колокол», «Современный», «Старообрядческий» и др. Одновременно с настольными и настенными выпускались отрывные календари, но тираж их поначалу не превышал 2—3 тыс. экз.

Приступая к изданию календарей, Сытин учитывал, что их первенцу придется выдержать конкуренцию со своими предшественниками, особенно с широко известным «Крестным календарем» А. Гатцука. В отличие от монументальных календарей Г. Гоппе и А. Суворина дешевый «Крестный календарь» предназначался той же читательской аудитории, что и сытинский. Правда, он был хуже оформлен и содержал меньший объем информации. Но ни одно из этих обстоятельств, даже прилагаемые ко «Всеобщему русскому календарю» премии, не решало проблемы. Должно было пройти немало времени, прежде чем читатель смог бы убедиться в преимуществах «Всеобщего календаря». Но Сытин не имел ни времени, ни желания делить с Гатцуком книжный рынок.

Задача представлялась весьма сложной. Календари рассчитывались на повсеместный сбыт, поэтому успех дела решали провинциальные книготорговцы, являвшиеся не столько контрагентами, сколько оптовыми покупателями. «Всеобщий календарь» стоил не дорого и не дешево — 20 к. (Сытин в своих записках называл иную продажную цену — 15 к.), а себестоимость его составляла 9 к. Но для того чтобы реализовать большие тиражи этого издания, Иван Дмитриевич должен был заставить книгопродавцев отдать предпочтение «Всеобщему», а не «Крестному» календарю. Поэтому он довел книготорговую скидку до небывалых размеров — 55%. Другими словами, оптовикам календарь обходился в те же 9 к. [9], т. е. издатель едва-едва оправдывал свои расходы. Однако Сытин сознательно пошел на, казалось бы, невыгод-

ную для него меру. Наводнив книжные магазины «Всеобщим русским календарем», он сумел вытеснить с их полок календарь своего конкурента. Когда Сытин добился поставленной цели, то восстановил книготорговую скидку до обычных размеров. Но к этому времени его календарь успел завоевать и рынок и читателя.

Несколько позднее участь издателя «Крестного календаря» разделили многие конкуренты Сытина. В частности, известная фирма по выпуску «народных изданий» — «Торговый дом Е. И. Коноваловой», занимавшая по размерам производства четвертое место среди московских издательств. Последовательно снижая цены на свои издания, Иван Дмитриевич заставлял конкурентов следовать его примеру в ущерб собственным интересам. И тем не менее его лубочные книжки и календари оставались вдвое дешевле, чем у той же Коноваловой.

Обладая гораздо большими возможностями, Сытин, не считаясь с убытками, последовательно снижал цены на свои издания и одновременно увеличивал их тиражи. Выдержать подобное соревнование фирма Коноваловой не смогла и резко сократила выпуск лубочных изданий. (Впоследствии она была поглощена «Товариществом И. Д. Сытина».)

Когда же избавиться от конкурента подобным образом не удавалось, Сытин перекупал его предприятие открыто или через подставных лиц. Таким способом он впоследствии приобрел «Московское издательство», выпускавшее утреннюю газету «Трудовая копейка», «Вечернюю газету», газету «Столичная молва» и др. Газеты эти пользовались особым спросом в провинции и мешали продвижению в глубинку «Русского слова». Аналогичные причины заставили Сытина скупить акции «Московского товарищества издательства и печати Н. Л. Казецкого» (в 1916 г. он стал председателем правления этого «Товарищества»).

Не следует думать, что расширение сытинских предприятий всегда было сопряжено с ведением невидимых баталий. Иван Дмитриевич обладал, как говорят, зорким глазом и видел перспективу гораздо лучше своих конкурентов. То, от чего отказывались многие из них, в его руках начинало приносить доходы. Одним из такого рода приобретений был журнал «Вокруг света».

Журнал под таким названием начал выходить с 1 декабря 1860 г. Его владелец Маврикий Вольф первым

в России задумал издавать ежемесячный журнал «землеведения, естественных наук, главнейших открытий, изобретений и наблюдений». Однако дело у него не пошло, и в 1868 г. журнал был прекращен изданием.

Вольфовскую идею попытался воскресить в 1885 г. двадцатипятилетний отставной лейтенант флота Михаил Антонович Вернер. Хотя Вернер «в походах и делах против неприятеля не находился», как свидетельствовал его аттестат, но «на разных судах как во внутреннем, так и в заграничном плавании» бывал. Если к этому добавить, что Вернер родился в Одессе и с детских лет был заражен морской романтикой, то станет понятно, почему он решил издавать журнал «путешествий и приключений на суше и на море» под названием «Вокруг света».

Приобретя собственную типографию, Михаил Вернер совместно с братом Евгением задумали расширить дело. С 1886 г. они стали выпускать еще и юмористический журнал «Сверчок». Но то ли из-за болезни М. Вернера, то ли из-за полного неумения вести дело журналы выходили со значительными перебоями, и в июне 1891 г. московский обер-полицмейстер сообщал в Главное управление по делам печати о том, что к нему поступает много жалоб от подписчиков на братьев Вернеров, которые «в последнее время совершенно прекратили свое издание и сами отметились выбывшими в Петербург» [10].

Владельцам журналов ничего не оставалось, как уступить свои издательские права вместе со всеми обязательствами и долгами. Охотников до журналов оказалось немного. Лишь Сытин решился приобрести наиболее убыточный из них, мудро рассудив, что конкурировать с целым сонмом юмористических журналов ему не под силу, а журнал путешествий и приключений можно превратить в большое и выгодное дело.

Столь же удачливо он использовал возможности, открывшиеся в 1887 г., когда истек 50-летний срок авторских прав на литературное наследие Пушкина. В тот год вышло 163 издания произведений поэта общим тиражом почти в 1,5 млн. экз. Значительная часть выпуска приходилась на долю Сытина. И весьма знаменательно, что, как и прочие его издания, они в основном попадали в деревню. Распродавалось даже сравнительно дорогое для села восьмидесятикопеечное сытинское издание сочинений поэта, чего ранее никогда не наблюдалось.

О глубоком интересе народного читателя к этим из-

даниям можно судить по свидетельству Пругавина. Будучи в Мстере, он увидел группу молодых людей, слушающих своего товарища, читающего какую-то книгу. Пругавин спросил, что они читают.

«— Про Емельку Пугачева,— ответил один из сидевших.

— Можно взглянуть, что за книжка?

Оказалось, что это «Капитанская дочка» Пушкина в издании Сытина.

— Что ж, какова книжка?

— Страсть занятная... На редкость... В субботу как есть цельную ночь читали, пока к обедне не ударили» [11].

Впоследствии Сытин удешевил издания сочинений и других классиков, на произведения которых истекли сроки прав наследников. Он сумел до предела снизить их номиналы только потому, что уступал свои издания книготорговым фирмам со скидкой в 10% (тогда как минимальный размер книготорговой скидки составлял 20%). Хотя расходы по ведению торговли составляли обычно 15% от оборота, книгопродавцы вынуждены были брать эти издания, отлично понимая, что даже при массовых тиражах (в 100 тыс. экз.) Сытин легко распродаст дешевые издания и без их помощи.

Н. А. Рубакин считал, что увеличение выпуска книг, и в первую очередь народной литературы, обозначившееся к концу века (по сведениям Московского комитета грамотности, только в 1892 г. вышло почти 4 млн. лубочных изданий), было связано с появлением читателя из фабрично-заводской среды. При этом он ссылался на личные наблюдения за чтением рабочих, а также на ответы, полученные им от корреспондентов из разных районов страны [12]. Однако проводившееся в 80—90-е гг. различного рода анкетирование свидетельствовало о повсеместной жажде чтения не только у городского, но и у сельского населения. Из 400 ответов, полученных в 1885 г. Московским губернским земством на свой запрос, подавляющее большинство сводилось к тому, что потребность в чтении «существует не только среди окончивших курс учения в школе, но и среди прочего грамотного и даже неграмотного населения» [13].

Тот же Пругавин писал, что один из его корреспондентов, живущий в деревне (Нижегородская губ.), сообщал ему об активной тяге крестьян к книге. За полгода он, не занимаясь специально книжной торговлей, продал

почти 1000 книг за 80 р. Ничего подобного ранее не наблюдалось. Статистические данные о составе бюджетов типических хозяйств Воронежской губернии свидетельствовали, что подавляющее большинство крестьянских семей покупало книги, тратя на них от 20 к. до 20 р. в год (в основном это, правда, были Евангелие и богослужебные книги). По всеобщему мнению, к началу века «ядро читателей в деревне уже создалось... Задачей современного культурного общества является — укрепить это читательское ядро, расширить его, снабдить в достаточной мере соответствующими книжными материалами» [14].

Учитывая сложившуюся обстановку земства повсеместно стали устраивать книжные склады дешевых изданий (книги ценою 10—15 к. по-прежнему для деревенского читателя считались дорогими и редко покупались) *. По свидетельству современников, «главным поставщиком дешевых книг» для земств был Сытин [15].

В 1885 г. Московский комитет грамотности, членом которого Иван Дмитриевич стал с марта следующего года, не только доверил ему печатание своих изданий, но и передал право на их распространение. И не удивительно. Ведь когда произведения Толстого выпускались в виде дешевых изданий общественными организациями, они расходились за год 1000, в лучшем случае — 2000 экз. Но когда эти же книжки («Чем люди живы», «Бог правду видит») стал издавать Сытин, то в первый же год он продал по 100 тыс. экз. каждой из них.

Ориентируясь на земства, Сытин волей-неволей должен был потрафлять вкусам более требовательного посредника, чем офени. Он всячески стремится расширить круг своих авторов. Так, кроме произведений Пушкина и Толстого, писателей, печатавшихся «Посредником», он выпустил в 90-е гг. в дешевом народном издании две комедии А. Н. Островского «Бедность не порок», «Не так живи, как хочется», приобретя авторские права у наследников драматурга. Небольшого формата, аккуратно изданные, они стоили всего 7 и 10 к.

Но вряд ли Сытину удалось бы стать подлинно народным издателем, если бы его ближайшими помощни-

* Различные школьные и народные библиотеки были ограничены в своем комплектовании каталогами министерства народного просвещения.

ками не стали три замечательных деятеля народного просвещения, каждый из которых достоин занять место в истории отечественной культуры.

Речь идет о Василии Парфеновиче Вахтерове, Николае Васильевиче Тулупове и Николае Александровиче Рубакине. Характеризуя Вахтерова, Сытин писал, что этот «будущего человек» «был нашим ближайшим сотрудником». Что же касается Тулупова, то его еще до поступления на службу в «Товарищество» лишили права преподавания в гимназиях, поскольку у московского генерал-губернатора имелись о нем неблагоприятные в политическом отношении сведения [16]. Имя Рубакина в рекомендациях не нуждается.

Когда в марте 1895 г. Сытин, делясь с Эртелем планами на будущее, писал: «Мы теперь решили совершенствовать главное — народные издания и детские» [17], ему искренне казалось, что выпуск этих видов изданий, имеющих постоянный спрос, да и более всего ему знакомых, обеспечит планомерное развитие дела.

Сытин не опасался ни конкуренции своих коллег по Никольской улице, ни тем более интеллигентских издательств вроде «Посредника» или журнала «Русское богатство», редакция которого стала с 1885 г. выпускать дешевые книжки для народа, но вынужден был считаться с мнением своих новых сотрудников *. А они оказались сторонниками полной реформации дела издания народной литературы. «В лубочной литературе,— писал Вахтеров,— редко можно встретить порядочную книжку, большой процент этих книг — прямо вредны, развивая страсти к грубым и кровавым сценам и увеличивая в народе суеверия... Другая отличительная сторона лубочной литературы та, что тождество названий с хорошими книжками вводит покупателя в обман, и купленная книжка представляет из себя или плохое подражание подлиннику, а иногда не имеет с ним решительно ничего общего, кроме заглавия».

Лубочные издания, по его мнению, печатались ради одних барышей, а ведь крестьянские дети никаких дру-

---

* Вскоре, правда, «Русское богатство», оставив за собой выбор материала и редакцию, передало Сытину право издания подготовленных журналом книг и их распространение. По своей идейной значимости эти книжки не уступали книжкам «Посредника». Выходили они, как правило, несколькими изданиями подряд тиражом от 12 до 72 тыс. экз.

гих книг не видели. Поддерживая с их помощью «свою грамоту, они поддерживают, естественно, и то невежество, грубость нравов и разного рода суеверия», с которыми их учит бороться школа [18]. По его мнению, следовало выпускать только такие издания, которые могли принести народу пользу. Но «улучшенные» (как тогда их называли) издания продавались оптовому покупателю со скидкой 20—30%. Другими словами, офеням невыгодно было их брать, поскольку продажа по номинальной цене не оправдывала всех расходов. А дороже не возьмешь — на обложке выставлялась цена.

Так возникла идея создания специального отдела, а потом и самостоятельного магазина для снабжения такого рода литературой земских складов, народных и школьных библиотек.

Отделение «Народно-школьных библиотек» при книжной торговле «Товарищества И. Д. Сытина» было открыто в Москве, у Ильинских ворот, в традиционном для такого рода предприятий месте. Оно выполняло заказы «на все виды книг для народных библиотек-читален, сельских и городских школ всех наименований, городских публичных библиотек и детских книжных складов». Списки рекомендуемой литературы составлялись не только из книг, одобренных министерством народного просвещения, но и вообще имеющихся в продаже. Библиотечки комплектовались на сумму от 1 до 500 р.

Кроме того, отделение предлагало свои услуги по выдаче различных справок как юридического характера (по вопросам о народных и школьных библиотеках), так и библиографического (о вновь выходящих книгах, указателях, каталогах и т. п.).

Вышедший в 1896 г. каталог отделения, несмотря на значительный тираж (3000 экз.), разошелся менее чем за год. И в 1897 г. потребовалось его переиздание. Составитель Н. В. Тулупов стремился собрать воедино сведения, необходимые организаторам различного рода библиотек. В трех специальных разделах предлагались на различные цены примерные библиотечки, вначале состоящие только из книг, одобренных министерством народного просвещения, а затем рекомендовались издания, не вошедшие в предшествующий список (в особом ряду указывались книги, изданные «Товариществом И. Д. Сытина»). Списки давались в такой последовательности: для школ, библиотек-читален и книжных складов. В ка-

честве приложений указывались списки дешевых книг по издательствам, их выпускавшим.

Об успехе этого начинания свидетельствует тот факт, что как работа отдела, так и его каталог были отмечены на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде дипломом I степени.

Путем подбора библиотечек, рекомендации наиболее достойной внимания литературы руководители отдела получили широкие возможности для руководства чтением многих тысяч читателей. Но выбор книг был чрезвычайно ограничен. Если среди изданий художественной литературы появились, наконец, в более или менее достаточном количестве произведения русских классиков (фирма Глазунова, например, выпустила около 20 отдельно изданных рассказов из «Записок охотника» Тургенева, ценою в 2—5 к., фирма «Бр. Салаевы» — целый ряд отдельно изданных рассказов Гоголя по 10—20 к., Н. Г. Мартынов в серии «Народная библиотека» издал произведения Григоровича и Шевченко, не говоря уже об изданиях «Посредника», «Русского богатства», комитетов грамотности), то крайне ограниченным оставался круг научно-популярной литературы, практических пособий и учебников для различного рода сельских школ.

Было бы неверно утверждать, что ничего в этом плане не делалось, но научно-популярных книг выпускалось мало и небольшим тиражом. Издатели боялись придирок цензуры, зорко следящей, чтобы в народные издания не проникали материалистические идеи, чтобы общественные воззрения их авторов оставались вполне благонамеренными.

Сытин еще до знакомства с Вахтеровым и Тулуповым издал несколько научно-популярных книжек. Но погоды они, понятно, не делали. Так, в 1887 г., в преддверии затмения солнца, он выпустил книжку одного молодого астронома, популярно разъясняющую причины этого явления, а вслед за ней гораздо большим тиражом издал книжку, в которой отрицались законы движения небесных тел и доказывалось, что все в мире происходит по «воле божьей». (В 90-е гг., когда Иван Дмитриевич уже крепко стоял на ногах, да и сам значительно образовался, он не прибегал к подобным маневрам.)

Книжечка о затмении была издана по инициативе П. И. Бирюкова и одобрена Л. Н. Толстым. Бирюков, находившийся накануне этого события в своем имении

в селе Ивановское Костромской губернии, вечером объехал верхом 10 соседних деревень и роздал грамотным книжки о затмении. «Был праздник, и книжечки мои пришлись, кажется, вовремя,— писал он Толстому.— Мужики гуляли и кучками сидели на улицах, сейчас же принялись за чтение»[19].

Улавливая наметившиеся тенденции, правительственные организации всячески стремились усилить идеологическое влияние на массы, в частности с помощью популярной литературы. Уже упоминавшееся издательское общество при Петербургской комиссии по устройству народных чтений (кстати, весьма активизировавшееся в 90-х гг.) выпустило «Настольную книгу для народа», неоднократно впоследствии переиздававшуюся. Книга состояла из четырех частей: 1. Календарь православной церкви. 2. История всемирная и русская. 3. География всеобщая и русская. 4. Мир божий (космогония). «Одним из наиболее пространных разделов был раздел истории,— пишет современный исследователь,— где все события преподносились в препарированном виде как история церкви, великих князей и царей. Всякое революционное движение осуждалось как проявление беззакония. Книга эта, по замыслу ее инициаторов, должна была служить основным источником внешкольного образования»[20].

Обладая мощным аппаратом книгораспространения, Вахтеров и Тулупов намеревались противопоставить такого рода литературе все лучшее и прогрессивное, чем обладала в те годы русская культура (естественно, в рамках легальной печати). Поэтому взяв на себя непосредственное руководство подготовкой различного рода школьных пособий и отчасти книг для детей, они охотно уступили Н. А. Рубакину руководство специальным отделом научно-популярной и научной литературы, который так и назывался «Отдел Н. Рубакина». В объявленной программе Рубакин сообщал, что он намерен выпустить ряд серий, в частности «Библиотеку классических авторов» (включавшую сочинения выдающихся писателей и ученых разных веков и народов). Она должна была открываться собранием сочинений Герберта Спенсера *; «Историко-культурная библиотека» — книгами Л. Гейсе-

* Было окончено позднее Рубакиным в руководимой им фирме «Издатель».

ра «История французской революции» и В. Штальберга «Очерки по истории гуманности»; «Политико-экономическая библиотека» — книгами Е. Дементьева «Фабрика, что она дает населению и что она у него берет», И. Конрада «Краткий очерк политической экономии» и П. Кампфмейера «Очерк из истории классовой борьбы в Германии»; «Библиотека естественных наук» — книгами Б. Ауэрсвальда и Э. А. Россмеслера «Ботанические беседы» и Д. Тиндаля «Звук»; «Библиотека для детей и юношества» — неоднократно переиздававшейся книгой И. Засодимского «Задушевные рассказы».

Специальная серия предназначалась для читателя, «получившего образование ниже среднего». В нее входили известная книга самого Рубакина «Чудо на море, или Приключение на волнах и под волнами», книги М. В. Боряна «Рассказы о борьбе человека с природой», М. А. Бекетовой «Два мира» и др. Предполагалось, что в дальнейшем в нее войдут брошюры, рассказывающие, «Как загораются звезды», «Что у нас над головой», «Что у нас под ногами», «Как растут камни», «О жаркой стране», «О рыцарях», «О машинах», «Об английских фабриках и заводах», «О городе Риме» и т. п.

Три года (с 1897 по 1899) Рубакин непосредственно руководил этим отделом. По его инициативе в 1897 г. вышла в издательстве Сытина книга Н. Зибера «Карл Маркс и Рикардо», популярно излагающая идеи марксизма. Вышла она вслед за тем, как цензура уничтожила книгу Нордена «Очерк политической экономии» (под этим названием Ф. Ф. Павленков пытался выпустить книгу К. Каутского «Учение Карла Маркса»). После того как была арестована книга Ф. Гра «Марсельцы», отдел прекратил существование.

Не меньшим спросом пользовались книги, вошедшие в серию «Библиотека самообразования», которую подготовила «Комиссия домашнего чтения». За 11 лет Сытин успел выпустить 47 книг по истории, философии, экономическим наукам и естествознанию (некоторые из этих книг неоднократно затем переиздавались). «У Сытина шибко пошли его новые издания по самообразованию, на английский манер, в серых переплетах»,— сообщал Суворину в январе 1897 г. А. П. Чехов (6, 273).

В значительной мере успех многих научно-популярных изданий объясняется тем, что их подготовили известные ученые, в том числе и такой талантливый по-

пуляризатор, как Рубакин. Под его редакцией вышли далеко не все книги упомянутых серий, а только те из них, которые он сам намечал к изданию, но и в этом случае окончательная судьба книги решалась по обоюдному соглашению редактора и издателя.

Было бы серьезной ошибкой считать участие Сытина в обсуждении плана издания чисто номинальным актом. Его мнение в решении того или иного вопроса в ряде случаев было доминирующим. «Из названных вами книг,— писал он Рубакину,— я считал бы более выгодным пустить перед «Историей английской литературы» Тэна «Ботанические беседы» Россмеслера и книжку по физике Тиндаля. К Спенсеру (речь идет о 4-томной «Психологии» Г. Спенсера.— *Е. Д.*) не найдете ли Вы возможным приступить позже, ввиду того, что это издание потребует от нас больших денежных и типографских средств».

Он не только устанавливал последовательность издания книг, но своими советами фактически определял направление их выпуска. «Чрезвычайно желательны (книги) экономического характера,— писал он далее. И тут же добавлял: — Как Вы думаете о книжках Герцена «Кто виноват?» (последнее издание было в 1891 г.), «Раздумье» (последнее издание было в 70-х гг.), «Сорока-воровка». Можно ли провести их и купить у наследников авторское право?» [21]

Рекомендации эти являются свидетельством определенных симпатий Сытина, которые явно расходились с воззрениями правительственных кругов. Из сказанного не следует, однако, делать слишком далеко идущих выводов. Когда по прошествии ряда лет Сытин предложил Рубакину вести отдел «В помощь самообразованию» на страницах «Русского слова», то последний на встревоженный вопрос издателя о политическом направлении отдела ответил вполне определенно: «Относительно политических тенденций не беспокойтесь, такое дело может быть только совершенно беспартийным» [22]. Это была та самая объективистская позиция, которую осудил В. И. Ленин в своей рецензии на «Среди книг» Рубакина (25, 111—114).

Увеличение выпуска просветительской (если так можно сказать) литературы позволило Вахтерову и Тулупову сделать следующий шаг в развитии своих планов. Естественно, не без содействия Сытина.

В мае 1898 г. брат Тулупова, Иван Васильевич, получив разрешение властей, приобрел у «Товарищества И. Д. Сытина» магазин отдела народно-школьных библиотек, что находился в доме Синодальной типографии. А в ноябре он основал «Товарищество на вере» под фирмою «И. Тулупов и К⁰» «для издательства, книжной торговли и других операций», вкладчиками которого стали В. А. Морозова, В. П. Вахтеров, Н. В. Тулупов и зять Сытина Ф. И. Благов. «Все вышеуказанные лица представляются более или менее скомпрометированными в политическом отношении»,— доносил начальству обер-полицмейстер Москвы полковник Д. Ф. Трепов.

И. В. Тулупов и его коллега Ф. И. Благов были фигурами подставными. По нотариальной доверенности брата всеми делами фирмы ведал Н. В. Тулупов, а при приеме Ф. И. Благова в пайщики его «заменил купец Иван Дмитриевич Сытин».

Магазин торгового дома «Н. В. Тулупов и К⁰», получивший название «Друг образования», выполнял те же, в сущности, функции, что и «Отдел народно-школьных библиотек», но значительно расширил масштабы своей деятельности. По мнению обер-полицмейстера, она далеко выходила за пределы работы «коммерческого предприятия» и была лишена «какого-либо правительственного контроля». Для полиции не составляло секрета, что Вахтеров и Тулупов, «придерживаясь борьбы с правительством на легальной почве», стремились подчинить этой цели и свою работу в магазине. Руководя чтением покупателей, они оказывали тем самым активное воздействие «на направление образа мыслей» большого круга людей. Именно они, по мнению Трепова, придали деятельности фирмы «особо тенденциозный характер».

С ведома московского генерал-губернатора в самом конце 1898 г. (30 декабря) магазин «Друг образования» был закрыт.

Из документов, изъятых полицией при его опечатывании, выяснилось, что, осуществляя цели Московского комитета грамотности «вне его самого», Вахтеров и Тулупов вели все дело «по своему усмотрению, без всякого правительственного контроля и без подчинения своих действий уставу Общества». Пайщики внесли всего по 2 тыс. р. «Главным же кредитором являлось книжное товарищество Сытина, занятое преимущественно издательством народных книг под руководством Вахтерова, Руба-

кина, Тулупова и других неблагонадежных лиц» *. Исходя из этих соображений, обер-полицмейстер рекомендовал генерал-губернатору: «Деятельность «Товарищества Сытина», во многом аналогичную с таковою же закрытого магазина Тулупова, представлялось бы весьма желательным ныне же подчинить строжайшему правительственному контролю» [23].

Справедливости ради следует сказать, что полковник Трепов был не первым, кто обращал внимание властей на «преступную» активность лиц, группировавшихся вокруг Московского комитета грамотности, руководящую роль в котором играли Вахтеров и Тулупов. Сохранился проект «Доверительного письма» министра внутренних дел министру народного просвещения, где констатировалось, что «среди интеллигенции резко проявляется стремление содействовать поднятию уровня народного образования путем организации народных чтений, открытия библиотек и читален для фабричного и сельского населения», а также «безвозмездного распространения в народе дешевых изданий книг и брошюр научного, нравственного и литературного содержания». Деятельное участие в этом движении приняли не только столичные комитеты грамотности, «Посредник» и некоторые другие петербургские и московские книготорговцы (имя Сытина не называлось), но и местные кружки и земства. Инициативу эту поддержали «более или менее выдающиеся литераторы-народники: Михайловский, Засодимский, Успенские и др., не считая графа Льва Толстого».

Ничего, казалось бы, страшного для властей в этом не было. Следовало только радоваться, что общественность возложила на себя государственную задачу просвещения народа. Но... министерство внутренних дел усмотрело непосредственную опасность в том, что «увлечение (раздача интеллигенцией, живущей в деревне, бесплатно легальных изданий), охватывающее молодежь, развивается и носит на себе характер не случайного временного явления, а как бы систематического осуществления программы и представляется одним из средств борьбы с правительством на легальной почве». А изданные этими организациями «произведения печати составляют главное орудие легальной пропаганды» [24].

---

* Впоследствии полиция установила, что для открытия магазина пайщики заняли у Морозовой 10 000 р.

Было ли отослано это «Доверительное письмо» или так и осталось в анналах министерства, неизвестно. Но последствия оно, безусловно, имело.

В начале февраля 1895 г. Николаю II была подана пространная записка (автор ее пожелал остаться неизвестным), в которой говорилось о чрезвычайной опасности, «таящейся в распространяемых среди народа дешевых изданиях». Написанная в откровенно охранительном духе, записка предупреждала царя, что от происходящего процесса «духовного пробуждения народных масс... в буквальном смысле слова зависит вся будущность России». В то же время такое важное дело, как издание книг для народа и их распространение не обращает на себя «должного внимания и почти всецело находится в руках разных, никем не признанных, самозванно и бесконтрольно действующих добровольцев просвещения». В числе последних наряду с «Посредником», Петербургским и Московским комитетами грамотности упоминался и Сытин.

Особый гнев анонима вызывали выпущенные перечисленными издательствами книги Толстого, Короленко, Гаршина. В рассказе Гаршина «Гордая пальма» он даже узрел проповедь «необходимости всеобщего восстания». Единственный выход из создавшегося положения виделся ему в противопоставлении этому зловредному потоку «доступной и осмысленной литературы для народа», для выпуска которой он предлагал создать особый издательский комитет, «составленный исключительно из вполне благонадежных и известных лиц». Ознакомившись с соображениями анонима, царь высказал мнение, что «записка эта действительно стоит того, чтобы на нее обратить внимание» [25].

Как это ни покажется парадоксальным, но доводы и выводы анонима взялся опровергнуть не кто иной, как сам министр внутренних дел И. Н. Дурново. Спасая честь мундира, Дурново во всеподданнейшем докладе писал, что «правительство никогда не упускало из вида забот об ограждении народных масс от попыток направить их на ложный путь посредством печатного слова». Перечисляя предпринятые охранительные меры, он все же вынужден был признать, что организовать планомерный выпуск народной литературы в угодном правительству духе, несмотря на значительные субсидии, министерство не смогло, так как не удалось подыскать лю-

дей, «знакомых с бытом народа, умеющих применяться к его понятиям, хорошо владеющих народной речью».

Дурново утверждал, что «устранение вредных книг для народного чтения не представляет большого труда», поскольку их издание и распространение находится под наблюдением правительственного аппарата. Но в организации особого комитета министр усматривал определенную опасность, так как, получив монопольное право на издание народной литературы, члены этого комитета, несмотря на их благонамеренность, могли увлечься легкой наживой, поскольку им «нечего было бы опасаться конкуренции».

Ознакомившись с докладом Дурново, царь написал лишь одно слово: «читал», оставив тем самым записку анонима без последствий [26].

Иван Дмитриевич, вероятно, и не догадывался о том, что его деятельность привлекла внимание августейшей особы, хотя при ином исходе дела — не миновать ему больших неприятностей.

Чем объяснить тот факт, что лица в политическом отношении неблагонадежные оказались у руководства такими влиятельными общественными организациями, как Петербургский и Московский комитеты грамотности, и сумели подчинить своему влиянию ряд издательств и книготорговых фирм?

Во-первых, тем, что долгое время действия их были разрозненны и не вызывали особых тревог у властей, уверенных в полном контроле положения.

Во-вторых, циркуляр департамента полиции от 29 ноября 1891 г. «О разрешении в провинции на открытие типографий, литографий, книжных складов и магазинов, студенческих кухмистерских и ученических квартир» не требовал предоставления при найме «свидетельств о благонадежности». Вопрос решался губернаторами (а вернее, чиновниками их управления) без справок полиции о политической благонадежности просителей.

В-третьих, что самое главное, власти долгое время не связывали легальную деятельность всех этих организаций с подпольной деятельностью революционных кружков. Однако, когда при обысках у революционно настроенных рабочих стали находить нелегальные и разрешенные цензурой издания «тенденциозного характера», полиция не на шутку встревожилась.

Ряд процессов показал, что рабочие наряду с неле-

гальной литературой «читали и книги легальные, пользуясь таковыми лишь как вспомогательными средствами при изучении теории социализма и тех вопросов, кои затрагивались в нелегальных изданиях». После закрытия магазина «Друг образования» московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович предложил министру внутренних дел, дабы избежать «пагубного влияния тенденциозной литературы на народные массы», ограничить деятельность книжных складов и магазинов рамками предприятий «чисто коммерческих», не претендующих на роль, свойственную учреждениям, «культурные задачи которых в каждом отдельном случае санкционируются правительственной властью». И уж, конечно, сотрудников по редакционной части, заведующих магазинами и конторщиков приглашать «лишь с разрешения местной администрации».

Министр внутренних дел со своей стороны предложил министру народного образования созвать специальное совещание и рассмотреть на нем вопрос «об установлении правильного порядка распространения книг в народе». Канцелярская карусель завертелась. Но пока министерства собирались предпринимать какие-то меры, московский генерал-губернатор захотел узнать, не изменилась ли ситуация с начала года. 29 октября 1899 г. он попросил обер-полицмейстера сообщить ему, наблюдается ли в данный момент на книжных складах и магазинах города «тенденциозный подбор легальных произведений, а также имеются ли сведения о нахождении в этих магазинах или складах запрещенных изданий». Представленные материалы касались только семи книжных магазинов: «Труд», «Книжное дело» (снабжавшего легальной литературой социал-демократические кружки), Н. П. Карбасникова, журнала «Русская мысль», принадлежавшего В. М. Лаврову (при этом магазине находился книжный склад М. И. Водовозовой, связанной с социал-демократическими кружками), М. Е. Конусова (торговавшего народнической литературой и изданиями «Посредника»), М. В. Клюквина (последний попал в этот список явно по недоразумению, только как издатель «Общеполезной библиотеки для самообразования»)... и «Товарищества Сытина», которому уделялось повышенное внимание.

По сведениям полиции, магазины «Товарищества Сытина» по-прежнему пользовались «значительной известностью среди лиц политически неблагонадежных». Осо-

бенно встревожило полицию то обстоятельство, что «общий каталог книг, имеющихся в продаже в магазине «Товарищества», встречается даже у рабочих». Обращалось внимание и на «Отделение народно-школьных библиотек». Причем подчеркивалось, что каталог для отделения составил заведовавший им некоторое время небезызвестный Н. В. Тулупов, политическое реноме которого не составляло секрета.

Полиция не без основания считала, что, располагая широким ассортиментом литературы и хорошо организованным библиографическим аппаратом, «Товарищество Сытина» имело «полную возможность тенденциозного подбора книг и соответственного направления образа мыслей некоторого круга читателей». При том, что надворный советник Н. В. Тулупов и «его приятель» статский советник В. П. Вахтеров по-прежнему играли важную роль в делах фирмы, их деятельность могла иметь «весьма пагубные последствия».

Полиция обращала внимание генерал-губернатора и на выходившую под маркой «Товарищества» научную и научно-популярную литературу, особенно предназначавшуюся читателю, «получившему образование ниже среднего», и на находящегося под негласным надзором полиции коллежского секретаря Н. А. Рубакина, имевшего к ней непосредственное отношение. «Издаваемые этим отделом книги,— говорилось в донесении,— являются по своему содержанию совершенно тенденциозными. В большинстве из них проводится та или другая мысль: или из числа тех, которые не могут быть одобрены правительством, или же из числа тех, коими набрасывается тень на ту или другую область деятельности правительства» [27]. В качестве примера приводились книги Л. Гейсера «История французской революции», Е. Дементьева «Фабрика, что она дает населению и что она у него берет» и Н. Рубакина «Под гнетом времени» (историческая хроника XIII в. из времен борьбы Нидерландов за свою независимость). Все эти книги «весьма нередко встречаются и у распропагандированных рабочих»,— писал обер-полицмейстер.

Сотрудничество Рубакина было предлогом, давшим возможность полиции связать «Товарищество И. Д. Сытина» с издательским Товариществом «Знание», поскольку он воспринимался в одном кругу с Д. Д. Протопоповым, Г. А. Фальберком и В. И. Чернолуским, руководя-

щими деятелями закрытого Петербургского комитета грамотности.

Несмотря на все громы и молнии, разразившиеся над головой Сытина, и на этот раз особых неприятностей не последовало. Пришлось лишь закрыть «Отдел Н. Рубакина» да номинально отстранить Тулупова от заведывания отделом «Народно-школьных библиотек». То ли у полиции не нашлось никаких более веских доказательств вины Сытина, то ли помогло высокое покровительство.

В деле «О московском купце Иване Дмитриевиче Сытине», заведенном еще 30 ноября 1894 г. отделом по охранению общественной безопасности и порядка в Москве при Управлении московского обер-полицмейстера, содержится (правда, в справке более позднего времени) косвенный ответ на этот вопрос. Там прямо указывается, что Сытин был «очень близок с К. П. Победоносцевым»[28]. Факт этот не составлял секрета для сытинского окружения. Стараясь найти ему объяснение, Вахтеров незадолго до революции писал, что для того чтобы осуществить поставленную перед собой цель «издать и распространить в широких массах сотни миллионов хороших книг, провести их в самые глухие углы нашей родины, сделать их по дешевизне доступными неимущему рабочему и бедному крестьянству», Сытину не раз приходилось изворачиваться, в надежде благополучно обойти рогатки цензурных ограничений, а то и заслужить благорасположение Синода[29].

Сам Иван Дмитриевич предпочел обойти этот вопрос молчанием. Так и осталось неизвестным, кто свел его с всесильным когда-то временщиком. Можно лишь предположить, что сделал это близкий друг Победоносцева и добрый знакомый Сытина известный московский адвокат Ф. Н. Плевако[30]. Именно в компании с Плевако Иван Дмитриевич задумал в самом начале 90-х гг. издание собственной газеты. Но эта история заслуживает более подробного разговора. Однако прежде чем рассказать о ней, следует подвести итоги первого периода издательской деятельности И. Д. Сытина и суммировать те причины, которые подвинули его на стезю просветительства.

В стремлении «улучшить», обновить репертуар народной литературы ее издатели руководствовались далеко не однозначными мотивами. Одни делали это по собственной инициативе, памятуя о долге перед читателем, другие поневоле, понуждаемые к этому лишь изменив-

шейся конъюнктурой. В 90-е гг. внимательные наблюдатели отмечали возрастающие с каждым годом требования к приобретаемой литературе: «По рассказам офеней-книгонош, раньше поволжские крестьяне весьма падки были до покупок разных книжонок с заглавиями „позабористее“,— теперь они стали меньше обращать внимания на названия, выбирая „что поскладнее“. Если же попадается книжка с каким-нибудь замысловатым названием, то сейчас же деревенский покупатель не преминет заметить: „чай, поди, ерунда“. Теперь книгоноши хорошо торгуют изданиями книжного склада „Посредник“, дешевыми отдельными брошюрами сочинений Пушкина, Толстого и др. „Только, почитай, ими и торгуешь, а разные сказки про Бову и Еруслана теперь хоть и не носи совсем. Уж на что крестьяне большие охотники были до картин и тех тоже мало покупают, а все норовят книжки и спрашивают такие, которые поумней“»[31].

Возможно, что рассказчик несколько и приукрасил картину — «Бова» и «Еруслан» печатались еще не один год, но факты, им отмеченные, безусловно говорили о новых тенденциях в выпуске народной литературы, правдиво указывая на процессы, происходившие через 30 лет после крестьянской реформы.

В 1862 г. журнал «Книжный вестник» призывал издателей «всеми силами стараться издавать больше дельных и полезных книг и распространять их тем же путем, каким идут книги московские, чисто спекулятивные издания»[32]. Редакция советовала повысить книготорговую скидку офеням, компенсируя потери увеличением тиража. Однако в тот момент вряд ли кто мог воспользоваться рекомендациями журнала. Теоретически задача выглядела разумно, но практически ее трудно было осуществить, так как продажная цена книги у офени во всех случаях возрастала в три, а то и более раз. Поскольку эта прибыль не попадала в карманы издателей народной литературы, они были заинтересованы в том, чтобы вовлечь в сферу своего влияния новые слои городского населения, чтобы книги в возможно большем числе покупались у них в магазинах. А для этого следовало заинтересовать читателей не только разнообразием названий, но и удовлетворить их возросшие требования. Речь шла не о простом расширении ассортимента, а о качественном изменении его состава. Для этого, правда, необходимо было повсеместно расширять книготорговую сеть,

на что правительство шло весьма неохотно. Поэтому Сытин, как только представился тому удобный случай, в марте 1905 г. подал в Общество книгопродавцев докладную записку о необходимости в целях большего распространения книг явочным порядком открывать новые книжные магазины [33].

Располагая лишь относительными данными, трудно сказать, какова была доля участия «Товарищества И. Д. Сытина» в общем выпуске лубочной литературы и объеме ее реализации. По-видимому, к концу века она составляла более половины выпуска. Выгоды от достигнутого положения выражались не только в получаемых доходах, но и возможности заметно обновить ассортимент продукции. Получение прибыли было и оставалось целью всей деятельности Сытина. Но достигалось это отнюдь не путем установления монопольных цен. Существенно изменить установившиеся цены он не мог по двум причинам: во-первых, из-за боязни все еще большого числа конкурентов, немедленно воспользовавшихся бы этим обстоятельством, а во-вторых, потому, что книга, не была для крестьянина предметом первой необходимости. Обувь и одежду он вынужден был покупать: голым в России не походишь, но без книг, в случае, если их стоимость составила бы значительную часть его бюджета, он бы обошелся, как обходился все предшествующие годы. Поэтому, добившись положения монополиста (весьма относительного!), Сытин стал снижать цену книги с тем, чтобы увеличить емкость рынка.

К сожалению, автор не располагает полными сведениями (по годам), характеризующими оборот и доходы И. Д. Сытина. Известно лишь, что если в 1894 г. чистая прибыль составила 76 459 р., то в 1899/1900 гг. она возросла примерно на 3 тыс. р. (79 238 р.) [34]. Но из сопоставления этих данных отнюдь нельзя делать выводов о крайне медленном развитии дела. Ведь валовая прибыль достигла к началу нынешнего века почти 230 тыс. р., а общий оборот капитала «Товарищества» составил 2 млн. р. Значительные средства Сытин ежегодно вкладывал в модернизацию оборудования и расширение дела.

В 1890 г. «Товарищество И. Д. Сытина» владело типографией, словолитней и фотоцинкографией. В течение последующих шести лет были приобретены еще фототипия, фотография и создана школа технического рисо-

вания; образовался своеобразный полиграфический комбинат. Но оборудование заметно устарело. В 1892 г. была поставлена двухкрасочная, на разные форматы ротационная машина, но в литографии по-прежнему печатание производилось исключительно на корешковых камнях со сделанных литографским карандашом рисунков. Техническое оборудование брошюровочной состояло до 1896 г. из резальных машин без моторов и трансмиссий и одной ножной швейной машины-тачалки. Однако книги на ней не сшивались, а лишь крылись обложкой несшитые [35]. Поэтому Сытин почти сразу же после образования акционерного общества (в 1895 г.) оснастил свою типографию 36 печатными машинами и 13 ручными печатными станками [36]. Впоследствии он использовал любую возможность посещения зарубежных полиграфических выставок, чтобы приобрести ту или иную новинку. (К чести Сытина следует сказать, что уже на Всероссийской художественно-промышленной выставке 1882 г. была представлена приобретенная им первая изготовленная в России машина для печатания картин.)

В 1900 г. на его предприятии работало 1000 рабочих.

Структура выпуска и размеры прибыли, полученные от тех или иных предприятий «Товарищества И. Д. Сытина», позволяют сделать ряд выводов, которые свидетельствуют, что к концу века оно значительно расширило ассортимент своей продукции, ориентируясь в основном на нового читателя. По-прежнему речь шла о массовом читателе, но с развитием капитализма к различным областям общественной и производственной деятельности приобщались новые слои населения, в основном городского: рабочие, приказчики, мелкие служащие, ремесленники, городская прислуга и т. п., для которых лубочная литература уже не представляла большого интереса, так как не содержала ни политической, ни практической информации. Да и культурный уровень этой читательской группы был значительно выше, чем у крестьян.

Первое место в выпуске книжной продукции «Товарищества И. Д. Сытина» по числу экземпляров заняли календари, адресованные самым различным группам читателей. В 1899 г. их общий тираж достиг 3,7 млн. экз. Второе место приходилось на долю художественной литературы (средний годовой тираж достигал 1,83 млн. экз.), причем более четверти книг составляли произведения таких русских и иностранных писателей,

как Пушкин, Лермонтов, Крылов, Грибоедов, Карамзин, Кольцов, Толстой, Островский, Успенский, Лесков, Гаршин, Короленко, Чехов, Станюкович, Плещеев, Мамин-Сибиряк, Диккенс, Золя. В таком же количестве экземпляров ежегодно выпускались лубочные издания, оракулы и сонники (1,83 млн. экз.). Заметно им уступали духовно-нравственная литература (1,5 млн. экз.) и детская литература (0,3 млн. экз.). Азбуки, буквари, учебники, научно-популярная литература, практические пособия и т. п. выпускались в значительно меньшем количестве экземпляров. В среднем ежегодно издавалось свыше 10 млн. экз. различных изданий, не считая картин, среднегодовой тираж которых достигал 4,6 млн. экз.[37]

Если сопоставить традиционные для издателей народной литературы виды продукции (лубочная, духовно-нравственная литература и картины) с изданиями, характерными для обычных универсальных издательств, то нетрудно убедиться, что они составляли примерно равные половины общего выпуска «Товарищества И. Д. Сытина», стоявшего в начале века как бы на распутье двух дорог: привычная, с наезженной колеей, вела в тупик, хотя и сулила небольшие, но верные выгоды; другая требовала напряжения сил, движение по ней было сопряжено с величайшим риском, но только она одна могла привести к успеху, который уже виделся Сытину.

Отдавая должное его уму и таланту, нельзя все же забывать тех, кто подтолкнул его на эту дорогу: Вахтерова, Тулупова, Рубакина. Правда, и в этом случае можно сказать, что только умные руководители выбирают себе умных помощников.

Он всячески стремился изменить традиционный ассортимент «Товарищества», особенно обновить сюжеты выпускаемых им картин. Для этого он привлек к их подготовке Историческую и Географическую комиссии учебного отдела Общества распространения технических знаний (активную роль в делах которого играл Тулупов). Задолго до появления широко известных наглядных пособий, выпускаемых издательством И. Н. Кнебеля (бесспорно, более качественных, но стоящих в десять раз дороже), Сытин просил председателя комиссии С. П. Мельгунова помочь «расширить сюжеты исторических картин, издаваемых „Товариществом“ и знакомить с планами комиссии в этой области»[38]. Благодаря наладившемуся сотрудничеству появилось не одно издание. Впрочем, не

следует идеализировать взаимоотношения Сытина с теми или иными кругами интеллигенции. Многие смотрели на него как на явление чужеродное в процессе духовного возрождения народа. Даже такой крупный писатель, как Лесков, по словам современников, весьма неодобрительно относился к содружеству Сытина с «Посредником». По его мнению, Чертков «погубил» дело, «передав издание Сытину. Последний должен быть только передатчиком (офеней)», ибо невозможен «союз с Сытиным, издающим Л. Толстого наряду с «Тайнами загробной жизни» или «Ключами к женскому сердцу» [39].

Что касается мрачных прогнозов относительно будущего «Посредника», то они, как известно читателю, не оправдались, но отмеченная Лесковым противоречивость происходящего процесса, сказывалась еще долго. Особенно ярко она проявилась в истории издания сытинской газеты «Русское слово».

Газетный левиафан

Первую попытку получить разрешение на издание газеты Сытин предпринял не без влияния толстовцев, а возможно, даже в связи с их намерением иметь свой печатный орган[1]. В сентябре 1892 г. он приехал в Петербург хлопотать о разрешении издавать еженедельную газету в качестве приложения к журналу «Вокруг света». Несмотря на уверения, что он не преследует «никаких специально публицистических целей», власти отказали ему в просьбе. Причиной тому были его связи с Толстым и Чертковым, стремившимися, по мнению цензоров, «постепенно подорвать в народном сознании православные начала». «Третьего дня ему (т. е. Сытину.— *Е. Д.*) в Главном управлении давал встряску за нас Феоктистов (так — общего характера)... Но с нами он, несмотря на все, что претерпел во имя «Посредника», очень душевен и мил»,— писал Черткову Горбунов-Посадов[2].

Используя связи в высших бюрократических кругах, Чертков и его друзья пытались помочь Сытину. 15 февраля 1883 г. помощник Бирюкова Александр Модестович Хирьяков в секретном письме (на нем так и было написано «Секретное») сообщил ему об открывшихся перспективах: «Пишу самым спешным образом... Скажите Ивану Дмитриевичу, что с газетой можно начинать дело снова и надо начинать безотлагательно. Пусть пришлет мне прошение, которое хочет подавать в Главное управление. В прошении должна быть проставлена моя фамилия как редактора. Тогда я это прошение передам, куда надо, а потом, смотря по результатам, надо будет действовать официально, о чем извещу Ивана Дмитриевича телеграммой, чтобы приехал и подавал»[3]. Однако Сытин медлил с подачей повторного прошения. Дважды, 20 и 27 февраля, Хирьяков напоминал ему о своем предложении, и лишь 15 марта Иван Дмитриевич решился

вновь обратиться с аналогичной просьбой к министру внутренних дел, и снова получил отказ [4]. Тогда он решил прибегнуть, как говорят, к обходному маневру. В конце октября 1893 г. Иван Дмитриевич продает принадлежавший ему лично журнал «Вокруг света» «Товариществу И. Д. Сытина» и через два года — 14 сентября 1895 г. вновь подает прошение, но уже от имени «Товарищества» с просьбой разрешить издание еженедельной газеты при журнале. Но и на этот раз его ходатайство было отклонено [5]. Впрочем, к этому времени он уже был одним из негласных владельцев московской газеты «Русское слово».

Свою ставку Сытин сделал на редактора журнала «Русское обозрение» приват-доцента Московского университета Анатолия Александровича Александрова. Фигура эта по-своему примечательна, и о ней следует сказать несколько слов.

Александров происходил из крестьян. С золотой медалью окончил гимназию при лицее цесаревича Николая и поступил на филологический факультет Московского университета, где получил степень кандидата филологических наук, а впоследствии был оставлен «для приготовления к профессорскому званию» по кафедре русской словесности. В 80-е гг. начал печататься в журналах консервативного направления. Когда Александрова утвердили в должности редактора «Русского обозрения», В. В. Розанов писал: «Теперь, слава богу, все будет хорошо и надежно, и Москва будет иметь свой солидный охранительный орган» [6].

Сиятельный журналист князь Б. А. Щетинин оставил несколько саркастический, но весьма колоритный портрет Александрова: «С виду он производил впечатление нигилиста, что-то вроде Марка Волохова,— неуклюжий, с ленивой развалинкой — походкой, крайне неряшливо одетый, почти никогда не умытый и не причесанный, и волком глядевший на вас исподлобья. Но вы с удивлением узнавали, что этот «нигилист» преусердно кладет в церкви земные поклоны, соблюдает все посты и ежедневно читает «Московские ведомости», знакомство же ведет преимущественно с «сильными мира», которые и помогают ему обделывать разные делишки» [7].

Среди «знакомых», вернее покровителей Александрова, числился не только всесильный редактор «Московских ведомостей» М. Н. Катков, но и обер-прокурор Си-

Ф. И. Благов

нода К. П. Победоносцев, и начальник Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистов *. Последний печатался в «Русском обозрении» под инициалами

* На следующий день после утверждения Александрова редактором журнала «Русское обозрение» «Московские ведомости» поместили сверхсрочную телеграмму из Петербурга, извещавшую читателей об этом событии.

«Е. Ѳ», которые ни для кого не составляли секрета, так как корректура его статей из редакции поступала прямо на служебный адрес. Победоносцев же был еще и «перстом указующим»: «Посылаю Вам очень интересную статью, составленную по соглашению со мною... Не сомневаюсь, что, прочитав ее, Вы охотно дадите ей свет в «Русском обозрении»; «Берегитесь И. Аксакова... Аксаков опасный сотрудник...», «Спешу послать Вам статью, по поручению моему составленную знатоком дела...» Такого рода рекомендациями пестрят все 19 писем Победоносцева, сохранившиеся в архиве Александрова [8].

Имея столь влиятельных покровителей, получить разрешение на издание газеты Александрову было легче, чем кому-либо другому.

Существовало мнение, что Александрова рекомендовал Сытину Л. Н. Толстой, у детей которого он одно время был домашним учителем [9]. Своим происхождением эта легенда обязана самой редакции «Русского слова», пожелавшей несколько облагородить возникший альянс. Сам же Александров по-иному освещал историю дела: «Летом 1894 г. ко мне обратились Ф. Н. Плевако и И. Д. Сытин с просьбой исходатайствовать разрешение на издание без предварительной цензуры недорогой общественно-политической и литературной газеты, серьезной и чистой по духу и направлению... В декабре 1894 г. вышел первый нумер газеты, названной мною „Русское слово“» [10].

За давностью лет Александров запамятовал дату встречи. Состоялась она в конце февраля или в самом начале марта. Во всяком случае «правильные переговоры» о деле начались уже 18 марта [11].

Со своим компаньоном, Федором Никифоровичем Плевако, Сытин познакомился давно, еще работая «мальчиком» у Шарапова. На всю жизнь запомнился ему тесный кружок усердных посетителей Успенского собора, где они встречались трижды в неделю на протяжении ряда лет, слушая «перед утреней в соборной избе» «чарующие беседы» знаменитого адвоката. Знакомство перешло в прочную долголетнюю дружбу. Видно уж очень незаурядным человеком оказался книгопродавец у Ильинских ворот, что привлек внимание «московского златоуста».

В прошлом (в 1872 г.) Плевако привлекался к дознанию по делу о тайном юридическом обществе, которое,

по данным III отделения, намеревалось «знакомить студентов и вообще молодых людей с революционными идеями... изыскивать способы к печатанию запрещенных книг и распространению их», но по недостатку улик все кончилось для него полицейским надзором [12].

По роду своей деятельности Плевако встречался со столькими проявлениями несправедливости и несовершенства существующего строя, что вознамерился предать гласности наиболее вопиющие его пороки. Ставши к этому времени человеком «умеренных взглядов» и будучи глубоко религиозным, он не видел другого пути искоренения зла, как его изобличение на страницах благонамеренной газеты. Себя Плевако мыслил в роли ее главного идеолога, а Ивану Дмитриевичу отводил техническую сторону дела. Они и стали, по свидетельству Александрова, «главными вкладчиками средств на ведение газеты». Сытин привлек к участию в финансировании газеты сызранского купца В. Ревякина и литографа М. Т. Соловьева, а Плевако — крымского помещика И. А. Вернера [13].

10 мая 1894 г. Александров направил прошение с просьбой разрешить издание газеты в Главное управление по делам печати, а уже 29 июня Феоктистов в частном письме сообщал ее будущему редактору весьма приятные вести, предупреждая о необходимости внести залог, «прежде чем приступить к делу». Залог в 5 тыс. р. был внесен Плевако в установленный срок и 16 октября 1894 г. министр внутренних дел утвердил программу новой газеты [14].

Пробный номер был отпечатан тиражом в 400 тыс. экз. и разослан по всей России 15 декабря 1894 г. Годовая подписка стоила 4 р. без доставки и 5 р. с доставкой и пересылкой.

Газета была действительно дешевая, выходила без предварительной цензуры. Да и зачем было усложнять выпуск газеты, на знамени которой красовалась триединая уваровская формула: «Православие, самодержавие, народность». Впрочем, эта «священная и широко веющая хоругвь», как говорилось о девизе газеты в рекламной листовке, не могла прикрыть откровенной убогости ее содержания.

В первый год издания газета имела около 5 тыс. подписчиков и дала до 30 тыс. р. убытка. На второй год положение несколько поправилось: подписка увеличилась

до 10 тыс. человек, а убыток составил 20 тыс. р. (по другим сведениям, наибольшее число подписчиков газеты в первый период ее существования не превышало 7 тыс. человек). Как бы то ни было, но пайщики отказывались от поддержки своего детища. «Ревякин сообщил, что очень огорчен, что дело так скоро стало нуждаться в деньгах, и решительно не желает нести дальнейшие расходы»,— опечаленно писал Сытин ее редактору, добавляя при этом, что сам он «делал и тянул изо всех сил. Осталось только лопнуть, что, пожалуй, скоро и будет» [15].

Недовольство делами и направлением «Русского слова» выражал ее редактору и Плевако: «Газета, очевидно, не нашла своей дороги и идет шаблонами, которые как шаблоны не вносят ничего своего. Мысль о том, что она удовлетворяет своих читателей, очевидно иллюзорна... Не могу согласиться с тем, чтобы весь пыл нашего убеждения — служения самодержавию — должен воплотиться в учение о непогрешимости земских начальников» [16].

При всем знании людей, громадном житейском опыте Плевако все же недооценивал редактора «Русского слова». У газеты бесспорно имелись ревностные почитатели, среди которых в первую очередь следует назвать самодержца Всероссийского и его августейшего родственника — генерал-губернатора Москвы великого князя Сергея Александровича. Они-то и поддержали газету в критический для нее час. «Я желаю помочь Александрову и тем самым спасти оба его издания (имелись в виду журнал «Русское обозрение» и газета «Русское слово».— *Е. Д.*) — писал Николай II министру финансов С. Ю. Витте 19 апреля 1896 г.— На первый раз ему можно выдать 10 т. р.». После смерти Д. И. Морозова [17], фактически содержавшего и журнал и газету, редактируемые Александровым, царь 5 июня распорядился выдать ему еще 25 тыс. р. [18] Но и этих ассигнований не хватило, чтобы поставить их «окончательно на ноги». В следующем году Александрову вновь пришлось обратиться к своему высокому покровителю — московскому генерал-губернатору и снова просить 35 тыс. р. (с обязательством их возвратить). «Впрочем,— добавлял он при этом,— если бы дело касалось лично меня, я не позволил бы себе беспокоить Ваше императорское Высочество, но я убежден глубоко... что дело это государственной важности и за спасение его

и Вам, и царствующему дому спасибо скажет русский народ»[19].

Что говорил по этому поводу русский народ и сколько тысяч получил Александров, точно неизвестно. По уверению некоторых лиц, сумма всех субсидий составила 80 тыс. р. Вероятно, эта цифра несколько преувеличена. Иначе Александрову не пришлось бы надувать собственных сотрудников и оставлять их без жалования. По словам журналиста Н. П. Бочарова, придя в один прекрасный день с группой своих коллег за гонораром, он увидел замок на дверях редакции. Вскоре, правда, выяснилось, что «редактор с его супругой уехали в Троице-Сергиев Посад покупать себе домишко»[20]. (Поистине «Русское слово» наследовало нравы трактира Зверева, в бывшем помещении которого на углу Петровки и Рахмановского переулка находилась редакция газеты.)

Впрочем, судить о мнении русского народа все же можно. Во-первых, он явно не спешил подписываться на газету, хотя она и была рекомендована всеми соответствующими ведомствами. Во-вторых, даже вполне благонамеренные лица выражали негодование как по поводу ее содержания, так и откровенных вымогательств, которыми не брезговали ее сотрудники. «До каких пор наш национализм будет поддерживаться „Русским словом“ и „Русским обозрением“, живущими шантажом, доброхотными даяниями тех, кто боится попасть в газету, и субсидиями в 40 тыс. от правительства, и „Московским листком“, управляемым кабатчиком и негодяем не меньшим, чем оказываются приват-доценты университета?» — вопрошало начальника Главного управления по делам печати некое, хорошо информированное, но пожелавшее остаться неизвестным лицо[21]. Нет, современники явно не баловали газету вниманием. Субсидии незаметно таяли в руках ее редактора, а и без того скудный тираж быстро падал.

Александрову ничего не оставалось, как продать свое право на издание «Русского слова» и тем самым спасти журнал, дела которого также шли не лучшим образом. В России, стоящей на пороге XX в., издание явно охранительной газеты становилось невыгодным предприятием.

Покупателей намечалось двое: некий Миловидов из Саратова и Сытин, но у Главного управления по делам печати имелся свой кандидат не то в издатели, не то в

редакторы, безуспешно пытавшийся влезть в дела «Русского слова». Создавшаяся ситуация заставляла Сытина и Александрова срочно выехать в Петербург к самому Победоносцеву. Для порядка поругав незадачливых издателей, он дал свое согласие на переход газеты в руки Сытина. Узнав об этом, М. П. Соловьев, сменивший Феоктистова на посту начальника цензурного ведомства, поддержал кандидатуру нового владельца газеты. Причем руководствовался он такого рода соображениями: Сытин, «не обладая необходимым образованием и при слабой воле, подпадет под влияние лиц неблагонадежных», а приобретя газету, неизбежно войдет «в близкое общение с Александровым и его сотрудниками, что, несомненно, должно благоприятно отразиться на его издательской деятельности» [22].

28 августа 1897 г. Александров подписал акт о продаже Сытину «в полную собственность» права на издание ежедневной газеты «Русское слово» «со всеми принадлежащими ей преимуществами за сумму пятнадцать тысяч рублей» и обязался «немедленно ехать в Петербург и ходатайствовать где и у кого следует» о скорейшем утверждении Сытина редактором-издателем «Русского слова». Поскольку с самого начала предполагалось, что редактором газеты Ивана Дмитриевича не утвердят (как лицо, не имевшее образовательного ценза), то Александров обязывался ее редактировать до «утверждения вновь представленного редактора» [23].

В соответствующем духе и было составлено 2 сентября прошение в Главное управление по делам печати, подписанное Сытиным и Александровым. А ровно через неделю (10 сентября) Сытин попросил утвердить в качестве второго редактора своего зятя, «врача Московской ремесленной богадельни и Александровского училища при ней лекаря Федора Ивановича Благова» [24]. Компрометирующими Благова сведениями департамент полиции не располагал, поэтому отказать ему без формальных оснований не мог. Правда, сообщая о его благонадежности, начальник департамента высказывал опасение, что «названный Благов будет играть роль подставного лица, главным же руководителем будут несколько ему известных своими либеральными взглядами лиц, причем газета „Русское слово“ в обновленном виде будет держаться так называемого народнического направления» [25].

Прочитав конфиденциальное уведомление департа-

НА ГОДЪ 4 р.

НОВАЯ ГАЗЕТА.

НА ГОДЪ 5 р.

Съ 1-го января 1895 года

редактору-издателю ежемѣсячнаго журнала Русское Обозрѣніе привать-доценту Императорскаго Московскаго Университета, Ан. Ал. Александрову

РАЗРѢШЕНО ИЗДАВАТЬ ВЪ МОСКВѢ, КРОМѢ ЖУРНАЛА,

ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ, ЭКОНОМИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

РУССКОЕ СЛОВО

(БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ)

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ . . . . . . 4 рубля.	На годъ . . . . . . 5 рублей.
» полгода . . . . . . 2 »	» полгода . . . . . . 3 »
» 3 мѣс. . . . . . . 1 »	» 3 мѣс. . . . . . . 1 р. 75 к.
» 1 » . . . . . . — 40 к.	» 1 » . . . . . . — 60 »

Рекламная листовка газеты *«Русское слово»*

мента полиции, Соловьев подчеркнул строчку, в которой говорилось о либеральных взглядах предполагаемых претендентов на роль идеологов газеты, и отложил рассмотрение вопроса до приезда Александрова. Сообщенные полицией сведения были почерпнуты из письма московского генерал-губернатора. Великий князь откровенно писал, что всячески покровительствует Александрову и наслышан о злонамеренных кознях либералов со слов московского обер-полицмейстера, доносившего ему о желании издателя «разных брошюр тенденциозного содер-

жания купца Сытина приобрести издательское право на газету „Русское слово“ с тем, чтобы совершенно изменить состав ее редакции и сотрудников». По его сведениям, будущий владелец газеты уже начал набирать сотрудников, в число которых намечался ряд лиц политически неблагонадежных, предполагалось даже «назначить первым редактором одно лицо, состоящее под негласным надзором полиции». (Речь шла о секретаре Московского комитета грамотности присяжном поверенном Иване Николаевиче Сахарове.)

Несмотря на перечисленные страхи, генерал-губернатор все же соглашался поддержать «усиленное ходатайство» своего протеже об утверждении Сытина издателем газеты, но при непременном обязательстве «иметь первым редактором Александрова и с предупреждением, что в случае нарушения этого условия — газета будет подлежать немедленному закрытию» [26].

Мнение великого князя было решающим. Сытина и Александрова вызвали в Петербург в Главное управление по делам печати. Ивану Дмитриевичу ничего не оставалось делать, как подписать написанное рукою навязанного ему напарника заявление: «Имея в виду принять на себя издательство газеты «Русское слово», я обязуюсь, как непременное условие существования газеты, заведование редакцией ее и полную ответственность за нее сохранить исключительно за Анатолием Александровичем Александровым» [27].

Через две недели — 3 декабря 1897 г. Сытину наконец было выдано свидетельство на право издания газеты. «Русское слово» [28].

Собственная газета была давней мечтой Сытина. Он хотел иметь небольшую дешевую газету, стоящую вне всяких партий. Именно о такой газете и шла речь на вечере, посвященном его тридцатилетнему служению на книжном поприще,— 14 сентября 1896 г. И когда кто-то из присутствующих полюбопытствовал, что же надо сделать, чтобы эта газета стала «маленьким „Новым временем“, Чехов, улыбаясь одними глазами, ответил: «Думаю, что для этого надо быть прежде всего „маленьким Сувориным“» [29].

Приобретя газету, Сытин решил расстаться с Александровым, так как для роли «маленького Суворина» он явно не подходил. Не хватало ни суворинской «гибкости» ума, ни таланта. Душою и телом приверженный сущест-

вовавшему строю, он в отличие от редактора «Нового времени» не чувствовал новых веяний; объединяла его с Сувориным лишь ненависть к ним. Печальный опыт его трехлетнего руководства газетой убедил Сытина, что Александров и его окружение вторично приведут ее к краху. Необходимость изменения состава редакции и направления газеты была очевидна.

«Когда я купил газету,—вспоминал Иван Дмитриевич,— мы, по русскому обычаю, собрались в «Московской» гостинице, чтобы ознаменовать событие. Было до 20 литераторов и журналистов, которые горячо обсуждали судьбу будущего предприятия. Речей не было, но была просто задушевная беседа.

Беседа эта не прошла бесследно. Меня вызвал М. П. Соловьев в Главное управление по делам печати.

— Что вы там затеваете? Какие перемены? Никаких перемен в купленной газете мы не допустим. Все должно быть как было: то же направление, те же люди. А если будет иначе, мы закроем газету!

И вот пять тяжелых лет висел над нами этот соловьевский ультиматум» [30].

Михаил Петрович Соловьев, ставший летом 1896 г. начальником Главного управления по делам печати, был человеком крайне неуравновешенным. Назначен он был на этот пост по рекомендации Победоносцева. Русская периодическая печать получила в его лице ревностного противника. «Он гнал ее систематически, с твердым убеждением и полною откровенностью», поскольку в прессе видел опаснейшее проявление демократических устремлений общества. «Моя цель — выжить из периодической печати дух своеволия и сократить число существующих газет до минимума. Газета — яд... Она создает грамотную толпу»,— не стесняясь, говорил он редакторам [31].

Спорить с Соловьевым было не только бесполезно, но и опасно. Поэтому Сытин подписал продиктованное ему условие.

Расстаться с редактором следовало «по-хорошему». Другими словами, вопрос упирался в сумму отступного. Сытин писал, что покупка «Русского слова» обошлась ему в 40 тыс. р. [32] Если учесть, что официально газета была куплена за 15 тыс. р., плюс 5 тыс. р. залога, то «накладные» расходы составляли такую же сумму.

Выждав приличествующее время, Александров 18 мая 1898 г. известил Главное управление по делам

печати о своем отказе быть редактором газеты [33]. Однако на этом его сотрудничество с Сытиным не кончилось, оно лишь приняло новые формы.

Осенью 1898 г. Александров расстался с журналом и приват-доцентством и поступил на службу в министерство внутренних дел. Понимая, как важно иметь «своего» человека в Петербурге, служащего в таком почтенном месте, да еще состоящего в добрых отношениях с начальником Главного управления по делам печати, Сытин заключил с ним соглашение на редактирование «народных изданий» по 10 р. с листа. Александров отредактировал четыре книги, за которые ему следовало 350 р., а когда проверили сумму выплаты, оказалось, что он получил 1125 р. [34].

Правление негодовало, но ошибки никакой не было. Александров полностью отработал полученные деньги, не раз отводя угрозы от «Русского слова». Судить об опасностях, то и дело нависавших над газетой, можно по письму Ивана Дмитриевича (даже если краски в нем несколько сгущены): «Усердно прошу вас предотвратить эту угрозу и умилостивить М. П. Соловьева нас не губить, а дать хоть из нужды выйти... когда будет хоть небольшой доход от „Р. С.", я с радостью готов вернуть потраченную субсидию через Вас из прибылей „Р. С."». По просьбе Сытина, Александров «воздействовал» и на цензора московского комитета С. И. Соколова, составившего весьма неблагоприятный для Ивана Дмитриевича доклад, и т. п.[35]

Купив газету, Сытин в том же году (3 декабря) перенес ее печатание в специально оборудованную типографию на Старой площади, пустил в качестве приложения к ней в 1898 г. тонкий иллюстрированный журнал «Искра», а со следующего года в виде премии стал выдавать подписчикам отрывные и настольные календари. В результате тираж газеты стал заметно возрастать: в 1898 г.— 13 тыс. экз., в 1899 г.— 18,7 тыс. экз., в 1900 г.— 28 тыс. экз. В таком же соотношении сокращались ежегодные убытки: в 1899 г.— 40 тыс. р., в 1900 г.— 20 тыс. р.[36]

Несмотря на достигнутые успехи, Сытин понимал, что одними приложениями и техническими новшествами газеты не поднять, необходимо изменить ее характер, разнообразить содержание, привлечь талантливых авторов, наконец, найти настоящего редактора, способного напра-

вить газету по новому пути. Но с чего бы он ни начинал все кончалось одним и тем же: приходилось вкладывать все больше и больше средств. Будучи человеком весьма расчетливым и даже прижимистым, Сытин пытался на всем экономить. По словам одного из сотрудников газеты, все обращения к новому автору он обычно заканчивал одной и той же просьбой: «Вы уж нас пожалейте: наша газета бедная... Понятно,— добавляет журналист,— приходилось „жалеть" бедного издателя и пятачок за строчку считать превосходным гонораром. Между тем тираж газеты уже в то время доходил до 20 тыс. экз. в день, что для начала можно было считать прямо великолепным. Но Сытину с его сангвинистическим темпераментом, повидимому, сразу хотелось заработать золотые горы и „малым" удовлетворяться он не желал» [37].

Дело было не в темпераменте издателя, а в убытках, которые он нес. Сытину приходилось довольствоваться сотрудниками «числом поболее, ценою подешевле». Так, наиболее часто печатаемым автором «Русского слова» был в то время ныне совершенно забытый писатель и драматург Дмитрий Савватеевич Дмитриев. Ученик проф. С. М. Соловьева, он, по совету другого знаменитого историка— акад. И. Е. Забелина, стал писать незамысловатые, но профессионально грамотные исторические романы и повести, пользовавшиеся успехом у городского читателя. По словам сына писателя, Сытин, пустив «в ход все: и лесть, и посулы, и чуть ли не слезные просьбы „поддержать новую, никому еще не известную газету", добился за весьма скромный гонорар его сотрудничества» [38].

Печатавшиеся из номера в номер романы попадали на страницы газеты прямо из-под пера автора. Сохранилась удивительная по выразительности записка Сытина Дмитриеву, как нельзя лучше характеризующая «технологию» фабрикации такого рода произведений. «Что это значит? — вопрошал Сытин, обращаясь к писателю.— Мы допечатали последний Ваш фельетон и печатать больше нечего. Прошу Вас, пожалуйста, пришлите поскорее продолжение романа» [39].

Под стать авторам были и редакторы. Сытин все время помнил чеховский совет о «маленьком Суворине». Но когда они с Чеховым обратились за советом к самому Суворину, тот порекомендовал Льва Тихомирова, человека бесспорно талантливого, но скомпрометированного

в глазах общества. В прошлом революционер, народоволец, он изменил прежним убеждениям и предал своих товарищей. Для Суворина это обстоятельство особой роли не играло, но гласно объявить Тихомирова редактором Сытин не решался. Тем более, что присутствовавший при разговоре Чехов, по словам Сытина, сказал: «Нам такой урок не подходит. Мы такими издателями быть не можем» [40].

Вначале Александрова сменил Евграф Николаевич Киселев, редактор сытинского журнала «Вокруг света». Но он являлся номинальным редактором. Поэтому министерство внутренних дел долго не соглашалось на его назначение. Лишь 2 сентября 1898 г. Киселев был утвержден в должности [41].

Поскольку два издания Киселев вести не мог, фактическим редактором «Русского слова» вскоре стал Аксель Карлович Гермониус, долгое время состоявший редактором «Петербургской газеты» С. Н. Худякова. Человек вполне «благонадежный» и ординарный, он вынужден был покинуть столицу по причинам явно нелитературного порядка.

Однако и Гермониус недолго усидел в редакторском кресле. Его на некоторое время сменил Ю. М. фон Адеркас, бывший секретарь монархического «Гражданина». За ним редактором «Русского слова» стал некий С. Ф. Шарапов, «прославившийся» своими антитолстовскими статьями. После их появления на страницах газеты друзья по «Посреднику» очень обиделись на Ивана Дмитриевича. Сытин понимал, что от Шарапова надо освобождаться во что бы то ни стало. Но без согласия министерства внутренних дел его сменить невозможно, а петербургское начальство Шарапов устраивал больше, чем кто-либо другой. Помог случай. Рассказ о нем сохранился в неопубликованных заметках секретаря «Русского слова» В. А. Никольского: «В ответ на упреки Ивана Дмитриевича в нетактичности его выступлений против Толстого, Шарапов показал ему записку Победоносцева, одобрявшего его действия: „Благодарю Вас, Серг. Ф-ч, за статьи. Это именно то, что нужно. Продолжайте дальше в том же духе", и подпись „К. П.". Сытин взял записку, чтобы показать толстовцам и оправдаться, а сам скопировал в конторской книге. Отдает ее Шарапову и говорит: „Идите ко всем чертям, а не пойдете добром, я пойду к Победоносцеву и покажу копию записки: „охо-

та Вам К. П.-ч давать таким людям документальные доказательства“... Шарапов сражен»[42].

Как тут не вспомнить мудрые горьковские слова о печальной необходимости, заставлявшей людей в интересах благого дела проявлять «гибкость ума и души» и говорить с волками на волчьем языке.

Дела «Русского слова», несмотря на решительные попытки Сытина изменить направление газеты, оставляли желать лучшего. По совету близкого ему человека, писателя Александра Ивановича Эртеля, он стал даже подумывать о ее продаже. И не без помощи редактора «Русской мысли» В. А. Гольцева стал подыскивать подходящих покупателей. В самом начале 1899 г. с такого рода предложением он обратился к доброму знакомому А. П. Чехова, одному из владельцев газеты «Курьер», Е. З. Коновицеру. «Вы меня спрашиваете про сытинское „Русское слово“,— писал последний Чехову,— оно его страшно тяготит и разоряет, он очень хотел бы разделаться с ним, что ему бы давно уже удалось, если бы он не был таким тяжелым человеком»[43].

Но дело было не в характере Ивана Дмитриевича. Коновицер и его компаньоны предлагали Сытину вполне приличную сумму: 20 тыс. серебром или пять паев из сорока. Сытин вначале вроде бы согласился, затем потребовал вдвое больше. Его не устраивала ни сумма (слишком много он уже потерял), ни роль бессловесного компаньона. Быстрая перемена решения вызывалась не сомнениями, а, скорее, убеждением, что только газета создаст ему необходимый авторитет и даст средства для дальнейшего расширения дела. «Газетное дело представляется Вам огромным капиталом и чрезвычайно интересным и соблазнительным предприятием, в котором куда пленительнее действовать, нежели в наскучившем сереньком, рутинном „Товариществе“»,— писал Сытину несколько позднее Эртель[44].

В начале века происходит коренное преобразование газеты. В мае 1901 г. ее главным (по тогдашней терминологии «первым») редактором утверждается Ф. И. Благов. До этого он ведал организационной стороной дела и на практике познал основы журналистского труда. К сотрудничеству привлекаются молодые литераторы, вскоре завоевавшие широкую популярность: Осип Дымов, Петр Пильский, Николай Шебуев, Александр Яблоновский и священник Григорий Петров.

Вас. Ив. Немирович-Данченко, Г. С. Петров, И. Д. Сытин

Развитию событий благоприятствовали и изменения, происшедшие в Главном управлении по делам печати. Соловьева сменил кн. Н. В. Шаховской, с именем которого связаны некоторые цензурные послабления. Впрочем, и в сношениях с Шаховским помогала все та же «гибкость ума и души».

Все попытки утвердить Благова главным редактором газеты терпели крах до тех пор, пока Сытин, по просьбе Шаховского, не согласился предоставить место редактора журнала «Друг детей» Анне Васильевне Мельницкой (эту даму интересовала не столько работа, сколько ежемесячный оклад в 300 р.). В результате неписаного соглашения Сытин не только получил разрешение на издание журнала «Друг детей», но, что самое сложное, провел «неблагонадежного» Тулупова на должность его второго, а на самом деле, фактического редактора [45].

Менялись времена, и Иван Дмитриевич помышлял уже не о «маленьком Суворине» (тем более, что значение «Нового времени» падало с каждым годом), а о редакторе, чей авторитет помог бы сделать «Русское слово» первой газетой в России. Взор Сытина обращался в сторону двух крупнейших публицистов того времени — Вла-

са Михайловича Дорошевича и Александра Валентиновича Амфитеатрова. Но оба они были «заняты», редактируя с Г. П. Сазоновым пользующуюся громадным успехом либеральную газету «Россия».

Дорошевич и Амфитеатров начинали свой журналистский путь одинаково. Дорошевич — в охотнорядском «Московском листке» Н. И. Пастухова, того самого бывшего кабатчика Пастухова, который в ответ на вопрос начальства о направлении его газеты, не нашел ничего лучшего, как честно признаться: «Кормимся, Ваше благородие, кормимся». Затем сотрудничал в реакционной «Петербургской газете» С. Н. Худякова, из которой был вынужден уйти, даже уехать из Петербурга, из-за скандала, вызванного его статьей об употреблении евреями в ритуальных целях христианской крови. Потом — «Одесский листок» и всероссийская слава.

Аналогичен был путь и Амфитеатрова, начинавшего со скверненьких статеек в суворинском «Новом времени».

Время и талант способствовали тому, что взгляды Дорошевича и Амфитеатрова претерпели серьезную эволюцию. Вопреки традиции она свершилась не слева направо, а наоборот — справа налево.

Свой выбор Сытин все же остановил на Власе Дорошевиче, которого буржуазная пресса величала «королем фельетонистов», и не ошибся в своих расчетах. Дорошевич оказался более доступен массовой аудитории, широта его интересов не имела предела, он был «остер» и умел «запросто» разговаривать и с лавочниками и с интеллигентами. Наконец, он был и более демагогичен, качество, играющее не последнюю роль среди достоинств буржуазного журналиста.

Впоследствии и Сытин, и Дорошевич уверяли, что их союз никогда бы не осуществился, не закрой правительство газету «Россия». Как говорят, «не было счастья, да несчастье помогло». Увы, факты опровергают эту версию и еще раз свидетельствуют, что в мире чистогана продается все, даже «независимые» журналисты.

«Россия» была закрыта 16 января 1902 г. за публикацию фельетона Амфитеатрова «Господа Обмановы», в названии которого без особого труда угадывалась фамилия царствующего дома. Амфитеатрова выслали сначала в места не столь отдаленные, а затем разрешили выехать за границу. Тем не менее с 1902 г. его фамилия украшала

все рекламные проспекты «Русского слова». Что же касается Дорошевича, то с ним еще 16 июля 1901 г., т. е. за полгода до этого события, был заключен договор, по которому он обязывался в течение трех последующих лет давать для «Русского слова» 52 воскресных фельетона в год, а также «отдельные статьи по текущим вопросам общественной жизни, числом не менее 52 в год». Кроме того, он принимал на себя «наблюдение» за редактированием «Русского слова». Другими словами, становился лицом, ответственным за направление газеты.

Опубликовавший этот документ советский исследователь С. В. Букчин пишет, что договор Сытина с Дорошевичем следует рассматривать как сделку двух людей, «остро нуждавшихся друг в друге. Сытину необходим был Дорошевич, чтобы поднять газету. Для Дорошевича договор являлся одновременно выходом из острого кризисного состояния, в каковом пребывала редакция «России», и претворял в явь сокровенную его мечту о независимом и главенствующем положении в газете, которую можно будет превратить в прогрессивный и независимый орган, олицетворяющий собою торжество философии „здравого смысла“»[46]. Целиком согласиться можно лишь с первой частью этого утверждения. Ни о каком торжестве философии «здравого смысла» не шло речи, даже в медовый месяц содружества издателя и редактора.

Во время переговоров с Дорошевичем о переходе в «Русское слово» Иван Дмитриевич приобрел у него за 6 тыс. р. право отдельного издания сахалинских очерков.

В конце 90-х гг. Дорошевич вслед за Чеховым посетил Сахалин и весьма ярко описал порядки, царящие на острове-каторге, и свои встречи с наиболее примечательными его обитателями. Очерки Дорошевича, печатавшиеся вначале в «Одесском листке», затем в газете «Россия», а потом и в «Русском слове», имели бесспорный успех, хотя и не отличались особыми литературными достоинствами. Внимание публики было привлечено живостью описания, сенсационностью материала и его общественной значимостью.

От Дорошевича Сытин получил не рукопись, а чемодан с газетными вырезками. Большинство членов Правления «Товарищества» не верило в успех книги, состоящей из старых фельетонов. Не было уверенности и у самого Ивана Дмитриевича, но уж очень ему хотелось рас-

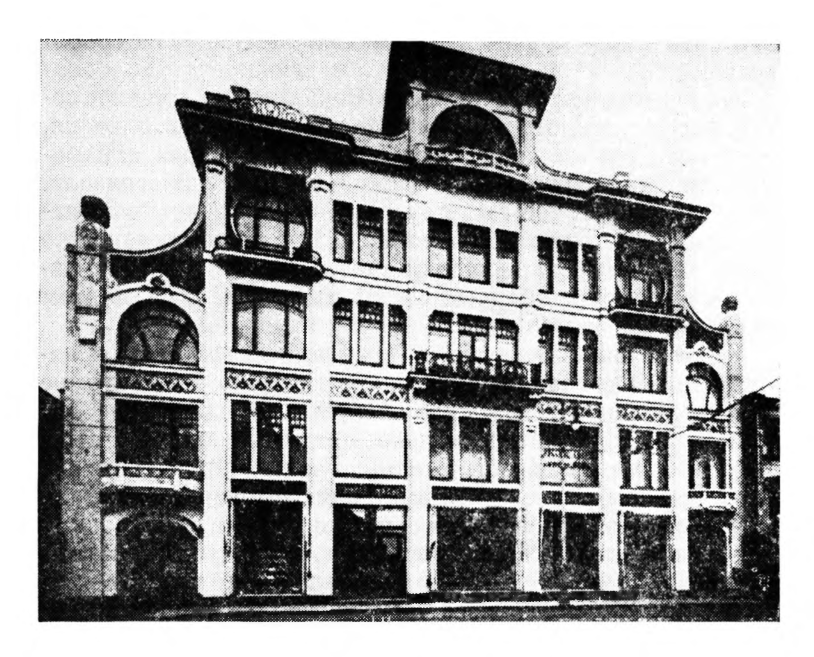
положить к себе будущего редактора газеты. И он пошел на риск.

По счастливой случайности редактором, вернее, составителем книжки стал Тулупов. Он разобрал вырезки, подобрал их в хронологическом порядке и, как сам потом признавался, «кое-где сократил, кое-где связал». Вышла солидная книга в двух частях, более чем в 50 печатных листов, продававшаяся за не менее солидную сумму — 3 р. «Товариществу» это издание, включая авторский гонорар, обошлось в 21 тыс. р. Сумма по тем временам немалая!

Книга была разослана по всем магазинам фирмы, находившимся в главнейших городах страны, но долго не имела спроса. Спасло чудо. Комитет по делам печати запретил ее продажу в железнодорожных киосках. Лучшей рекламы нельзя было и придумать. Прочитав в газетах об этом распоряжении, публика быстро раскупила первое, затем второе, затем и третье издание. Последнее, четвертое издание вышло в 1907 г. О книге заговорила пресса. Используя ее успех, Сытин дважды издал и другую книгу Дорошевича — «Как я поехал на Сахалин» (1903 и 1905 гг.). Полученный доход окупил постройку первого этажа нового здания типографии (нынешней Первой Образцовой им. А. А. Жданова).

Популярность Дорошевича, видимо, послужила импульсом для издания его собрания сочинений. Но дважды чудеса не повторяются. Успеха оно не имело и осталось незавершенным. Из 12 намеченных томов вышло всего девять (1905—1907). Столь же незаметно прошли и две другие книжки знаменитого фельетониста «Восток и война» (1905), «Вихрь» и другие произведения последнего времени» (1906).

Человек бесспорно талантливый, Дорошевич, находясь в зените славы, писал много, даже слишком много. Большинство его фельетонов были типичными однодневками, даже те, в которых чувствовалось присущее писателю мастерство. По прошествии времени фельетоны теряли остроту, поэтому требовался тщательный их отбор при повторной публикации. Особенно, когда речь шла о собрании сочинений. Возможно, сказался наметившийся у писателя после революции 1905 г. творческий спад. Проявилось его неумение, по собственному признанию, «усидчиво и кропотливо» трудиться. Затрудняли работу и частые поездки Дорошевича за границу.

Помещение редакции газеты «Русское слово»

Более чем какой-нибудь другой автор связанный с «Товариществом», Дорошевич должен был считаться с его интересами. Поэтому, чтобы не нарушать сроков, он сдавал сырой, недоработанный материал. Отправляя из Ниццы в апреле 1905 г. корректуру очередного тома, он признавался Тулупову, что ему не нравятся включенные в него рассказы «Сон бессарабского помещика» и «Купе для плачущих». «Если бы можно без этого! Но раз сверстáно, могут произойти задержки и т. д. Тогда пусть»,— замечал он в конце письма [47].

Свою долю вины нес и глава фирмы, положившийся исключительно на свою интуицию, которая на этот раз его подвела. Впрочем, не лишено оснований соображение, что издание собрания сочинений Дорошевича Сытин рассматривал как еще одно средство привязать его к газете.

Дорошевич никогда никаких твердых политических убеждений не имел и никогда не отличался особой принципиальностью. Громадный гонорар (32 тыс. р. ежегод-

ного жалованья плюс отчисление пятой части будущих прибылей газеты) заставлял его думать только о количестве строк. Дорошевич обязывался давать минимум 64 тыс. строк в год, 5300 в месяц, 175 в день! Забота о литературных достоинствах написанного явно отходила на второй план.

Бесспорно, многие статьи Дорошевича, опубликованные на страницах «Русского слова», отличались широким демократизмом. Убедительно и ярко обличали они различного рода махинации биржевиков и промышленников, бюрократизм, черносотенную печать, высмеивали тупость и сытость российского обывателя, но в целом Дорошевич был весьма далек от революционных устремлений своего времени. По ряду кардинальных вопросов он занимал далеко не прогрессивные позиции. Достаточно вспомнить его оборонческие статьи периода русско-японской войны, в которых звучали откровенно шовинистические нотки («Японцы», «Сахалин и война» и др.) [48]. Как бы то ни было, Дорошевич много сделал для поднятия престижа газеты, хотя в изменении ее направления его роль явно преувеличивается.

За 20 лет своего существования «Русское слово» проделало путь от откровенно монархической до оппозиционной, либеральной газеты, и в то же время современники не зря называли ее «газетным левиафаном». Как в библейском чудище, в ней перемешивалось все и вся. Даже в лучшие годы газета не придерживалась единого направления. Ей была свойственна эклектичность: страницы «Русского слова» охотно предоставлялись людям разных убеждений с тем, однако, чтобы в их высказываниях не проявлялись крайности.

«В жирном пару этой литературной харчевни,— писал один из современных публицистов,— голоса подлинных писателей и работников духовной культуры раздаются в унисон с голосом короля фельетонистов, сливаются с ним, не противоречат общему тону, созданному Сытиным и Дорошевичем» [49].

Признавая, что газета действительно стала «крупным общественным фактором» благодаря повсеместному распространению, другой либеральный публицист писал, что «„Русским словом“ начинают определять физиономию обывательской действительности... Это — газета, всегда подлаживающаяся под настроение толпы и всегда помнящая свои коммерческие расчеты. Во время революции

она будет революционна, но когда власть возвращается — она начинает говорить иное»[50].

Как ни резки и горьки эти слова, их надо принять во внимание при оценке той роли, которую сыграла газета в формировании общественного мнения в предреволюционные годы. Нельзя не признать и того факта, что «гибкость ума и души» была характерна для поведения руководителей газеты на протяжении всех лет ее издания. Не зря же еще в начале 900-х гг. Эртель предупреждал Сытина об опасности малейшего проявления беспринципности в оценке тех или иных явлений. Имея в виду некролог И. Н. Дурново, помещенный в «Русском слове» он писал: «И этому столпу реакции, если не совсем либеральная, так чистая газета посвящает сочувственные строки тоном „Московских ведомостей" и „Гражданина". Что это значит? Недосмотр, или непонимание, или сознательное лакейство? Не знаю, что Вам скажет на это Дорошевич, но я скажу, что возможность появления таких статей в „Русском слове" делает совершенно невозможным участие в газете настоящих писателей».

Искренне заинтересованный в судьбе газеты, Эртель не только осуждал уступки властям, но и предупреждал Сытина, что нельзя оставаться в стороне от острых вопросов современной жизни, что такого рода осторожность чревата серьезными последствиями: «Всмотритесь, какие события, какие времена надвигаются. Готовьтесь же к этому историческому моменту»,— писал он на пороге первой русской революции[51].

Позиция газеты в дни революции достаточно определенно была выражена в одной из редакционных статей 1905 г. «Мы ставим себе целью,— писали ее руководители,— будить самосознание народа, раскрывать все глубже вечные заветы правды и звать читателя к осуществлению этих заветов, к воплощению их в окружающей нас жизни. Открываются новые пути жизни и новые горизонты. Видится возможность мирного сближения всех племен и народов, братского единения граждан и постепенного перехода обостренной борьбы в тесное сотрудничество...

Нужды крестьянства, нужды фабричного рабочего, нужды всех трудящихся классов будут предметом особого внимания нашей газеты...

Призыв всех к общей культурной работе и содействие справедливому распределению благ культуры между все-

ми сынами России без различия племени, вероисповедания и сословий — вот слово, с которым „Русское слово“ шло и идет к своим читателям. На знамени нашей газеты: БРАТСТВО, МИР, СВОБОДНЫЙ ТРУД, ОБЩЕЕ БЛАГО»[52].

И владельцам и редакторам газеты приходилось считаться с требованиями времени. Вот почему по целому ряду вопросов, в частности такому острому, как национальный, «Русское слово» занимало более прогрессивные позиции, чем другие либеральные газеты, более объективно отражались в ней и революционные события.

Цензор С. И. Соколов обращал внимание начальства на опасность, которую представляла в тот момент выходящая стопятидесятитысячным тиражом газета. Если верить его словам, то в «Русском слове» не печаталось ничего, кроме статей, заметок, корреспонденций и телеграмм «лжелиберального и революционного содержания... Сообщения, например, о бунтах и стачках, а равно сообщения о разных „резолюциях“ и „требованиях“ почти не сходят со столбцов этой газеты». По его мнению, подобные публикации о волнениях, «более чем сообщения других газет о них, содействовали развитию и распространению их»[53].

16 июня 1905 г. министр внутренних дел объявил «Русскому слову» первое предупреждение с запрещением розничной продажи за статью об усмирении беспорядков в Иваново-Вознесенске. Несмотря на усиливающиеся строгости, материалы подобного рода продолжали помещаться в газете. В частности, весьма объективно излагался ход московского вооруженного восстания.

В ночь на 12 декабря 1905 г. был подожжен отстроенный за год до этого четырехэтажный корпус типографии «Товарищества» на Пятницкой улице. Пожаром было уничтожено наборное и переплетное отделения, почти вся литография и в значительной степени типография. Половина главного корпуса представляла из себя груду развалин. Пожар возник во время осады войсками здания типографии, в котором засели дружинники. Впоследствии один из видных полицейских чиновников писал, что им так и не удалось узнать, кто поджег типографию, сами ли дружинники, чтобы во время суматохи легче было уйти от преследования, или драгуны[54]. Но показания свидетелей на процессе, характер поджогов — все указывало на вполне определенных виновников. Сытин прямо

писал, что типография была сожжена по приказу адмирала Ф. В. Дубасова [55].

Не только Сытин, но и многие из современников расценили этот акт вандализма как неприкрытую расправу. Типографию на следующий год удалось восстановить, хотя страховая компания отказалась от компенсации убытков. Но морально Иван Дмитриевич был подавлен: надвигавшаяся реакция испугала его. «Умоляю тебя, сделай одолжение и мою усерднейшую просьбу — измени газету. Беда на носу. Ради Христа, спаси дело, вали все на меня»,— просил он Благова в письме из Петербурга, ошеломленный реакцией «высших сфер» на выступления газеты, в июне 1906 г. Сытин предупреждал его, что Дорошевич после публикации в газете ряда радикальных статей готов от нее отказаться, почему и просил Благова изменить состав сотрудников. По фамилиям предлагаемых им кандидатур (весьма консервативно настроенной писательницы К. Лукашевич, известного русского историка кадета А. А. Кизеветтера и т. п.) легко представить, чьи имена он хотел видеть на страницах «Русского слова» и в какую сторону предлагал направить корабль. Но колебания Сытина были кратковременны, он в этот же день вечером послал вслед за упомянутым другое письмо, в котором предоставлял Благову полные полномочия: «Если тебе удастся удержать газету и вместе с тем известный такт и движение, то делай, как знаешь. Я решительно навсегда свое участие, а тем паче руководительство устраняю и даю тебе по гроб жизни моей клятву не вмешиваться в это проклятое дело» [56]. (Забегая несколько вперед, следует сказать, что о клятве своей он забыл, как только сгладилась острота положения.) Тем не менее факт «отступничества» Сытина не прошел незамеченным охранкою. В секретном досье отмечалось, что он «в годы смуты не поддался влиянию своей редакции, звавшей его к социал-демократизму (!?)» [57].

Будучи издателем «Русского слова», Сытин любил поговорить о заветах Чехова, но, как деловой человек, помнил и о том, что трудно «вести широкое книжное дело без газетной рекламы» [58]. К тому же он не прочь был получить и беспроцентную ссуду, которую ему давала годовая подписка на газету. Потеря «Русского слова» означала для него если не крах, то гибель многих честолюбивых надежд.

Возможные материальные потери и вполне реальные

угрозы со стороны властей заставили его быть весьма осторожным в последующих действиях. Но, к чести Сытина, несмотря на все эти обстоятельства, он не изменил курса газеты, чем вызвал новый приступ бешеной злобы своих недоброжелателей. Эпитафия, присланная черносотенцами Ф. И. Благову, весьма красноречиво свидетельствует об их отношении к редактору «Русского слова»:

Доктора Федора Благова,
Революционера и клеветника большого,
Труп на месте сем покоится.
Прохожий, если ты бунтарь, то вразумись
И сим примером научись... [59]

«Ты смотри, Сытин, не замай уж Гришатку»,— юродствуя, но угрожающе писал Распутин [60].

Тамбовский губернатор считал себя более образованным человеком, чем Распутин или автор эпитафии, поэтому он разделил издававшиеся в стране журналы и газеты на две категории: к первой отнес те, которые несут любовь «к родине и вековым устоям», т. е. правительственные и черносотенные издания («Новое время», «Земщина», «Колокол», «Свет», «Русское знамя», «Московский листок»); ко второй — те, которые мечтают о новой революции». К ним он причислил демократические и кадетские газеты и журналы («Русское слово», «Речь», «Новая Русь», «Биржевые ведомости», «Современник», «Русское богатство», «Образование»). После чего предписал земствам выписывать для своих учреждений только издания первой группы.

Еще более решительно действовал председатель Старицкой земской управы. Не вдаваясь в особые рассуждения, он запретил земской библиотеке выписывать газеты «Русское слово» и «Русские ведомости», журналы «Русское богатство», «Русская мысль», «Современный мир», «Образование» [61]. Как говорят в таких случаях, комментарии излишни, все расставлено по своим местам.

Пока угрозы оставались только угрозами, Иван Дмитриевич все же не помышлял отказываться от газеты. Подобная мысль промелькнула, когда нависла опасность ее бойкота, который мог распространиться на книжное издательство. Уже после Февральской революции один из ближайших его сотрудников Г. С. Петров, отстраненный от участия в делах «Русского слова», грозил Сытину обнародовать историю его переговоров с председателем со-

вета министров П. А. Столыпиным о продаже газеты[62].

Возможно, именно этот случай (а в его истинности не приходится сомневаться) и породил слух о попытке продажи газеты кадетам, которые якобы предлагали «за „Русское слово“ вместе с Дорошевичем» миллион рублей. И только вмешательство самого Власа Михайловича, извещенного тайным агентом о предполагавшейся сделке, ее расстроило[63]. Зачем кадетам понадобился Влас Дорошевич, мемуарист, правда, не сообщает, забыв, видимо, о том, что писать и говорить их лидеры умели не хуже «короля фельетонистов».

Влас Дорошевич был, может быть, самым талантливым сотрудником редакции «Русского слова», но не он один определял направление газеты. Рядом с ним следует упомянуть Григория Спиридоновича Петрова, в прошлом священника, депутата Государственной думы, одного из популярнейших публицистов начала века.

Петров — фигура яркая и по-своему необычная. В. И. Ленин называл его «ловким демагогом», но не отрицал присущего ему литературного таланта. Кончив в 1891 г. духовную академию, Петров, не без содействия Победоносцева, получил место настоятеля церкви при Михайловском артиллерийском училище, в которой прослужил около десяти лет. Одновременно он читал лекции в Александровском лицее и в Пажеском корпусе, состоял профессором богословия в Политехническом институте. Во всех трех учебных заведениях его лекции пользовались большим успехом у слушателей. На его проповеди в лицее и Пажеском корпусе съезжался весь аристократический Петербург. При желании Петров мог сделать блестящую карьеру, однако избрал иной путь.

Поначалу он переменил аудиторию и стал устраивать в рабочих кварталах народные чтения, посвященные толкованию Евангелия. Затем обратился с обличительным письмом к митрополиту Антонию, по выражению Н. А. Рубакина, одному «из самых заскорузлых и черносотенных иерархов русской церкви». Этот шаг лишил его симпатии Синода и верхушки петербургского общества, но усилил популярность на рабочих окраинах. Особый успех имела составленная им из проповедей книга «Евангелие как основа жизни», выпущенная в 1898 г. «Русские ведомости» писали, что о ней очень тепло отозвался Л. Н. Толстой.

Прочитав по совету Тулупова эту книгу, Сытин неза-

медлительно предложил автору уступить ему право ее дальнейшего издания. По каким-то причинам соглашение не состоялось. Но вместо одной книги Петрова Сытин издал другую и с не меньшим успехом. Из статей Петрова, опубликованных в журнале «Вестник трезвости», Тулупов в 1901 г. составил сборник с кратким, но весьма выразительным названием «Долой пьянство!», который переиздавался четыре года подряд! Впоследствии кроме этико-религиозных проблем Петров касался в своих выступлениях и социальных вопросов. Правда, его критика социальных явлений не шла дальше культурного устроительства, пропаганды технического прогресса и разумного общественного распорядка. Недаром современники иронически величали его «апостолом центрального отопления».

Справедливости ради следует сказать, что Петров, имевший в годы русско-японской войны большое влияние на Сытина, в немалой степени использовал свое положение, чтобы придать корреспонденциям Вас. И. Немировича-Данченко с театра военных действий определенную «христианскую» окраску, противопоставить их откровенно шовинистической пропаганде черносотенной и реакционной печати. «Будьте вождем к добру... во имя мира, любви и братства людей»,— призывал он писателя.— Дайте что-нибудь против озверения. Злобы очень много. Надо будить человеческое сейчас» [64].

Ограниченность устремлений Петрова послужила первопричиной его расхождений с Сытиным. «Сбиваемся мы с дороги, — писал он Ивану Дмитриевичу в августе 1908 г.— Все, если не генералом газетным хотим быть, то не меньше, как полковником. Все хотим быть чем-то вроде „Русских ведомостей"... По моему глубокому убеждению, наша роль не та, нам надо быть не выше унтер-офицера» [65].

Петрова пугала общественная активность «Русского слова», острота некоторых критических выступлений газеты. По его мнению, в газете не следовало быть «очень серьезным», иначе читатель от нее отвернется [66]. Подобная установка противоречила взглядам Сытина, мечтавшего превратить «Русское слово» во флагман российской печати.

Если Дорошевич видел будущее «Русского слова» в традиционных формах большой общественно-политической газеты, содержащей пространную информацию по

всем вопросам внутренней жизни страны и международных отношений, освещающей их с предельной объективностью и глубиной, а воспитательную функцию газеты сводил к минимуму, то в противовес ему Г. С. Петров считал, что именно в ней заключено основное назначение газеты. «Факты фактами. Осведомленность хороша. Пусть она будет. Но читателю этого мало»,— убеждал он Ивана Дмитриевича. Однако и Петров понимал эту задачу чрезвычайно узко. Уверяя Сытина, что «массовому читателю хочется учиться, учиться азам», он требовал усилить популяризацию основ христианской морали, просветительную линию. Газета, по его мнению, должна быть «культурной, а не злободневным листком» [67].

Возможно, Сытин и сочувствовал подобным мыслям, он даже обвел кружком эти слова в письме Петрова, но следовать его советам все же не спешил, понимал ограниченность такого рода программы. Не разделял он и представлений Петрова о духовном облике русского народа. Выйдя из самых его низов, Иван Дмитриевич имел собственное мнение на этот счет. На вопрос Петрова: «Да миллионы русского народа разве еще не наивны? Разве они еще не младенцы?» — Сытин отвечал отрицательно [68]. Темны, необразованны — это правда. Но не наивны. И нуждались не столько в апостольской правде, сколько в самом элементарном образовании, и в этом им должно было помочь слово, звучащее с полос всероссийской газеты.

Петров числился членом редколлегии вплоть до 1917 г., получая громадное по тем временам жалованье (2000 р. в месяц), но с 1908 г. почти не печатался и практически не играл никакой роли в делах газеты. Вместе с Вас. Ив. Немировичем-Данченко, которого он в свое время привлек в газету, они составляли как бы неофициальную оппозицию Дорошевичу, будучи глубоко, но совершенно ошибочно убеждены в противодействии с его стороны.

В свое время Дорошевич оговорил свою работу в газете несколькими непременными условиями. Одним из них было удаление из газеты всех сотрудников, известных открыто реакционными взглядами. Другим было намерение изгладить из памяти читателя традиции старого «Русского слова» («Нельзя не любить России, страны, которая дает Пушкина и Толстого. О такой стране смешно, глупо и грешно говорить иначе, как с достоин-

ством. Но это не должно переходить в квас и стиль «Московского листка»). Третьим выдвигалось требование автономии в чисто редакционных вопросах. («Ни на секунду ни Сытину, ни кому другому Вы не должны давать наступать на ногу...— наставлял он заменявшего его журналиста Н. В. Туркина.— При малейшей попытке вмешательства напоминайте: Вы обещали Вл.[асу] Мих.[айловичу] не вмешиваться ни во что в редакционных делах».) [69]

Поставленный ультиматум в значительной мере носил декларативный характер, поскольку сам Дорошевич не отличался ни умением, ни желанием планомерно и целеустремленно вести дело. Бывали периоды, когда он много работал, не жалея ни времени, ни сил, но затем (и довольно часто) наступали спады, характерные потерей всякого интереса к газете. «Дорошевич живет в Москве и после двух месяцев непрерывной работы по ночам в газете слег больным, теперь три недели лежит дома»,— сообщал Сытин. Но гораздо чаще в письмах Ивана Дмитриевича можно встретить жалобы на то, что Дорошевич не уделяет газете должного внимания [70].

Ведя весьма рассеянный образ жизни, много путешествуя и бывая за границей, он, наверно, и сам смотрел на себя как на «дорогого» гостя в «Русском слове», хотя любил газету и тяжело переживал ее неудачи. Однако непомерные обязанности (Дорошевич одновременно печатался в ряде изданий) не могли не сказаться на литературных достоинствах его произведений, шедших в набор прямо с рукописей, на которых еще не просохли чернила. «Пишу фельетон о харьковском деле,— сообщал он в редакцию.— Присылайте каждый час человека за материалом» [71].

Не поняв событий 1904—1905 гг., Дорошевич не почувствовал неизбежности грядущих революционных потрясений. Разлад со временем неизбежно сказался и на его творчестве. Даже наиболее близкие ему люди вынуждены были отметить это обстоятельство. «Все, что было сделано Дорошевичем нового и интересного в газетном деле, он сделал до 1905 года,— писала его дочь Наталья Власьевна.— В период от первой Революции до начала империалистической войны он также писал очень много, но если обратиться к его фельетонам того времени, окажется, что особенно интересных и совершенных по форме среди них меньше, чем раньше. Это уже было повторе-

ние пройденного, легкий и проторенный экскурс по проторенной дороге» [72].

Сложность взаимоотношений с Дорошевичем усугублялась тем, что он предпочитал жить в Петербурге, из-за чего то и дело возникающие недоразумения приходилось выяснять путем длительной переписки. Где-то в начале 10-х гг. Иван Дмитриевич все же решился сменить «лошадку». 30 декабря 1911 г. Александр Блок записал в своем дневнике, что Дорошевич окончательно уходит из «Русского слова». Однако в начале 1912 г. он опять перешел к Сытину, затем снова с ним разругался. И назло всем собрался сотрудничать в суворинском «Вечернем времени», но намерения своего не осуществил и по обоюдному согласию возвратился в «Русское слово».

После временного отхода Дорошевича занять его место в газете Сытин предлагал многим лицам, в том числе и П. Б. Струве. Когда-то Струве «ходил» в марксистах, но к описываемому времени стал членом кадетской партии. Предложение Сытина его заинтересовало. 19 декабря 1911 г. он писал Ивану Дмитриевичу, что московские друзья обещали ему «оказать полное содействие в постановке газеты» [73]. Однако его кандидатура встретила яростное противодействие со стороны других членов редакции. «Я ничего не имею против редакции Струве,— писал Петров.— Буду очень рад его участию. Я боюсь только за газету, ради Ваших интересов. Смотрите, как бы не повредили делу. Строили долго, а рухнуть может сразу. Я говорю не за себя, а за Федора Ивановича» [74]. Петрова и Благова можно понять: для властей Струве все еще являлся фигурой достаточно одиозной в роли руководителя крупнейшей газеты страны. Неприемлемой оказалась и кандидатура А. В. Амфитеатрова, понявшего предложение Сытина как «намерение двинуть газету влево и утвердить ее на левом фланге с большею твердостью и определенностью, чем было до сих пор». Только на этих неприемлемых для «Товарищества» условиях он соглашался «войти в газету» [75].

С помощью своего доверенного — заведующего Петербургским отделением «Русского слова» Аркадия Вениаминовича Руманова — Сытин попытался вести переговоры с сыном Суворина — Алексеем Алексеевичем Сувориным, газета которого «Новая Русь» явно дышала на ладан. Но ему газета показалась слишком либеральной, и он отказался от предложения ее издателя [76].

Во всех своих действиях Сытин был связан Правлением «Товарищества», больше всего на свете боявшегося каких бы то ни было перемен. Когда в декабре 1911 г. велись переговоры с Амфитеатровым и Струве, Сытин еще раз попытался «склеить дело» в «Русском слове» и отправился в Петербург договариваться с Дорошевичем. Но попытка привела лишь к тому, что распространился слух о намерении Ивана Дмитриевича расторгнуть с ним контракт. Напуганное этим Правление, собравшись 12 декабря на экстренное заседание, потребовало от своего председателя гарантий незыблемости договора с Дорошевичем. Связанный, как говорят, по рукам и ногам, Сытин все же не оставлял надежды заменить редактора «Русского слова». Нашлась и подходящая кандидатура — Ионна Рафаилович Кугель, в прошлом сотрудник «Русского слова», редактор весьма популярной либеральной газеты «Киевская мысль» (в которой печатались и марксисты, в частности, А. В. Луначарский). В январе 1912 г. Иван Дмитриевич заключил с ним соглашение, положив ежегодное жалованье в 15 тыс. р. «Я и Ф. И. (Благов) с ним беседовали две ночи,— сообщал Руманову Сытин,— и выговорили все решительно права, чтобы они втроем: Кугель, Ф. И. и частично Петров вели все внутреннее дело редакции» [77]. Сохранился отрывок письма Сытина к Руманову, в котором он весьма образно обосновал закономерность принятого решения: «Было три дороги: оставить на одного Благова — без всякой работы в деле. Он ее не нес и никому не верил, и шло по ветру все, что кто даст, вразброд, без контроля и проверки. Вторая с В. М. (Дорошевичем), Вы ее знаете. И третья, человека, у которого в прошлом «Киевская мысль», и с желанием только прийти на помощь, не нарушая и не желая посягать на права Благова. Это мы и выбрали. Будет, быть может, если не лучше, то спокойнее. Пожалуйста, размысли и подумай, что бы ты сделал» [78].

Брат И. Р. Кугеля — Александр Рафаилович, известный театральный критик и журналист, видел в сытинской гибкости проявление его природного такта. Стараясь удержать бразды правления в своих руках, Сытин все время должен был регулировать взаимоотношения между различными группировками в редакции газеты, весьма настороженно относившимися ко всяким попыткам изменить ход дела и объединявшимися, как только что-

то грозило их благополучию. Приглашая Кугеля, Сытин намеревался с его помощью значительно сократить расходы по редакции и расширить круг авторов. Дорошевич, ведавший распределением гонорара и добившийся от издателя чрезвычайно высоких «фиксов» (гарантированной оплаты труда постоянных сотрудников редакции), не уделял должного внимания экономической стороне дела. Что же касается самих сотрудников, то они, естественно, меньше всего желали с кем-то делиться своими гонорарами. Возникла сильная оппозиция, поддержанная Правлением «Товарищества». По словам лиц, хорошо знавших обстановку в газете, «Сытин долгие дни сопротивлялся, возражал... И все же вынужден был договор с Кугелем расторгнуть»[79]. Пришлось выплатить Кугелю и солидную неустойку — 40 тыс. р., что послужило поводом для экспромта Амфитеатрова:

Во время оно
Кит проглотил Иону,
Теперь уж музыка не та:
Иона проглотил Кита[80].

Нелегко складывались взаимоотношения Ивана Дмитриевича с его зятем — Федором Ивановичем Благовым. Бесспорно, он его ценил, как честного и глубоко преданного делу человека, отдававшего газете все свое время и силы. «Крамолы» Благов побаивался, являясь как бы внутренним цензором. Но и в малом и в большом твердо держался своих принципов, не уступая даже натиску Сытина, пока не уверует в силу приведенных доказательств. Он не боялся идти на открытые конфликты и с именитыми авторами. Когда кн. П. Долгорукий обратился к нему с просьбой опубликовать свою статью «О духовенстве и выборах», в которой пропагандировалась деятельность кадетской партии, то Благов ему отказал, аргументируя свои действия тем, что «Русское слово» оппозиционная газета, но отнюдь не партийная. («Русское слово» не является органом ни прогрессистов, ни кадетов, ни какой-либо партии вообще.)[81] Независимость газеты от буржуазных партий была чисто иллюзорная, но тем не менее в своих действиях Благов был последователен.

В профессиональном отношении Федор Иванович не уступал, вопреки заявлениям Дорошевича, многим записным литераторам. О его чувстве слова прекрасную новеллу написал К. Паустовский в «Золотой розе». И все

же для роли главного редактора крупнейшей русской газеты он не подходил. По общему мнению, «такой газете нужен был человек, который на выдумку хитер, мог бы во всем быстро и решительно разобраться, а главное — проявить массу инициативы» [82]. Такими качествами Федор Иванович не обладал. «Нельзя считать Благова редактором,— в сердцах говорил Сытин,— ведь это благочинный человек» [83]. Поэтому Сытину и приходилось энергично вмешиваться в ход дела. Боясь рутины и застоя, Сытин все время пытался расширять круг авторов, не только за счет известных писателей, но и молодежи. «Умоляю, готовь молодежь, живую, интересную,— просил он Руманова.— Надо дело делать!» [84]

Присказка «Надо дело делать!» стала как бы девизом его жизни. Если бы Сытину предложили миллионы, при условии, что он уйдет на покой, то Иван Дмитриевич, не задумываясь, отказался бы от них. В работе он видел свою жизненную миссию.

Сытин был человек с хитринкой, поэтому всегда предпочитал оставаться в тени. Многим современникам, даже близко стоявшим к «Русскому слову», казалось, что его функция ограничивалась ролью «золотого мешка». Эту версию в какой-то мере поддерживал и он сам, поскольку она его вполне устраивала и давала возможность без излишней аффектации держать в руках бразды правления. Другое дело, что сплошь и рядом он шел за редакторами, не рискуя резко менять направление газеты. В то же время, по словам И. Р. Кугеля, Иван Дмитриевич, как никто другой, ясно видел перспективы задуманного предприятия. «Мне часто приходилось беседовать с Сытиным по делам газеты,— писал Кугель,— и я поражался той легкости, с какой он схватывал тонкости нового для него дела. Какие широкие планы построения газеты выдвигал он! То, чем впоследствии стало «Русское слово», было в значительной степени только претворением в дело широких мечтаний Сытина» [85].

Он не писал и не редактировал статей, непосредственно не формировал полос газеты, но внимательно следил за каждым номером, за каждой рубрикой и в случае недоразумений, не стесняясь, по-своему решал проблему. Когда Дорошевич по настоянию Сытина в целях экономии заметно сократил объем газеты, то в банковских кругах возникло сомнение в состоятельности фирмы. Подобная версия никак не устраивала Ивана Дмитриевича,

так как могла поколебать курс акций «Товарищества». Поэтому он настоятельно рекомендовал Руманову «не убавлять ни телеграмм, ни текст. Говорить ему (т. е. Дорошевичу.— *Е. Д.)* этого не надо, но хорошо надо его убедить, чтобы это изменение в увеличении текста и телеграмм шло от него, а не от нас... Не говорите, что я писал. Он опять подумает, что ему ходу не даем. А нельзя ли обиняками, от тебя, что видишь и удивляешься, что за ужасная полуторалистовая газета пред праздником теряет прежний богатый вид. Все на праздники гордые вышли, полные, а мы кургузые, сразу не узнают газеты. Чувствуется беднота» [86].

Указания Сытина, носили ли они общий характер, или касались более конкретных вопросов — тематики материала, рекомендации авторов и т. п., всегда преследовали одну цель — поднять авторитет газеты, ее престиж. Стремясь из года в год увеличивать тиражи «Русского слова», Сытин собрал на ее страницах имена всех наиболее известных русских писателей, не думая, естественно, ни о какой их консолидации на единой, в эстетическом или политическом плане, платформе. Более того, порой между авторами «Русского слова» возникала резкая полемика, свидетельствующая о коренных различиях их идейных позиций (например, спор между Горьким и Мережковским в связи с оценкой общественного значения творчества Достоевского).

И все же, как ни велик был авторитет Сытина, в созданной им газетной державе он чувствовал себя ограниченным монархом. Опека Правления его чрезвычайно тяготила. Он пытался путем различного рода комбинаций найти надежный способ от нее избавиться. У Сытина возникла идея создания в Петербурге второй газеты, в сотрудники которой он намеревался пригласить представителей всех общественных кругов от графа С. Ю. Витте до А. М. Горького. В конечном счете Сытин ограничился организацией «Северного издательского товарищества» (первоначальное название «Торговый дом Ф. Т. Мареев, И. Р. Кугель, М. Т. Соловьев и К°»), которое с 1912 г. стало выпускать под фактической редакцией И. Р. Кугеля большую ежедневную газету «День».

В дальнейшем он намеревался, перекупив наиболее популярные газеты («Киевская мысль», «Одесские новости» и др.), образовать первый в России газетный концерн. В данном случае речь шла о попытке монополизи-

ровать рынок. Реализовать этот план помешала разразившаяся война.

В годы мировой войны «Русское слово», прочно заняв оборонческие позиции и отказавшись от всякого намека на либерализм, все более и более скатывалось к откровенному шовинизму. В «патриотическом» упоении экс-«король фельетонистов» Дорошевич призывал читателей газеты: «...удовлетворите перед смертью чувство ненависти, законной злобы, мести... Не стоит уходить с этого света одному, лучше прихватите с собой хоть одного немца» [87].

Не случайно переменили свое отношение к газете и власти, охотно поставив на ней штемпель официального одобрения. Даже протопресвитер действующей армии рекомендовал читать не «Новое время», а «Русское слово», добавляя при этом, что «последнее удивляет даже Верховного главнокомандующего своей осведомленностью и меткостью суждений и предсказаний» [88].

Скатившись вправо, «Русское слово» после Февральской революции заняло резко отрицательную позицию по отношению к Советам, заслужив одобрение откровенных реакционеров за то, что оно вливает «много бодрости» в их души, «оплеванные и затравленные демагогией черни» [89]. В какой степени Сытин определял линию газеты в дни Февральской революции, сказать трудно. Горький считал, что он потерял власть над нею еще в дни империалистической войны, во всяком случае, когда 20 апреля 1917 г. на общем собрании сотрудников «Русского слова» был избран Редакционный комитет, призванный стать «органом, руководящим газетой и отвечающим за ее направление», он в него не вошел. 20 мая 1917 г. Дорошевич сложил с себя обязанности главного редактора, и «Товарищество», не находя нужным приглашать в качестве такового новое лицо, передало руководство газетой Редакционному комитету [90].

Покидая пост редактора «Русского слова», Дорошевич посчитал необходимым оставить в назидание новому руководству свои рекомендации, в которых советовал «не повиноваться и не кланяться в ноги Совету рабочих депутатов, налево отнюдь не сбиваться» и «до последней возможности не печатать воззваний Совета рабочих депутатов, так как это может вызвать пожар во всей России» [91].

Советы Дорошевича члены Редакционного комитета

по мере сил постарались выполнить. Тем не менее пожар все же разгорался.

За более чем двадцатилетнее существование «Русское слово» превратилось из бесцветного листка, влачившего жалкое существование, в первую газету России. Не придерживаясь ярко выраженного политического направления (за исключением, пожалуй, периода первой русской революции, когда «Русское слово» склонялось в своих симпатиях к кадетам), газета в годы империалистической войны всецело поддерживала шовинистическую политику царизма. Отсюда и ее отношение к Великой Октябрьской социалистической революции.

Однако в истории отечественной журналистики «Русское слово» рассматривается не только как самая распространенная газета. Она занимает весьма почетное место благодаря поистине новаторской постановке информационной службы. Современники называли ее «фабрикой новостей». Это была наиболее осведомленная русская газета, оперативно и широко освещающая жизнь планеты. Одной из первых ее редакция заменила почтовую связь телефонной и телеграфной. Имея сеть собственных корреспондентов во всех углах империи и за рубежом, газета брала из телеграмм «Петербургского агентства» только официальные сведения. «Русское слово» вошло в соглашение с крупнейшими европейскими политическими газетами об обмене сведениями, имея в зарубежных столицах наряду с корреспондентами специальных представителей редакции.

Следует отметить и другую сторону дела — газета являлась крупнейшим капиталистическим предприятием, которое по масштабу своей деятельности ничем не уступало наиболее значительным европейским и американским собратьям. Стремясь организовать вокруг «Русского слова» сеть дочерних газетных предприятий, Сытин первым в России попытался трестировать печать, т. е. осуществить тот самый процесс, который столь характерен ныне для западной прессы.

История «Русского слова» заслуживает внимания и потому, что на его страницах увидели свет многие произведения крупнейших современных писателей.

И. Д. Сытин и русские писатели

За долгие годы издательской деятельности Сытин не открыл ни одного писательского имени. Более того, за все это время он выпустил лишь два оригинальных собрания сочинений — Л. Н. Толстого и В. М. Дорошевича (последнее осталось неоконченным). А ведь трижды судьба явно ему улыбалась. Он имел возможность издать собрание сочинений Чехова; молодой Бунин хотел выпустить у него свой перевод «Песни о Гайавате» и что-то вроде избранных произведений. Андреев отдал ему первую книжку и, прождав более года, был вынужден выкупить ее. Изданная в горьковском «Знании», она принесла писателю всероссийскую славу. Через несколько лет Иван Дмитриевич попытался перекупить авторские права на издание собрания сочинений Андреева, Куприна, Горького, но осуществить этого не смог.

В рекламном очерке «Товарищество И. Д. Сытина» уверяло своих читателей, что оно всегда стремилось привлечь к «совместной работе лучшие литературные, научные и художественные силы». К этому утверждению следует отнестись с осторожностью [1]. Из перечисленных в очерке имен — П. Д. Боборыкин, А. Н. Будищев, Е. П. Гославский, С. М. Городецкий, В. М. Дорошевич, С. Д. Дрожжин, П. В. Засодимский, А. А. Измайлов, Д. Н. Мамин-Сибиряк, П. М. Невежин, Вас. И. Немирович-Данченко, П. А. Нилус, И. Н. Потапенко, Вл. А. Тихонов, Н. Д. Телешов, А. М. Федоров, Н. Н. Чаев, А. И. Эртель — многие уже почти не известны современному читателю. Большинство из них в лучшем случае писатели второго ряда. Выпускались, правда, дешевые издания собраний сочинений классиков, но как писали авторы рекламного очерка, «по мере освобождения от монопольного использования». Сытин сумел приобрести права только на сочинения И. С. Никитина.

Справедливости ради следует оговориться. Сытин получил возможность оперировать значительными суммами лишь в самом конце 90-х гг. К этому времени авторские права большинства русских писателей-классиков были скуплены крупнейшими издательскими фирмами. Когда Аксаков продавал авторские права на сочинения Гоголя и просил за них всего лишь 45 тыс. р., Сытин не мог их приобрести — у него не было свободных средств. Сделал это В. В. Думнов. Выпустив собрания сочинений Гоголя восемью изданиями и полностью компенсировав все затраты, да и прихватив «чуток», он перепродал авторские права А. Ф. Марксу, но уже за 150 тыс. р.![2]

В начале 900-х гг. Иван Дмитриевич хотел выкупить права литературной собственности на сочинения А. И. Герцена и через Эртеля пытался связаться с наследниками писателя, но выяснилось, что они находят более выгодным продать право лишь на одно издание, как это было в случае с Ф. Ф. Павленковым, который единовременно выплатил им 12 тыс. р.[3] Сытин не рискнул принять их предложение.

В письме к Чехову он сожалел, что не догадался упредить А. Ф. Маркса и выкупить у писателя авторские права «вместо „Русского слова", проклятого дела», но тут, пожалуй, его слова не следует принимать на веру. Тех прибылей, которые приносила газета, ни одно собрание сочинений дать не могло.

И все же заслуга И. Д. Сытина перед русской литературой огромна. Он сделал то, чего не удалось никому из его предшественников, донеся если не Белинского, то Пушкина и Гоголя до того самого мужика, которому, кроме псалтыри и «Милорда глупого», были неведомы никакие иные плоды российской словесности.

Выпущенные «Товариществом И. Д. Сытина» дешевые издания классиков были значительно хуже подготовлены, чем те же издания, выходившие приложениями к «Ниве» — самому распространенному журналу, издаваемому А. Ф. Марксом, да и стоили, как правило, дороже. Однако они оказывались доступнее малоимущему читателю. «Нивские» приложения в магазинах не продавались, а в целом с журналом за них надо было платить больше, чем за сытинские издания. Например, иллюстрированный том собрания сочинений Пушкина объемом в 975 страниц у Сытина стоил 90 к., собрание сочинений Гоголя объемом в 819 страниц — 50 к., собрание сочи-

нений Никитина — 1 р. 25 к. Тогда как подобные издания у его конкурентов не продавались дешевле 3 р.

Сытинские дешевые издания классиков выпускались с иллюстрациями (правда, не блещущими особыми достоинствами), компактно изданными однотомниками. Из-за предельной емкости печатного листа и невысокого качества бумаги их было нелегко читать, но зато они всегда «одевались» в твердые переплеты и долго и верно служили не одному поколению своих владельцев. Можно с полной уверенностью сказать, что это были первые собрания сочинений русских писателей, в значительном числе попадавшие в деревню.

Не менее важно и то, что Сытин открыл перед современной ему русской литературой неведомые прежде возможности газетной трибуны, сделав практически доступными для десятков тысяч читателей произведения лучших писателей. Разворачивая «Русское слово», читатель знал, что обязательно найдет на его полосах новую вещь кого-нибудь из властителей дум. Лев Толстой, Леонид Андреев, Александр Блок, Иван Бунин, Валерий Брюсов, Максим Горький, Александр Куприн и многие, многие другие писатели были авторами газеты. Из именитых современников Сытина лишь Чехов и Короленко никогда в ней не печатались.

И до Сытина русские газеты помещали художественные произведения, занимавшие свое, закрепленное жесткими рамками традиций, место. Более того, по мнению столь авторитетного свидетеля, как Н. К. Михайловский, к концу века «журналы, а потом и газеты определяли собою нередко и форму и содержание произведений выдающихся талантов» [4]. Но участие писателей в газете не носило характера активного и всестороннего сотрудничества. И Чехов, и Лесков, например, всячески подчеркивали его вынужденность. Да и печатались художественные произведения, как правило, лишь по определенным дням. Недаром в газетной беллетристике конца прошлого века превалирует жанр воскресного фельетона или так называемого святочного рассказа. Но сотрудничество в газетах известных писателей привлекало внимание критики и широкого читателя и к произведениям их многочисленных малоизвестных коллег, остававшихся до этого в тени. Недаром А. П. Чехов не без иронии, но тем не менее с известной гордостью писал, что «газетные беллетристы второго и третьего сорта должны воздвигнуть

мне памятник или по крайней мере поднести серебряный портсигар; я проложил для них дорогу в толстые журналы, к лаврам и к сердцам порядочных людей» (3, 23).

Иными словами, даже наиболее часто печатавшиеся в газетах писатели смотрели на свое сотрудничество в них как на дело временное, вызванное определенными обстоятельствами, хотя и понимали всю его общественную значимость. Впрочем, известные ограничения в этом плане вызывались и соображениями экономического порядка, заставлявшими владельцев газет прибегать к услугам известных литераторов лишь в особых случаях. Сытин первым из издателей понял, какие громадные возможности эстетического воздействия на читателя таятся в газете. Почувствовав веяния времени, он (по его же словам) не без влияния Чехова, считавшего, что газета должна приучать читателя к постоянному чтению и тем самым «развивать в нем вкус и проложить ему пути к книге», широко открывает перед писателем двери редакции «Русского слова»[5]. Сказанное не следует понимать буквально. Двери широко раскрывались далеко не перед всеми писателями, а лишь достаточно известными. Поэт Вл. Пяст вспоминал, что за все время сотрудничества в «Русском слове» ни одной его статьи за подписью редакция не поместила: «Право подписываться в этой газете ценилось очень высоко. Чья-нибудь напечатанная там подпись сразу составляла литератору имя. Они (редакция) предпочитали его не давать»[6].

Громадное влияние на ход преобразований в «Русском слове» оказала революция 1905 г., во время которой беллетристика в газете нередко получала чисто публицистическое звучание и не в меньшей мере, чем очерк или фельетон, выражала общественное мнение.

По словам современников, беллетристика «в количестве нестерпимом» начала заполнять «Русское слово» с 1909 г., т. е. со времени отхода Дорошевича и Петрова от непосредственной работы в газете[7].

Немного позднее (в 1912 г.), делясь с Румановым своими соображениями о будущем «Русского слова», Иван Дмитриевич очень четко сформулировал свою программу: «В газете надо будет завести просто отдел беллетристики, ежедневный, обязательный... Это даст читателя, это мечта». По его мнению, следовало «всех хороших беллетристов взять в «Русское слово» и, несмотря на расходы, каждый день публиковать «новости беллет-

ристики, фельетон. Обязательно подряд все, что есть нового: роман, рассказ, повесть — по очереди. Кончил один — начинай другой, и без конца. Пусть все вещи новые с именами пройдут в газете... Платить им больше чем за отдельное издание, даже сделать месячное жалованние под годовую работу» [8].

Высказывая свое мнение, он исходил из того, что газета должна стать другом читателя, разделить с ним его заботы и радости. «Вот сегодня большой праздник: солнце, весь город на улице. У нас и у других вышли газеты. Мы как на смех: чертова скука, ни звука таланта, паршивая брехня... Умоляю тебя,— писал он Руманову,— буди Куприна и Дорошевича» [9].

Последовательное появление новых имен на полосах «Русского слова» в немалой степени способствовало тому, что художественная литература заняла в газете прочное положение, оттеснив исконно свойственные ей жанры. Так, популярность юмористических рассказов А. Аверченко и О. Дымова затмила в предвоенные годы успех фельетонов В. Дорошевича. Но престиж «Русского слова» подняли иные имена. В частности, Горький, Андреев, Бунин, Блок. Они в известной мере определяли не только лицо газеты, но и отношение к ней широких слоев русского общества.

Среди блестящей плеяды русских писателей, с которыми судьба свела Сытина, первым был Л. Н. Толстой. Однако рассказ о взаимоотношениях издателя с великими современниками следует начать с Чехова, знакомство с которым сыграло в жизни Ивана Дмитриевича исключительную роль.

А. П. Чехов

Иероним Ясинский уверял, что он свел Чехова с Сытиным. Встреча состоялась за день до отъезда писателя из Москвы. Точная ее дата — 16 декабря 1893 г. Чехов продал Сытину право издания своего сборника тиражом в 10 тыс. экз. за 2300 р., разрешив выпустить отдельным изданием два входящих в него рассказа [10]. Сытин также датирует первую встречу с Чеховым декабрем 1893 г.: «Мы с ним встретились у Иверской, в часовне. Мы вышли оттуда, и он сказал, что хочет познакомиться со мной и сделал предложение своего томика» [11].

Заочное знакомство состоялось несколько раньше. В мае 1893 г. Чехов писал одному из руководителей «Посредника», что поручил брату передать «через Сытина авторские экземпляры» своих книжек, которые ему не понадобились (5, 210).

Контакты Чехова с «Посредником» начались летом 1891 г. К программе издательства он относился сочувственно; считал, что «громадное большинство» вышедших под его маркой книжек «читается с интересом». Особенно хороши были, по его мнению, «толстовские и лесковские вещи». «Вообще и по внешности, и по внутреннему содержанию, и по духу посылка произвела на меня самое отрадное впечатление»,— писал он Горбунову-Посадову, благодаря за присланные книги (4, 268—269).

Первоначальные впечатления были настолько благоприятны, что Чехов охотно согласился сотрудничать с «Посредником». В следующем году в типографии «Товарищества И. Д. Сытина» был отпечатан сборник рассказов «Детское сердце» без всякого указания на фирму, его издавшую. По всей вероятности, это было одно из тех изданий, которые «Посредник» передал Ивану Дмитриевичу в порядке взаиморасчетов. В сборник был включен рассказ Чехова «Ванька Жуков» (книга переиздавалась в 1896 и 1903 гг.). Затем в 1893 г. «Посредник» уже под своей маркой выпустил отпечатанные в типографии Сытина небольшими брошюрами рассказы Чехова «Жена» (2-е изд.— в 1894 г.; 3-е — в 1899 г.), «Именины» (2-е изд.— в 1894 г.; 3-е — в 1899 г.), «Палата № 6» (2-е изд.— в 1894 г.; 3-е — в 1899 г.). В 1894 г. вышли: «Бабы» (2-е изд.— в 1897 г.), «Горе» (2-е изд.— в 1895 г.); в 1895 г.— «Нахлебник» (2-е изд.— в 1898 г.). За ними должны были последовать: «Припадок», «Страх», «Спать хочется»; «В суде», «Володя», «Хамелеон», «Раз в год», «Злоумышленник», «Тоска», «Отставной раб», «Устрицы», «Дома» — целая чеховская библиотека! Но если издатели были в восторге от автора, то Чехова очень огорчила работа издателей.

«Встретился с Чеховым, и он очень долго высказывал мне свое неудовольствие на «Посредник» за медлительность в печатании»,— писал Хирьяков Черткову [12]. К тому же писателя, любившего править свои вещи в корректуре, лишили этой возможности. Чертков, экономивший на всем, сознательно не посылал никому корректуру. Кроме того, он остерегался лишний раз обратить внимание

А. П. Чехов

писателя на купюры, вызванные не столько цензорским, сколько редакторским вмешательством.

В январе 1893 г. после выхода в свет рассказов «Именины» и «Жена», на присылке корректур которых Антон Павлович настаивал, писатель собрался прекратить вся-

кие отношения с издательством. «Особенно досадовал он,— сообщал Хирьяков, что не прислали ему корректур «Жены», так как этот рассказ он хотел очень сильно переделать. Наконец, он заявил, что хочет купить издание «Жены», чтобы его уничтожить». Предупреждая желание Чехова, Хирьяков от имени «Посредника» выразил готовность пойти ему навстречу и изъять из продажи весь тираж книжки. «Это было бы чересчур жестоко»,— сказал он. Потом опять пофыркал на чересчур большой формат издания и сказал, что это все равно, что выпустить писателя без брюк, не присылая корректуры. Закончилась беседа опять-таки заявлением, что пусть издание выходит, но что уж больше он ничего не даст». Однако, получив телеграмму Черткова о намерении издательства уничтожить весь тираж книжки, писатель заметил, что делать этого не следует, а исправления можно будет внести во второе ее издание. «Бореи улеглись и легкие Зефиры повеяли»,—иронизировал Хирьяков, вспоминая минувшие переговоры [13].

Чехов знал, что в отличие от прочих издателей Чертков не преследовал никаких корыстных целей и работал в исключительно трудных условиях. Ему импонировал как сам руководитель «Посредника», так и дело, которому тот служил. И совсем не случайно он как-то заметил в письме к Суворину, что его дед по отцу был крепостным деда Черткова, богатейшего помещика, на стипендию которого, кстати сказать, обучался в Воронежском кадетском корпусе адресат его письма. Но не минувшее, а настоящее объединяло их обоюдные устремления. Именно поэтому писатель передал «Посреднику», как писал Чертков, «свою только-что прогремевшую на всю Россию» повесть «Палата № 6», несмотря на то, что ее одновременно печатал Суворин. Со своей стороны Чертков попытался сделать все возможное, чтобы устранить основную причину конфликта — ускорить издание брошюры. Он настоятельно просил Ивана Дмитриевича «в благодарность Чехову — для того чтобы совсем устранить прошлое дурное впечатление... постараться удивить его быстротой выпуска этой книги» [14].

«Удивить» автора на этот раз действительно удалось: 2 февраля Чертков получил согласие Чехова на издание книги, 3 февраля отослал рукопись в цензуру; в конце месяца получил разрешение ее печатать, и уже 2 марта переслал ее Сытину. Через три дня — 5 марта автору вы-

слали гонорар за первые 5 тыс. экз., одновременно пообещав «послать отчет о сбыте книги» [15].

Однако обрадовав одним, огорчили другим — качеством издания. Жена Хирьякова вспоминала, что Антон Павлович остался очень им недоволен. «Убили вещь, убили!» — говорил он. «А я до сих пор не могу понять,— добавляла она,— как это можно было убить чеховскую вещь» [16].

По всей видимости, недовольство «Посредником» распространилось и на Сытина, ответственного, по мнению Чехова, за качество издания книг и, главное, за неудовлетворительное оформление.

В свое время высказывалось предположение, что восторженная характеристика постановки дела в «Товариществе И. Д. Сытина», содержащаяся в письме Чехова к Суворину, имела целью уязвить издателя «Нового времени», постоянно выставлявшего себя истинным поборником интересов русского народа. Но вряд ли Чехов хотел просто уколоть Суворина, говоря, что сытинское «Товарищество» — «единственная в России издательская фирма, где русским духом пахнет и мужика-покупателя не толкают в шею». (В суворинских магазинах мужика и к порогу близко не подпускали. Да он и сам туда не шел.)

Фраза из того же письма: «На днях я был у Сытина и знакомился с его делом. Интересно в высшей степени. Это настоящее народное дело»,— свидетельствует о глубоком внимании, проявленном Чеховым к издателю. Он искренне советовал Суворину побывать у Сытина «в складе и в типографии, и в помещении, где ночуют покупатели (офени.— *Е. Д.*)», чтобы убедиться в правомерности сказанного, да и почерпнуть для себя немало полезного.

Характеристика самого Ивана Дмитриевича чрезвычайно скупа («Сытин умный человек и рассказывает интересно»). Обычно писатель бывал куда более щедр на слово. А вот последняя фраза не могла не задеть скуповатого Суворина: «2300 р. я взял у него (т. е. Сытина.— *Е. Д.*), продав ему несколько мелочей для издания» (5, 253). За «несколько мелочей» заплатить две тысячи с лишним мог человек, знающий истинную цену таланта.

Впоследствии Суворин вместе с Чеховым побывал у Сытина. «Осмотрели типографию, все производство,— вспоминал Иван Дмитриевич,— А. С. Суворин дружески

одобрил, что ему нравилось, удивлялся величине и дешевке и даже морщился и поругивал своих, вспоминая, что у него то того, то другого нет. А Антон Павлович как будто радовался. Он подзадоривал и шутил, говоря, что надо больше и сильнее работать, а не спать, что нужны книги» [17].

Глубоко расположенный к Сытину Чехов никогда его не идеализировал. «Это человек коммерческий»,— рекомендуя Ивана Дмитриевича, писал он В. А. Тихонову (5, 306). В другой раз отмечал, что Сытин — это «сочетание энергии вместе с вялостью и чисто суворинской бесхарактерностью» (8, 190). Но всегда подчеркивал его человеческую значимость. За десять лет знакомства отношения писателя с издателем стали дружескими. Бесспорно, Антон Павлович ценил всегдашнюю готовность Сытина быть ему полезным, прислушаться к его совету, принять рекомендацию. Он даже как-то писал Ивану Дмитриевичу, что к нему и к его делу всегда относился «с полным сочувствием и с полным доверием» (6, 82). Но расходились они в самом главном: в понимании цели книгоиздания. «Народные театры и народная литература — все это глупость, все это народная карамель. Надо не Гоголя опускать до народа, а народ подымать к Гоголю»,— считал Чехов (11, 294). Прошло немало лет, прежде чем Сытин осознал правомерность этой мысли и полностью с ней согласился. Он почти дословно повторил эти слова, полемизируя с давними высказываниями Л. Н. Толстого и Н. К. Михайловского о недоступности для мужика сочинений Пушкина, Гоголя, Тургенева и т. п. и необходимости создания особой народной литературы [18].

В 90-е гг. подобного рода «карамель» составляла основную продукцию «Товарищества И. Д. Сытина». И как бы добро ни относился писатель лично к Ивану Дмитриевичу, как бы высоко ни оценивал отдельные его издания (например, знаменитую «Библиотеку по самообразованию»), общая направленность деятельности фирмы его явно не устраивала. В то же время Чехов высоко ставил деловую порядочность издателя (по словам Сытина, умение хранить «чистоту тела»), почему и посоветовал ему выкупить «Русское слово». За четыре месяца до покупки газеты, 9 сентября 1897 г., Иван Дмитриевич писал Н. А. Рубакину: «Едва только кончилось с большими неприятностями, связался с газетою „Русское слово“. Ее

продают, и наш новый товарищ запутал меня, чтобы непременно взять ее и исправить направление и состав лиц...»[19]

Хотя с Чеховым Сытин был знаком уже около 4 лет, он называл его «новым товарищем», поскольку с Рубакиным Антон Павлович познакомился в период его сотрудничества в «Товариществе». Писатель был в курсе всех перипетий с покупкой газеты. Об этом свидетельствуют адресованные ему письма Сытина. «Ради бога, дайте мудрый совет, что сделать с «Русским словом»... Если не разрешат мне редакторов и издателя в Главном управлении (по делам печати), то это будет очень хорошо. По крайней мере я только и потрачу, что сделал расходы по устройству». Рекомендации писателя остались неизвестны, но в ответном письме от 7 октября Сытин благодарил его за них, а через месяц — 17 ноября 1897 г.— с грустью сообщил своему адресату: «Все, что вы говорили, сбылось верно. Газету мне не разрешили и, вероятно, не разрешат»[20].

Не исключено, что заинтересованность Чехова в газете во многом объяснялась неудачей его собственного начинания подобного рода. По воспоминаниям Ермилова и Суворина, он за год до описываемых событий, осенью 1896 г., проектировал совместно с В. А. Гольцевым издание большой дешевой газеты. «Первое время, месяца три, каждый день буду в ней фельетоны писать. В каждом номере...— говорил Чехов.— Дешевая газета, 4 рубля в год. Такая газета необходима»[21]. Если мемуаристы не ошибаются в датировке этого факта, то можно предположить, что собственную неудачу он хотел компенсировать сытинским начинанием.

Тем более странным выглядит отсутствие его имени в списке авторов «Русского слова». Но, если вспомнить, что газета переходила почти на всем протяжении 90-е гг. от одного редактора с сомнительной репутацией к другому, то этому не следует удивляться. Опыт сотрудничества в «Новом времени» многому научил писателя. Приход в газету Дорошевича и связанные с этим надежды на изменение ее направления открыли пути к сотрудничеству. Во всяком случае, по словам Дорошевича, писатель не отдал «Вишневого сада» в «Русское слово» только потому, что пьеса была уже обещана Горькому для очередного сборника «Знания»[22].

Чехов интересовался судьбой газеты, рекомендовал

Сытину некоторых своих знакомых в качестве сотрудников, был ее постоянным читателем. Мысль Чехова о том, что газета необходима для развития крупного книжного дела как трибуна для пропаганды книги, глубоко запала в сознание Ивана Дмитриевича. Чеховские слова, может быть, не совсем точно им процитированные: «Чтобы знать своего читателя, нужно развивать его»,— он привел в автобиографии [23]. Ими он старался руководствоваться во всей последующей своей деятельности.

Сытин часто встречался с писателем и особенно его окружением, которое близкие Антона Павловича шутя называли — «Авелановой эскадрой» *. (Вместе с ними Чехов подписал известный адрес русских литераторов, приветствовавших Ивана Дмитриевича в день его юбилея — 35-летнего служения книжному делу.) Вчерашний издатель лубочных листков чувствовал себя равным в кругу виднейших представителей либеральной московской интеллигенции, сумевшей по достоинству оценить его незаурядность, масштабность мышления, деловую хватку. Сближение с М. А. Саблиным, В. М. Соболевским, В. М. Лавровым и особенно В. А. Гольцевым ознаменовало для Ивана Дмитриевича начало нового периода жизни, и произошло это, как он сам говорил, когда дело «вошло во вторую стадию своего развития».

Со своей стороны Сытин охотно оказывал Чехову различного рода услуги и чисто личного порядка (например, в качестве комиссионера, снабжавшего на льготных условиях опекаемые писателем библиотеки). Они встречались довольно часто, если учесть, что Антон Павлович в последние годы жизни бывал в Москве лишь наездами. Так, 19 марта 1904 г. Чехов сообщил жене: «Сегодня неожиданно явился ко мне Сытин и священник Петров». А ровно через два месяца писал сестре: «Сегодня у меня был Сытин» (11, 252 и 284). Дорошевич вспоминал, как на второй день после премьеры «Вишневого сада» Чехов сам зашел в редакцию «Русского слова», чтобы вместе с ним и Сытиным пойти позавтракать [24].

По всей вероятности, далеко не все их встречи заре-

---

* Командир русской эскадры, посланной в 1893 г. в г. Тулон по случаю заключения русско-французского союза, адмирал Ф. К. Авелан без всяких на то оснований удостоился бесчисленных чествований во Франции и на родине. Это дало повод приятелям Чехова шутя прозвать его «Авеланом» и усиленно «чествовать» во время приездов из Мелихова в Москву.

гистрированы на страницах летописи жизни писателя, пропали многие его письма к Сытину и вряд ли когда-нибудь удастся полностью восстановить историю их взаимоотношений. Тем не менее можно с уверенностью сказать, что в литературной судьбе Чехова Иван Дмитриевич сыграл определенную роль. Выпущенный им в 1894 г. сборник писателя «Повести и рассказы» по числу помещенных в нем произведений превосходил суворинские издания. Его успех и переиздание в 1898 г. стали убедительным свидетельством интереса широкого читателя к творчеству писателя, предопределили возможность издания собрания его сочинений.

Однако Сытин (за это он казнил себя всю жизнь) не проявил необходимой дальновидности. Вместо выпуска собрания сочинений он заключил летом 1898 г. с Чеховым договор, перекупив на десять лет право выпуска сборника его рассказов, печатавшихся на страницах юмористических журналов. Чем объяснить этот шаг? Отсутствием должного вкуса, непониманием хода литературного процесса, недостаточным знанием нового читателя или ограниченностью свободных средств? Вероятно, всеми этими причинами вкупе. Представить в полном объеме значение Чехова в то время не могли многие и более опытные в литературных делах люди.

Не использовал Сытин и своего права выпустить отдельным изданием два входящих в сборник рассказа (в 1898 г. был издан лишь один из них — «Бабье царство»). Рассказы «Нахлебник» и «Горе» были включены в небольшие сборники (1894 и 1895 гг.). Кроме того, в одном из сборников начавшей выходить в 1897 г. «Новой серии изданий» было помещено несколько рассказов Чехова, которые были «обработаны» редактором Вахтеровым, что вызвало недовольство автора. Сохранилось письмо Вахтерова писателю, в котором он выражал готовность «дать всякое удовлетворение» и просил помочь загладить «промах»[25]. Не исполнил Сытин своего намерения выпустить несколько рассказов Чехова в виде так называемых «листовок», о чем объявлялось в 1897 г. в каталоге «Отдела народно-школьных библиотек».

«Это был единственный человек, который дал мне огромнейшую ласку и любовь»,— вспоминая Чехова, говорил Сытин. «Отношение к Чехову у меня всегда было особенное. Все, что он мне предлагал, советовал и говорил, для меня было священно. Его советы сыграли в

моей жизни большую роль»,— признавался он впоследствии [26]. Недаром в кабинете Ивана Дмитриевича висел портрет писателя как свидетельство их дружбы, как память о человеке, во многом определившим судьбу владельца самой распространенной газеты в России.

Л. Н. Толстой

Воспоминания Сытина о Толстом предельно кратки, еще глуше упоминания в письмах. Тем не менее можно с уверенностью сказать, что с первых шагов сотрудничества Ивана Дмитриевича с «Посредником» писатель никогда не отказывал ему в помощи и совете. «Меня связывала с Львом Николаевичем большая дружба. Для меня это была такая форма, которой я старался подражать»,— говаривал впоследствии Сытин [27]. По его словам, «Л. Н. Толстой принимал самое близкое участие в печатании, редакции и продаже книг, много вносил ценных указаний и поправок. Любил он ходить ко мне в лавку, особенно осенью, когда начинался „слет грачей", как мы называли офеней, которые с первопутком трогались в путь» [28].

К сожалению, большинство писем и записок Толстого к Сытину не сохранилось (в основном публикации сделаны по оставшимся в архиве писателя копиям). Однако в справедливости приведенных слов не приходится сомневаться, свидетельством тому слова самого писателя: «Пожалуйста, напишите Сытину,— поручал он Черткову,— чтобы он ко мне обращался, я могу и хочу служить сколько могу этому делу» (86, 97). О всегдашнем желании Толстого быть полезным «Посреднику» и Сытину свидетельствуют такие близкие писателю люди, как Бирюков и Чертков [29].

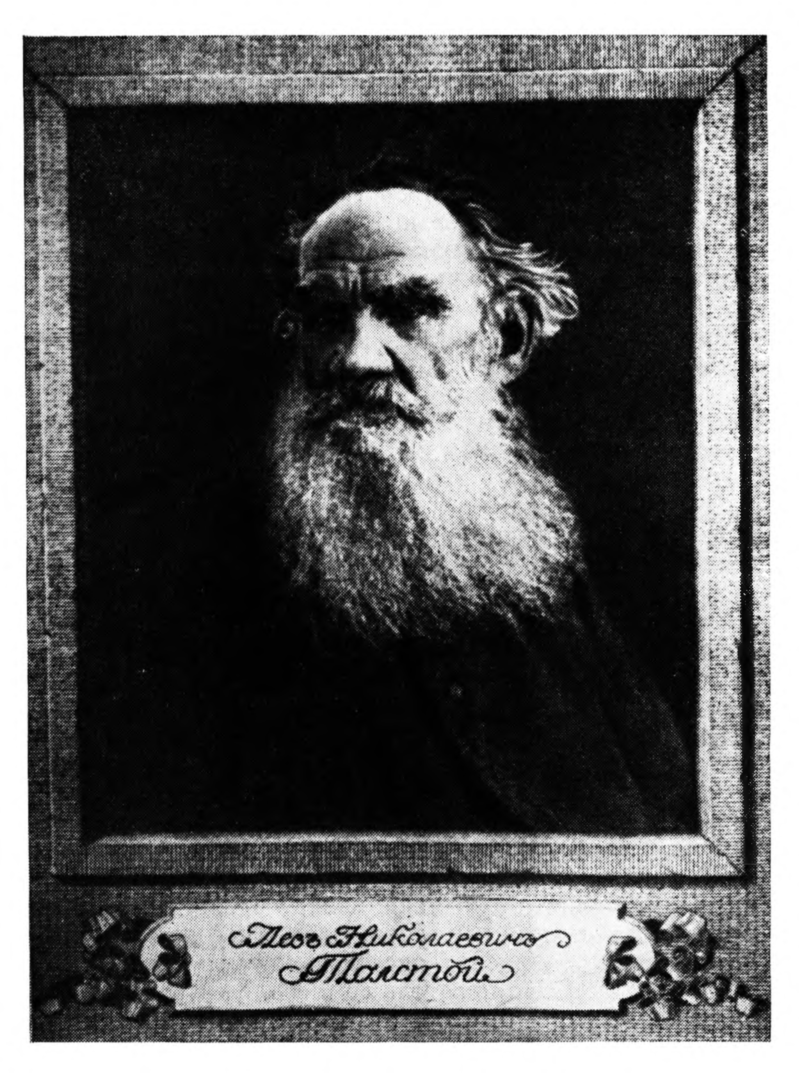
За четверть века Иван Дмитриевич выпустил множество произведений Толстого, но в этом не следует видеть большой заслуги, поскольку на них не распространялось право литературной собственности. Однако в отличие от прочих издателей Сытин напечатал несколько книг, особенно дорогих писателю. Среди них «Календарь с пословицами», над которым Толстой работал с весны 1886 г. Поначалу писатель совместно с И. Л. Озмидовым начал подбирать русские пословицы, подыскивая им аналогичные по смыслу тексты Евангелия, но затем план книги

расширился: Толстой написал статьи о простейших сельскохозяйственных работах на каждый месяц, указал время восхода и захода солнца и т. п. Не исключено, что на изменение замысла Толстого повлиял сытинский «Всеобщий русский календарь», впервые продававшийся на Нижегородской ярмарке 1884 г. Успех этого календаря определился позднее, осенью 1886 г., т. е. в то время, когда писатель изменил свой первоначальный замысел и вместо сборника изречений решил написать «Календарь с пословицами». В свою очередь успех календаря Толстого, разошедшегося в 1887 г. десятитысячным тиражом в один месяц, натолкнул Сытина на мысль начать издание отрывных календарей. По словам самого Ивана Дмитриевича, Лев Николаевич отнесся к его «идее с удивительным вниманием и ободрил... своими прекрасными советами» [30].

О близости Толстого и Сытина в первое десятилетие их знакомства говорят не только упоминания имени последнего в дневнике писателя, свидетельствующие о их частых встречах, но и письма Сытина к Черткову, в которых он делился своими мыслями и впечатлениями, возникавшими после посещения Толстого. По этим замечаниям можно с уверенностью судить, что писатель внимательно прислушивался к доводам своего собеседника [31].

Особенно горячо Толстой откликнулся на попытку Сытина выпускать журнал, рассчитанный на крестьянского читателя. В декабре 1888 г. Иван Дмитриевич перекупил у В. В. Залесского право на издание журнала «Сотрудник» и обратился к Толстому с просьбой помочь ему в реализации этого начинания. «Я составил себе в голове ясную программу этого издания и уже стал готовить материал»,— писал Толстой одному из близких знакомых (64, 221). Но писатель сомневался в успехе дела, не будучи уверен в тождестве целей, которые он и Сытин преследовали. («Сытин — издатель, заинтересованный преимущественно материальной стороной. Нужен бескорыстный труд»). Поэтому Толстой даже обрадовался, когда издание поначалу было отложено и затем переуступлено В. Н. Маракуеву.

Конфликт Сытина с «Посредником» усугубил расхождения, и вполне естественно, что писатель принял сторону Горбунова-Посадова. Он отрицательно отнесся к инициативе Черткова, пытавшегося в 1907 г. в союзе с

Л. Н. Толстой

Сытиным начать в Англии и России выпуск полного собрания его сочинений. Лев Николаевич считал, что Чертков напрасно затевает это издание «с такими дельцами, как Сытин» (89, 63). Но Чертков в письме к Толстому весьма аргументированно защищал свою позицию. По

его словам, этот союз являлся «неизбежным дальнейшим развитием того издательского дела», которому он посвятил свою жизнь. Чертков считал, что критическое положение, в котором оказались руководители «Посредника» в начале века, «было неизбежно с той минуты, как они разошлись с Сытиным... „Посредник“ взялся за совершенно несвойственные ему типографские дела и финансовые обороты, с которыми справиться таким людям было невозможно... Сытинской простой непосредственно-народной клиентуры они лишались. А теперь, с освободительным движением, понемногу лишаются и своих земских заказчиков. Провал всего этого дела неизбежен...» Единственный выход для «Посредника», по его мнению,— «опять сблизиться с Сытиным, предоставив ему всю хозяйственную сторону, как было в самом начале. Сытин — человек торговый: ему и книги в руки. А наше дело только поставлять материал».

Называя Сытина своим «давнишним личным другом», Чертков призывал бывших сподвижников по «Посреднику» не только поладить с Иваном Дмитриевичем, но и «видеть и ценить в нем то человеческое и хорошее, что в нем есть» и за что он его «всегда любил» [32].

Аргументы Черткова были столь убедительны, что Толстой согласился передать Сытину издание самых дорогих для него книг: переработанного «Круга чтения» и «На каждый день».

Мысль о составлении «Круга чтения», т. е. избранного чтения на все дни года, возникла у Льва Николаевича еще в середине 80-х гг., но первые попытки создания такого сборника относятся к январю 1903 г., когда тяжело больной писатель приступил к работе над книгой, которую первоначально назвал «Мысли мудрых людей на каждый день». Вскоре он решил переработать ее в «Круг чтения», который и был издан «Посредником» в 1906 г.

В январе 1908 г. приехавший из-за границы перед своим окончательным возвращением в Россию Чертков договорился с Сытиным о печатании у него второго издания книги, которую Толстой существенным образом переработал. Новая редакция «Круга чтения» состояла из 31 отдела, по числу дней месяца. Одновременно (с осени 1907 г.) писатель начал работать над «Новым кругом чтения», который по завершении в октябре 1910 г. получил окончательное название «На каждый день». Это была третья попытка Толстого составить книгу для еже-

дневного чтения, дающую систематическое изложение его миропонимания. Если в «Круге чтения» содержание ежедневных записей не было связано одно с другим, то в новом сборнике («На каждый день») мировоззрение автора представлялось в стройном и систематическом порядке, для чего была выработана определенная последовательность отделов.

По рекомендации Черткова и эта книга была передана для издания Сытину, а не «Посреднику» или намеревавшейся ее выпустить дочери писателя А. Л. Толстой. Чертков убедил Льва Николаевича, что никто так быстро ее не издаст, как Сытин, а главное, не сумеет донести до того народного читателя, которому она в первую очередь предназначалась.

По идее поквартальные и помесячные выпуски той и другой книги должны были составить в конечном счете годовой свод, который предполагалось пустить в продажу до наступления соответственно 1910 и 1911 гг. Однако Иван Дмитриевич явно затягивал издание. Н. Н. Гусев считал, что Сытин по двум причинам задерживал печатание «Круга чтения»: во-первых, он опасался судебного процесса, во-вторых, будучи церковным старостой одного из кремлевских соборов, не сочувствовал антицерковным взглядам Толстого [33].

Точка зрения Гусева, утвердившаяся в литературе, вызывает законные сомнения. Иван Дмитриевич действительно никогда не разделял религиозных воззрений Толстого, о чем, по его словам, неоднократно говорил окружающим писателя лицам. Но в то же время именно Сытин согласился за два года до описываемых событий издавать полное собрание сочинений Толстого, в которое должны были войти все прошедшие цензуру его произведения. Вряд ли на этот раз он вдруг решил изменить данному слову из-за религиозных соображений.

Процессы против издателей «Кругов чтения» Горбунова-Посадова и заведующего издательством «Ясная Поляна» В. А. Максимова начались лишь в ноябре — декабре 1911 г., и Иван Дмитриевич не мог предполагать столь суровых мер воздействия. Цензурных же преследований Сытин, как всякий издатель, побаивался, хотя его ими нельзя было удивить. Ведь преследованиями отмечены все годы его содружества с «Посредником». Но если в 80-е гг. речь шла о мало кому известном издателе, то по прошествии двух десятков лет он стал главой бога-

тейшей фирмы, с которым считались и власть имущие. Не проще ли принять то объяснение, которое давал сам Сытин?

Еще в августе 1909 г. он писал Черткову: «Первое издание «Круга чтения» все проведено в цензурном отношении и по возвращении (Иван Дмитриевич намеревался выехать в Петербург 10 или 12 августа.— *Е. Д.*) я у вас буду и решим по этому делу не дальше 20 августа... Мне очень досадно, что дело это затянулось: лето, всегда очень плохо работают»[34]. Другими словами, Иван Дмитриевич не придавал этой книге того значения, которое придавал ей автор. «Возьмите у Сытина назад 2-е издание старого «Круга чтения»,— писал Толстой Черткову,— это самая дорогая для меня книга, и ее нет, и как видно, нет и надежды на ее появление» (89, 137). Письмо Ивана Дмитриевича, видимо, успокоило Льва Николаевича, и 18 августа он писал, что его «негодование» на Сытина, «слава богу, прошло» (79, 138). Но время шло, а корректуры все не было. В раздражении, которого не помнили близкие, Толстой высказал свое мнение по этому поводу корреспонденту «Русского слова», провожавшему его на Курском вокзале 3 сентября 1909 г.[35] Слова Толстого тут же были переданы Сытину. «Умоляю вас помочь мне срочно исправить свой обет и обещание перед Львом Николаевичем,— просил Иван Дмитриевич Черткова.— Я срочно напечатаю вместе и автора и «Круги чтения». Ради бога, дайте срочно прочесть Александру Модестовичу (Хирьякову.— *Е. Д.*) и шлите ко мне в Москву... Мне очень нужно, и страшно подумать, что я так огорчил Льва Николаевича этой медлительностью и страхом цензуры. Это заячья трусость меня подвела»[36].

Чистосердечное признание Ивана Дмитриевича растопило ледок недоверия, и уже в январе следующего года Чертков сообщал ему о письме Льва Николаевича по поводу издания нового «Круга чтения» и «На каждый день». По словам Черткова, Толстой соглашался с какими-то (оставшимися нам неизвестными) предложениями издателя, но хотел «сделать некоторые изменения, как он говорит, небольшие в «НКД». А потому начать набирать январский выпуск лучше обождать, как получим от него окончательную верстку»[37].

7(20) ноября 1910 г. Толстой умер. Встала проблема обнародования его неизданных произведений и выпуска посмертного полного собрания сочинений. Для этой цели

был создан специальный комитет, в число членов которого, правда с совещательным голосом, вошел и Иван Дмитриевич.

Еще задолго до знакомства с Сытиным Толстой пожелал сделать свои сочинения всеобщей собственностью. С его разрешения все произведения, написанные им после 1881 г., кроме вещей, не пропущенных цензурой, могли издаваться беспрепятственно. Но в завещательных распоряжениях писатель оговорил, что права на произведения, написанные до этой даты и вошедшие в 20-томное собрание сочинений, выпускавшееся его женой, сохраняются за ней до полной распродажи издания. Практически монополия могла растянуться на долгие годы, так как Софья Андреевна в 1910—1911 гг. выпустила новое издание собрания сочинений при том, что на складе хранились значительные остатки прежнего. Чтобы выполнить волю писателя и одновременно издать его действительно полное (по возможностям того времени) посмертное собрание сочинений, необходимо было прежде всего выкупить эти остатки. С коммерческой стороны ничего, кроме убытков, такое предложение не сулило. Заинтересовать им какую-либо фирму можно было, лишь временно уступив ей авторское право на издание полного собрания сочинений и ряда наиболее значительных произведений Толстого, написанных до 1881 г. («Война и мир», «Анна Каренина» и др.).

В то время лишь две фирмы могли претендовать на эту честь, поскольку обладали достаточными капиталами для приобретения прав и были связаны деловыми узами с покойным писателем: «Товарищество А. Ф. Маркса» и «Товарищество И. Д. Сытина». Учитывая это обстоятельство, осенью 1911 г. Комитет по изданию сочинений Л. Н. Толстого предложил им одновременно приобрести авторские права на полное собрание сочинений писателя. Однако предложение несколько запоздало, и та и другая фирмы предполагали пустить его в виде приложения к своим журналам. «...Нам потребовалось делать новую цену на журнал,— писал Сытин 12 ноября 1911 г.— А это взяло время, две недели, не менее. Такое промедление лишило возможности нынешний год сделать это приложение... Я лично был у «Нивы», тоже запоздалое время помешало, нужно было на месяц раньше...» И та и другая фирма побаивались рисковать значительными суммами, так как книжный рынок был достаточно насы-

щен произведениями покойного писателя, а «наш северный медлительный подписчик,— как говорил Сытин,— очень осторожно и туго думает» [38].

О характере предварительных переговоров Черткова с издателями можно судить по сохранившимся письмам к нему Сытина, написанным в самом конце декабря 1911 г. Уверяя адресата, что «Нива» дает страшно мало, он, в свою очередь, предлагал за приобретение авторских прав на выпуск сочинений Толстого приложением к «Вокруг света» и некоторых книг отдельным изданием выплатить правонаследникам Толстого 200 тыс. р. и выкупить «весь условленный запас книг у Софьи Андреевны», что в целом, по его расчетам, должно было составить сумму в 250 тыс. р.

При более тщательном подсчете нераспроданных изданий оказалось, что их стоимость при 20% скидке с номинала достигает 100 тыс. р.

Деловому характеру переговоров мешали несогласия между дочерью писателя и его вдовой, Софья Андреевна договор о продаже остатков своих изданий хотела заключать сепаратно, не упоминая в нем о последующем праве дочери объявить все сочинения Толстого общенародной собственностью.

Создалось крайне напряженное положение, для разрешения которого 24 января 1912 г. было собрано специальное совещание членов Комитета по изданию произведений Л. Н. Толстого. Присутствовали на нем В. Г. Чертков, Н. К. Муравьев, А. М. Хирьяков, Н. Н. Гусев, И. Д. Сытин и другие.

Совещание предупредило Софью Андреевну, что если она не примет условий дочери, то последняя «будет считать себя свободной от всех обязательств по отношению к изданию Софьи Андреевны и будет действовать совершенно независимо от материальных интересов Софьи Андреевны, считая, что Софья Андреевна сама нарушила завещание Льва Николаевича».

Одновременно совещание обусловило срок действия предполагаемого договора с Сытиным рамками 1912—1913 гг., но высказало готовность продлить его действие до 1 марта 1915 г. с тем, однако, чтобы он «выпустил в условленный срок роскошное, среднее и дешевое издание... и увеличил соответственно размер платы». Если же «Товарищество А. Ф. Маркса» предложит более выгодные условия, то соглашение будет подписано с двумя сто-

ронами. Причем Сытин должен выпустить свое издание в 1912—1913 гг., а приложением к «Ниве» сочинения Л. Н. Толстого выйдут в 1914 г.

После некоторого дополнительного давления Софья Андреевна согласилась подписать договор с Сытиным на предложенных условиях. Но тут выступил конкурент Сытина — «Товарищество А. Ф. Маркса», и в полной мере проявилась капиталистическая сущность как одного, так и другого предприятия. Впрочем, страсти были подогреты самим Чертковым, предложившим «Ниве» выступить с контрпредложением и назвавшим заветную сумму — 300 тыс. р. 28 января 1912 г. «Товарищество А. Ф. Маркса» приняло назначенную Чертковым цену и просило телеграфно подтвердить состоявшееся соглашение.

После длительной конкурентной борьбы победа осталась все же за «Товариществом И. Д. Сытина», включившим в договор еще ряд дополнительных пунктов, которые по щепетильности сторон так и не были обозначены ни в одном из его проектов. О них стало известно по конфеденциальному письму Ивана Дмитриевича Черткову. В нем он сообщал, что правление «Товарищества» согласно дополнительно выплатить 4000 р. редактору представленных для издания текстов и поделиться какой-то частью своего дохода. «Проценты в Вашу пользу,— писал Сытин,— могут выясниться только после окончательной ликвидации издания, после его распродажи, не ранее покрытия всех расходов по изданию. Это зависит более от спроса издания в продаже. Если будет спрос, и барыш будет...»

Требования Черткова были оправданы, так как деньги шли на благое дело. Ведь кроме всего прочего он предполагал 50 тыс. р. ассигновать на издание бесцензурного полного собрания сочинений Толстого за границей (в случае, если удастся снять ответственность с дочери писателя как хранительницы толстовского фонда). Чертков отлично понимал, что предпринимаемое издание так называемого полного собрания сочинений писателя и по цензурным и по коммерческим условиям не может быть действительно полным. В этом он лишний раз убедился, когда в 1913 г. предложил Сытину поместить в «Русском слове» дневник писателя и «Свод мыслей» или же отдельно издать дневники писателя. «Наше издательство не находит возможным никак удорожать бюджет газеты ни в какой цене»,— отвечая на предложение Черткова, писал

Иван Дмитриевич. Указывая на многочисленную толстовскую литературу, выброшенную на книжный рынок, он рекомендовал «подождать с этим отдельным изданием», поскольку «за гроши мало утешения пускать». Несмотря на столь категорическое высказывание, Сытин поместил в своей газете пространный отрывок из дневника (1913, № 87, 14 апреля). Наряду с другими публикациями это дало возможность Черткову выпустить в 1916 г. своим иждивением первый том дневника.

Значение заключенного союза выходит, однако, далеко за пределы частных сделок подобного рода. В предисловии к первому тому посмертного собрания сочинений Л. Н. Толстого Чертков с полным основанием писал, что оно «является как по количеству материала, так и по точности текста наиболее полным и достоверным из всех до сих пор являвшихся собраний сочинений Л. Н. Толстого, если, разумеется, не считать того материала, который по цензурным условиям нельзя в настоящее время печатать в России». Благодаря этому изданию впервые на родине писателя массовый читатель обрел возможность ознакомиться в едином своде со всем наиболее значительным, что было написано Л. Н. Толстым. Нельзя забывать и того, что практически впервые в этом издании были помещены такие произведения Л. Н. Толстого, как «Хаджи-Мурат», «Живой труп», «Отец Сергий», «После бала», «Фальшивый купон», «Дьявол».

Впоследствии, характеризуя договор, Чертков писал, что главной его целью было раскрепощение сочинений Толстого «первого периода» от монополии наследников. Косвенным образом этой комбинацией достигалось еще «издание Сытиным двух „полных собраний“ Толстого (одно дешевое, другое более роскошное), выкуп Яснополянской земли для местных крестьян и образование значительного дальнейшего народно-издательского фонда». Однако «три последние обстоятельства были лишь привходящими»[39].

Получив права на литературное наследство Толстого, Сытин, по его словам, распорядился им таким образом: 10 тыс. комплектов 20-томного полного собрания сочинений было пущено в продажу по подписке за 50 р., 24-томное, тиражом в 100 тыс. экз., продавалось по 10 р., а также выдавалось в виде приложений к газете «Русское слово» и журналу «Вокруг света» (тираж этой части издания остался неизвестен). Кроме того, вышло иллю-

стрированное издание художественных произведений писателя и также несколько отдельных книг. «Конечно, никаких барышей от этого издания наше Товарищество не получило,— подводя итоги, писал Иван Дмитриевич.— Мы свели лишь концы с концами» [40].

Скорее всего, на этот раз память подвела издателя. Простой подсчет суммы расходов по изданию и выплаты отступного наследникам в сопоставлении с общей ценой выпуска и дивидендами, полученными от подписки на газету и журнал, свидетельствует о значительном доходе.

В последний день октября 1913 г. «Товарищество И. Д. Сытина» извещало своих постоянных клиентов, что «в текущем году журнал „Вокруг света", единственный в России, дает своим подписчикам бесплатно, в виде приложений, полное собрание сочинений Л. Н. Толстого. Результаты подписки превзошли все наши ожидания: наплыв подписчиков колоссальный, тираж журнала увеличился более чем в три раза, и теперь журнал „Вокруг света" является самым распространенным в России». Предлагая заинтересованным лицам использовать страницы журнала для рекламы, «Товарищество» заявляло, что помещенное в нем объявление «принесет больше результатов, чем во всех русских журналах вместе взятых» [41].

Не следует забывать и о разовом тираже «Русского слова», составившем в 1914 г. 262 тыс. экз. (кстати, выросшем на следующий год более чем в два раза!).

Нет! Сытин явно не прогадал и бесспорно не остался в накладе. Выиграл и читатель, получив за сравнительно небольшую плату (в два с половиной раза меньше обычной) собрание сочинений великого писателя.

Л. Н. Андреев

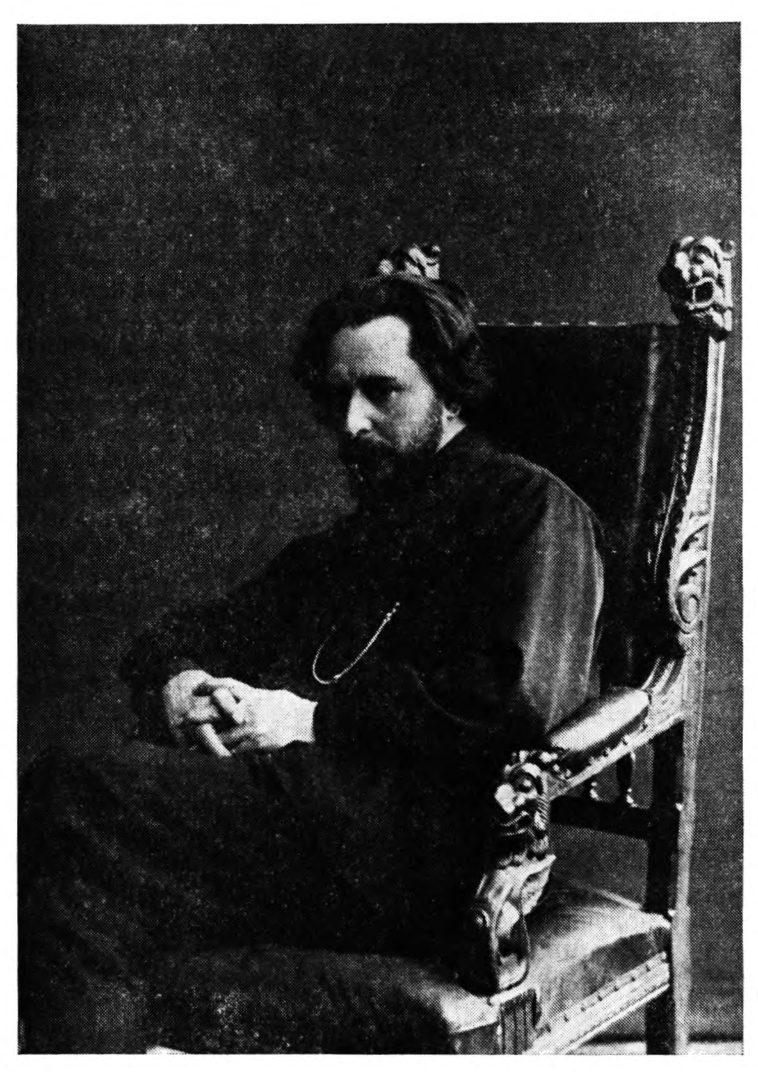
За два десятка лет феерического пути в литературе Леонид Андреев сотрудничал во многих изданиях различного политического и эстетического направления. Но первую свою книжку он отнес Сытину. Увы! По достоинству оценить талант начинающего писателя издатель не смог. Вот что рассказывает об этом эпизоде близкий к тому и другому человек — Н. Д. Телешов: «В конце зимы (1900 г.— *Е. Д.*), когда у Андреева набралось уже несколько рассказов, ему захотелось из-

дать их отдельной книжкой. Но это было очень нелегко. Как автора его знали только свои люди, до большой публики и даже издательского уха его имя еще не долетало. Наконец, ухитрились познакомить его с одним очень крупным издателем (Сытиным), уговорили того взять эту небольшую книжку. Из уважения к рекомендующим издатель взял, даже не читая: в большом корабле всегда найдется место для такого груза. Издатель выдал Андрееву гонорар — помнится, рублей пятьсот за всю книгу — и положил ее в запас, вернее — в безнадежный архив» [42].

Видимо, запамятовав, Телешов, несколько преувеличил сумму гонорара (а может быть, сделал это сознательно, уж очень она была мала). При условии издания книги тиражом в 3 тыс. экз. Андреев получил всего 350 р. [43] Узнав о создавшейся ситуации, Горький немедленно выслал автору 500 р., на которые тот выкупил рукопись у Сытина и передал в издательство «Знание», выпустившее ее в том же 1901 г. «Большие надежды возлагал на эту книгу Леонид Николаевич,— заключал Телешов.— Но того, что случилось, он не ожидал». Маленькая книжка, состоящая всего из девяти рассказов и стоившая 80 к., принесла автору всероссийскую известность и 6000 р. за первое издание. Просчет Сытина был очевиден.

Слава Андреева росла подобно снежному кому. Желая исправить свою оплошность, Иван Дмитриевич осенью 1909 г. начал с ним переговоры о сотрудничестве в «Русском слове» и приобретении прав на издание собрания сочинений [44]. «За все напечатанное до сих пор (не знаю точно, сколько получится томов, девять или десять), я хочу получить ровно сто тысяч, ни на копейку меньше,— писал Андреев.— Выкуп книг у «Знания» (тысяч пятнадцать), а равно возмещение убытков «Шиповнику» (тысяч восемь, десять) фирма целиком берет на себя... В случае отказа со стороны «Знания» отдать книги по их стоимости, я перевожу дело в суд, но весь процесс денежной и деловой своей стороною ложится на фирму. И наконец, вопрос о продаже должен быть решен и деньги мне выплачены (сроки выплаты мы установили) теперь же, до окончания процесса со «Знанием», если таковой будет».

Что касается будущих своих произведений, то Андреев соглашался передать их в собственность фирмы по

Л. Н. Андреев

1500 р. за авторский лист (в те годы он составлял 35 тыс. знаков). Причем право первой публикации оставлял за собой. Желая поторопить Сытина с решением вопроса, он, как бы невзначай, писал о своих переговорах с издательством «Просвещение» [45].

Две причины, по-видимому, помешали этому соглашению: первые попытки Сытина наладить добрые взаимоотношения с Горьким и, следовательно, необходимость соблюдать интересы «Знания», и чрезвычайно жесткие условия писателя. Судить об этом можно по тому, что одновременно с Андреевым Сытин вел аналогичные переговоры с Куприным, которому его представитель предлагал от имени фирмы всего 50 тыс. р. [46]

На время переговоры с Андреевым были прекращены и возобновились лишь в начале 1911 г. «Я очень рад нашему соглашению и думаю, что оно будет началом добрых отношений — уже без всяких случайностей и отклонений в сторону»,— замечал писатель, посылая осенью того же года свой рассказ в «Русское слово».

Договор был заключен на один год. Андреев обязывался не сотрудничать ни в каких других газетах и при полистной оплате в 1000 р. дать в «Русское слово» шесть рассказов объемом в пять-шесть листов [47]. В течение 1911—1912 гг. в газете были напечатаны рассказы «Покой» (1911, № 122, 29 мая), «Ипатов» (1911, № 266, 2 окт.), «Правила добра» (1912, № 1—3, 1, 2, 4 янв.). По существующему соглашению Сытин обязывался печатать весь беллетристический материал, переданный писателем, но когда тот для очередной публикации предложил свою пьесу «Прекрасные сабинянки», возникла конфликтная ситуация.

«Соглашаясь на печатание „Сабинянок“, я полагал, что Вы пришлете пьесу раньше, чем она будет поставлена на сцене»,— мотивируя свой отказ, писал Благов. Положение осложнялось не столько тем, что пьеса долгое время шла в Петербурге и была «хорошо знакома публике и со сцены и по изложению ее в газетах», сколько неловкостью создавшейся ситуации. Публикация ее на страницах «Русского слова» во время гастролей поставившего ее театра «Кривое зеркало» не могла быть воспринята иначе, как своеобразная реклама. Такого толкования своих действий редакция не хотела допускать, и Благов весьма вежливо отказал Андрееву, попросив его прислать «вместо „Сабинянок“ другую вещь» [48].

Доводы редактора «Русского слова» не убедили автора. Резонно заявив, что его пьеса, благожелательно принятая критикой, не нуждается в какой-либо рекламе, он явно упускал из виду, что в письме Благова речь шла не о пьесе, а о театре, руководитель которого, А. Р. Ку-

гель, был родным братом И. Р. Кугеля — намечавшегося в редакторы «Русского слова» и ставшего чуть позднее редактором другой сытинской газеты, «День». Предъявив Благову ряд весьма серьезных обвинений, Андреев грозил передать дело на рассмотрение третейского суда и направить во все газеты письмо о разрыве с «Русским словом» [49].

Назревал скандал. Инициатор «второго раунда» переговоров с Андреевым, завершившихся кратковременным союзом, Руманов умолял писателя «не публиковать в газетах о своем уходе» до своего объяснения с ним [50].

Какое-то письмо направил ему и Сытин, но и оно не удовлетворило Андреева. «Ваше же письмо, само по себе весьма любезное и доброжелательное, не дает никакой оценки поступку Благова и оставляет вопрос о нарушении Благовым договора, так и о моем выходе из газеты — открытым»,— отвечая ему, замечал писатель [51].

Третейский суд не состоялся, и дело постепенно удалось уладить. В начале декабря 1912 г. Сытин просил Руманова сообщить о ходе переговоров с писателем: «Надо его непременно привлечь...— напоминал он адресату.— Андрееву, например, если он даст все через газету, а потом отдаст отдельно (т. е. для отдельного издания.— *Е. Д.*), платить тысячи 24... или даже 30. Другим поменьше и меньше» [52].

Этот конфликт не помешал писателю впоследствии объективно оценить сытинское издательство как дело «величайшей важности и значения» [53].

И. А. Бунин

Более спокойно, хотя поначалу и безрезультатно, развивались взаимоотношения с И. А. Буниным, писателем, которого Иван Дмитриевич очень высоко ценил.

Бунинский перевод «Песни о Гайавате» Г. Лонгфелло, ныне вошедший во все анологии как классический образец переводческого искусства, далеко не сразу нашел своего издателя. Первые попытки Бунина его опубликовать потерпели неудачу. Одновременно ему отказали в этом и солидный толстый журнал, гордящийся своим «направлением», и издатель «народной литературы». Журнал «„Русская мысль“ потому, что не издает

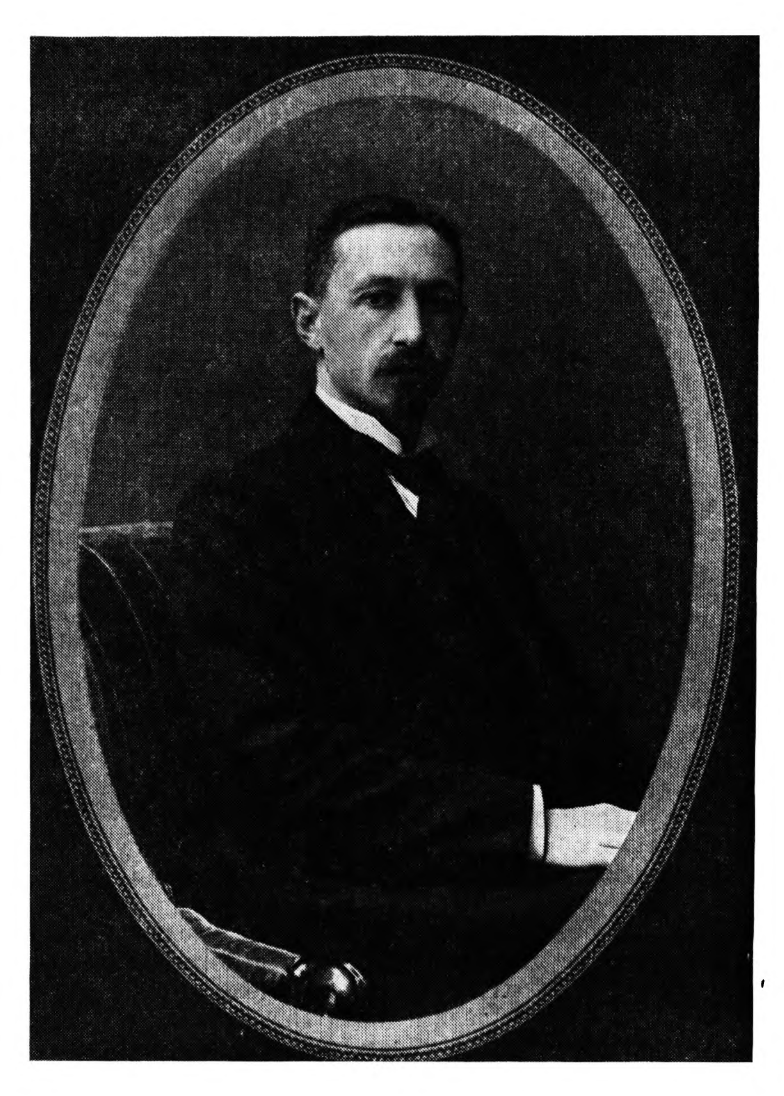
таких произведений,— сообщал писатель одному из своих друзей,— а Сытин понятия не имеет об этом. Да и что общего между Сытиным и „Гайаватой"!» — не без резона замечал он в конце письма[54]. Столь же неудачной оказалась попытка Бунина выпустить сборник своих стихотворных произведений на весьма выгодных для любого издателя условиях: полученный доход поделить пополам. Ответ Сытина оказался весьма неутешительным. «Никаких книжек, тем более никаких стихов»[55].

Однако время шло; в начале века имя Бунина приобрело широкую известность. Вознамерившись «освежить» свою фирму, Сытин, по словам писателя, предложил ему в 1909 г. стать редактором и фактическим руководителем проектируемого издательства массовых дешевых журналов и книг, которые предполагалось распространять в основном через сеть железнодорожных киосков. Задуманное начинание не было осуществлено. Независимо от хода дела Бунин отказался от несвойственной ему роли, боясь, по его словам, «погибнуть, завязнуть в делах»[56].

Сблизило писателя с издателем другое, на этот раз бунинское, начинание — редактируемый им небольшой журнал «Северное сияние». Издавался он на деньги графини В. Н. Бобринской. Сотрудничали в нем Андреев, Куприн, Серафимович, Телешов и другие писатели — «знаньевцы», но успеха он не имел. Высокая покровительница соглашалась финансировать расходы до определенного срока, а затем журнал должен был перейти на полную самоокупаемость или прекратить существование. Таким образом, лето 1909 г. решало его судьбу.

Печатался журнал в сытинской типографии. Желая поддержать его редактора, Иван Дмитриевич согласился взять на себя половину типографских расходов, правда, не закрепив это условие никакими договорными отношениями. С одной стороны, ему очень хотелось приблизить к своим делам писателя, ставшего через несколько месяцев академиком, с другой — использовать не менее заманчивую перспективу — с помощью журнала наладить выпуск массовых изданий произведений современных писателей.

Секретарь редакции журнала Лев Исаевич Гальберштадт, впоследствии сотрудник Сытина, познакомил его с практикой ряда немецких фирм, значительно удешевляющих свои литературно-художественные издания предварительной публикацией приобретенных произведе-

И. А. Бунин

ний на страницах выпускаемых ими массовых журналов. Издатели заинтересовывали авторов высокими гонорарами, которые раскладывались затем на оба издания (фирмы оговаривали это условие при приобретении ру-

кописей). Таким образом, удавалось, практически не увеличивая расходов, привлечь наиболее известных писателей и за сравнительно скромную плату (значительно более низкую, чем у конкурентов) выпускать хорошо иллюстрированные издания.

Предложение Гальберштадта, высказанное от имени редакции «Северного сияния» наряду с некоторыми другими соображениями, заинтересовало Сытина. Внимательно выслушав секретаря злополучного журнала, он сказал: „Боевая мысль“ — «...и просил меня,— писал Гальберштадт Бунину,— подготовить к началу июля подробный баланс, отчет и план действий. „Тогда поговорим и что-нибудь сделаем“» [57].

Несмотря на всю заманчивость, проект встретил резкую оппозицию со стороны Правления. Некоторые из его членов опасались неминуемых дотаций, другие считали, что такой малотиражный журнал, как «Северное сияние», мог бы заставить кое-кого усомниться в коммерческой состоятельности фирмы.

Если бы дело с задуманным Сытиным предприятием по выпуску массовых изданий для путешествующих читателей развивалось успешно, он, несомненно, пренебрег бы мнением своих компаньонов, так как видел гораздо дальше, чем они. Но тут-то как раз и встретились непреодолимые трудности. Его трехлетний контракт с большинством железных дорог кончался в 1910 г. Иван Дмитриевич хотел его возобновить на десятилетний срок, так как лишь при этом условии получал гарантию успешного ведения задуманного им издательства с необходимой широтой и планомерностью. Но такой длительный срок договора не устраивал хозяев железных дорог, так как они рассчитывали в дальнейшем затребовать более выгодные для них условия.

При полной неопределенности положения Сытин не рискнул пойти наперекор Правлению и поддержать журнал, который прекратил существование в том же году. Что же касается его бывшего редактора, то он стал одним из самых активных авторов «Русского слова» и опубликовал в газете множество стихотворений и прозаических произведений. Первое из них — очерк «Пустыня дьявола» был напечатан в «Русском слове» 25 декабря 1909 г.

На протяжении ряда лет этот союз оставался ничем не омраченным. Любопытно отметить, что три месяца

спустя после конфликта с Л. Андреевым Благов направил аналогичное письмо Бунину. Речь шла о рассказе «Игнат», вернее содержащейся в нем некоторой «рискованности положений и описаний». «Газете, имеющей аудиторию из лиц разных возрастов и различной степени развития, поневоле приходится ограничивать себя известными рамками, от которых зачастую свободны журналы, располагающие более устойчивым кругом читателей»,— писал ему Благов, выражая надежду, что писатель воспримет этот отказ как «дружескую просьбу посчитаться со своеобразными условиями газеты» [58].

В отличие от Андреева Бунин согласился с приведенными доводами. Не выдвигал он и непомерных материальных претензий. Долгое время он получал 3 р. за стихотворную строку и 50 к. за строчку прозы. С течением времени гонорарные ставки многим авторам были повышены, а ему все еще платили из прежних расчетов (возможно, еще и потому, что Бунину вечно приходилось погашать задолженность по прежним авансам). И лишь в начале 1913 г., посылая очередной рассказ для публикации в «Русском слове», он решился просить Благова повысить гонорар: «Подумайте же, не следует ли мне прибавить немного? Обидно мало — полтинник. Вы другим собратьям моим куда больше платите, да еще анонсируете их, а ведь не бог весть как сильнее они меня, и дают Вам, что поплоше, что в журналы не идет. Чего я, слава богу, никогда не делал. Но не настаиваю, не настаиваю» [59].

Просьба писателя была удовлетворена. Его имя еще долго украшало газету. Однако ни одной книги у Сытина он так и не выпустил, хотя много и, видимо, охотно издавался в разных фирмах, не считая «Знания» и «Издательства писателей в Москве», одним из учредителей которого был.

А. А. Блок

Приход Александра Блока в «Русское слово» не был столь неожиданен, как это может показаться на первый взгляд. Скептическое отношение к газете не исключало для Блока, профессионального литератора, в ней участия. И до и после «Русского слова» он печатался во многих газетах и журналах, ни в коей мере не связывая с ними своей судьбы.

Приглашения сотрудничества исходили одновременно от Мережковского, который рассчитывал с помощью Блока создать в газете отдел небольших статей (100—200 строк) под редакцией Зинаиды Гиппиус, и от заведующего Петербургским отделением Руманова[60]. Каждый из них при этом руководствовался своекорыстными соображениями, и тот и другой хотели привязать Блока к газете и с его помощью в какой-то мере изменить ее направление. «В это лето (1912 г.— *Е. Д.*) Саша часто виделся с представителем „Русского слова“ Румановым,— писала тетка поэта М. А. Бекетова.— Руманову хотелось сделать из Блока гражданского публициста. На эту мысль навели его статьи и заметки Блока. Они часто встречались... Из грандиозных замыслов Руманова, как известно, не вышло того, чего он желал, но Саша относился к нему с симпатией». В сущности, ту же мысль высказывал поэт Вл. Пяст, связанный с Блоком в начале 10-х гг. дружескими отношениями. По его словам, ему не раз приходилось беседовать с ним о «Русском слове» и о Руманове, которого тот находил «каким-то таинственно-замечательным человеком». «Влияние газеты и Руманова в ней,— замечает мемуарист,— было огромным...»[61] Тираж «Русского слова», достигавший уже в те годы 224 тыс. экз., поразил поэта. «Считая 10 человек на № (это minimum),— около 2 500 000 читателей»,— отмечал он в своем дневнике. И видимо, со слов того же Руманова, не преминул при этом заметить, что «газета *не нуждается* ни в ком (из „имен“), держится чудом (мое) — чутьем Ивана Дмитриевича Сытина, пишущего деньги через ѣ, близкого с Сувориным (самим стариком), не стесняющегося в средствах (Дорошевичу, уходящему теперь, предлагалось 48 000 в год и пожизненная пенсия 24 000)».

Конспективно излагая далее суть разговора с Румановым, Блок основную цель газеты видел в стремлении отразить «жизнь русского духа», но при этом подчеркивал, что ей свойственна «внутренняя противоречивость и известная косность, благополучие» (7, 114—115).

Насколько его заинтересовала проблема, можно судить по записи, сделанной на следующий день, в самый канун нового, 1912 г. Он писал: «Дополнения о „Русском слове“ (по словам Руманова). „Русское слово“ полагает, что Россия — *национальное* и *государственное* целое, которое можно держать *другими* средствами, кроме ново-

временских и правительственных. Есть нота мира и кротости, которая способна иногда застывать в благополучной обывательщине» (7, 115).

Звучащая в последних строчках откровенная ирония не оставляет сомнений в истинном характере оценки газеты. Несколько позднее он прямо писал, что «Русское слово» наряду с кадетской «Речью» является «консервативным органом, который, может быть, превратится в прогрессивный орган, если приобретет определенную физиономию, чью вопрос?» (7, 130). Впрочем, и на этот счет вряд ли у него имелись иллюзии, ведь даже наиболее широкий во взглядах сотрудник газеты, Руманов, по его же собственным словам, относился «отрицательно к социалистам всех оттенков» (7, 115).

Руманов, раскрывший поэту «тайны» газеты, вероятно, не умолчал, что рассчитывает на помощь Блока. Во всяком случае, так позволяет судить запись от 17 апреля 1912 г.: «Вечером — Руманов и живой с ним разговор о его делах, человеческих сначала, а потом о газете (будущей), на которую он возлагает особые надежды» (7, 140). Комментаторы цитируемого собрания сочинений Блока пишут, что ничего из этого намерения не получилось и никакой газеты в Петербурге Сытин не издавал (7, 485). На самом деле основанная Сытиным газета «День» стала выходить в Петербурге с октября 1912 г., и на ее страницах поэт поместил целый ряд произведений. Другое дело, что начинание это не имело того эффекта, на который рассчитывали его инициаторы, если не считать возросшей роли Руманова в делах «Товарищества».

По всей видимости, сотрудничество Блока в газете «День» и отдалило его участие в «Русском слове». Возможно, некоторую роль сыграли и привходящие обстоятельства. В частности, откровенно торгашеское отношение хозяев «Русского слова» к своим сотрудникам. С болью, даже ожесточением, поэт писал в дневнике: «Устраиваю (стараюсь...) дела А. М. Ремизова, которому нужны эти несчастные 600 рублей на *лечение* и *отдых,* притом заработанные, начинаю злиться.

Руманов — я уже записываю это — систематически надувает и Женю (Е. П. Иванова.— *Е. Д.*), и Пяста, и теперь — Ремизова. Когда доходит до денег, он, кажется, нестерпим. Или он ничего не может, а только хвастается? Купчина Сытин, отваливающий 50 000 в год бездарному мерзавцу Дорошевичу, систематически задерживает сот-

А. А. Блок

ни, а то и десятки рублей подлинным людям, которые работают и которым нужно жить — просто. Такова картина. Или Руманов врет все и действительно только на службе у купца, а повлиять на дурака и жилу не может?

Пишу Руманову, упрашиваю его» (7, 148).

Возникшее недоразумение, а возможно, и скрытое противодействие московской редакции, весьма насторо-

женно относившейся к «нашествию» петербуржцев, было преодолено, по всей вероятности, все же с помощью Руманова, ставшего «своим человеком» в доме Блока. Известно, что он помогал жене поэта в публикации наследия ее великого отца. К нему она не раз обращалась и за другими мелкими услугами [62]. Все это, правда, не мешало Блоку видеть и слабые стороны бывшего присяжного поверенного: его самомнение, позирование, саморекламу, витиеватость речи, иронически воспроизведенную в письме поэта к одному из своих друзей [63].

Впрочем, поэт оказался связанным договорными отношениями с «Товариществом И. Д. Сытина» еще до начала сотрудничества в газетах «День» и «Русское слово». Видимо, в мае 1912 г. он принял предложение сына Сытина, Василия Ивановича, ведавшего детским отделом фирмы, составить для юных читателей два небольших сборника своих стихов. К отбору произведений и оформлению книжек Блок отнесся со свойственной ему ответственностью. Согласившись с просьбой издательства «дать детям более доступный материал», он не только исключил из рукописи ряд стихотворений, но и внес в одно из них рекомендованное сокращение (в стихотворении «Старушка и чертенята» были отсечены две последние строфы). Правда, в свою очередь он выставил несколько условий, попросив Сытина прислать ему для согласования: «1) Несколько образцов шрифтов, рисунки и обложку — попроще, 2) корректуру — сверстанную, 3) поместить список книг» [64].

Весьма примечательно, что в требованиях к оформлению книг для юного и взрослого читателя Блок не делал никаких исключений. Чуждый всякой вычурности и украшательства, он желал, в сущности, только одного: скромности.

Интерес Блока к детской литературе не был случаен. Ранее поэт принимал близкое участие в судьбе детского журнала «Тропинка», издававшегося с 1905 г. Н. И. Манасеиной и П. С. Соловьевой (Аллегро). В этом журнале сотрудничал он сам, его мать и тетка. Блок частенько «наставлял» старшую его по летам издательницу, что видно из его дневников. Впоследствии журнал перекупил Сытин, у которого, кстати, до последних дней существования фирмы, уже в советское время, продолжала печататься тетка поэта, известная детская писательница М. А. Бекетова.

Два небольших сборника стихов Блока, о которых идет речь, «Круглый год» и «Сказки», были оформлены художником Г. Алексеевым безвкусно, и если не аляповато, как большинство детских книг, издаваемых «Товариществом И. Д. Сытина», то явно без всяких попыток проникновения в поэтическую ткань произведения. Серая, ничего не говорящая обложка и столь же беспомощные рисунки. Автору было отчего прийти в уныние. Тем не менее он напечатался еще в рождественском альманахе «Огоньки», вышедшем чуть позже книжек — 25 декабря 1912 г., но от предложения В. И. Сытина дать стихи для весеннего детского альманаха «Вербочки» (7, 209), видимо, отказался.

Книжки Блока были изданы за необычно короткий срок (менее полугода), а расчет произведен с предельной аккуратностью. Все это смягчило ледок предубеждения, испытываемый поэтом к фирме. Однако прошел почти год, прежде чем Руманов решился попросить Сытина официально пригласить поэта сотрудничать в «Русском слове». Зная, что Блок обычно не задерживал ответ, можно предположить, что такое приглашение последовало где-то в начале декабря 1913 г. Принимая его, поэт отправил редактору «Русского слова» Благову весьма характерный для него ответ:

10 декабря 1913.
Спб. Офицерская, 57, кв. 21.

Многоуважаемый Федор Иванович,

Спасибо Вам за Ваши предложения, я надеюсь прислать Вам стихотворение к 16 декабря. Оно еще не дописано. В нем будет строк 40—50. Обычно всякий мой гонорар — 1 рубль за строчку [65].

С искренним уважением
Александр Блок.

И вслед за этим, через два дня, послал само стихотворение, сопроводив его краткой запиской:

12 декабря 1913 г.

Многоуважаемый Федор Иванович,

Вот стихотворение для рождественского номера «Русского слова». Извиняюсь: вышло 60 строк.

С искренним уважением
Александр Блок.

Спб. Офицерская, 57, кв. 21. [66]

Речь шла о стихотворении «Россия» («Новая Америка»), открывшем 25 декабря 1913 г. ряд публикаций Блока на страницах «Русского слова». И хотя Руманов долго уверял поэта в особой значимости его сотрудничества в газете, Блок в ответе Благову, наоборот, подчеркивал обыденность этого события. Будучи осведомлен о размере ставок Бунина и Мережковского (3 р. за строку), он, имевший полное право рассчитывать на равную с ними оплату, обусловливал сотрудничество обычным для него гонораром — «1 рубль за строчку», не желая тем самым связывать себя какими-либо обязательствами.

Блок печатался в «Русском слове» не часто, но на протяжении нескольких лет (с 1913 по 1916 г.). В сущности, все его стихи, опубликованные в газете, посвящены двум основным, неразрывно связанным в его жизни темам: «поэт и народ» (так был назван при публикации в газете пролог к поэме «Возмездие») и «Родина».

Уже в первом из публикуемых стихотворений Блок писал о постоянном внутреннем движении, которое он провидел за внешней неподвижностью и косностью жизни страны. Это стихи о будущем России, которой суждено стать «новой, а не старой Америкой» (3, 298). Мысли о судьбах Родины развиваются и в последующих публикациях: «Грешить бесстыдно, непробудно», «Петроградское небо мутилось дождем», «Дикий ветер», «Коршун». Все эти стихи вошли впоследствии в центральный цикл составленного самим поэтом 3-го тома собрания стихотворений. В понимании Блока, именно они больше всего соответствовали газете со столь обязывающим названием. Естественно, не той газете, которой были свойственны «внутренняя противоречивость и известная косность, благополучие», а той, какой она мыслилась поэту. Перед его глазами всегда стояла более, чем двухмиллионная аудитория читателей, и к ним были обращены строки стихов, обнажающих трагизм современного российского бытия. «Толстокожее» мещанство («Грешить бесстыдно, беспробудно»), «Дикий ветер», «сотрясающий... дом» поэта, обреченность отправляемых на «галицийские кровавые поля» и, наконец, символический коршун, кружащий над русской землей, «заплаканной и древней», продиктовали поэту финальные строки стихотворения: «Доколе матери тужить, доколе коршуну кружить», вызванные «страстью и ненавистью к отчизне», т. е. тем активным, действенным отношением к Родине, ко-

торое Блок считал единственно приемлемым — «неподдельным и настоящим» (6, 484).

В марте 1915 г. он опубликовал в «Русском слове» четыре стихотворения, вошедшие впоследствии в цикл «Ямбы». Размышления о пути поэта, навсегда покинувшего «красивые уюты», переплетаются с раздумьями о путях родной страны. Блок как бы присягает верности ее трагической судьбе и вновь вспоминает «бурю» 1905 г. («Так. Буря этих лет прошла»). Его цель — «тихими стихами» «громко обличать» «страшный мир» окружающей действительности. Он гордо хранит «неразделенную любовь» к людям, веру в будущее, повсюду слыша «пение» подземных струй, которые вскоре выльются на землю грозой революции.

Та же основная для Блока тема неразрывности судьбы поэта и Родины звучит в поэме «Соловьиный сад» (Русское слово, 1915, 25 декабря) и в отрывках из поэмы «Возмездие» (Русское слово, 1914, 7 апреля и 25 декабря) *. Идея неизбежности выхода из «Соловьиного сада» к повседневной жизни и неизбежности «неслыханных перемен», «неслыханных мятежей» — основной мотив этих чрезвычайно важных для творчества поэта произведений.

Воспринимая газету как общественную трибуну, Блок большинство своих стихотворений публиковал небольшими циклами. Весьма характерен состав подборки «Родные картинки», помещенной в «Русском слове» 10 апреля 1916 г. В нее вошли четыре стихотворения: «Дождик» («На улице дождик и слякоть»), «Ветер» («Дикий ветер...»), «Коршун» и «Песня» («Лениво и тяжко плывут облака...»). В собрании стихотворений они вошли в разные циклы: первое — в цикл «Разные стихотворения», второе и третье — в цикл «Родина», четвертое — в цикл «Ante Lucem». Соединенные вместе, они воссоздают картину внутреннего движения поэтической мысли: примиренность и безнадежность, звучащая в стихотворении «На улице дождик и слякоть», взрывается трагическими строками «Дикого ветра» и особенно «Коршуна». Так в каждой из публикаций достигалась не только тематическая завершенность, но цельность и определенность поставленной задачи.

---

* В поэму «Возмездие» первоначально входили и четыре стихотворения цикла «Ямбы», помещенные в «Русском слове».

Публикации «Русского слова» в немалой степени содействовали популярности имени Блока, они сделали его известным всей читающей России.

Вас. И. Немирович-Данченко

Успех «Русского слова» во многом связан с именем Василия Ивановича Немировича-Данченко, хотя его нельзя ставить в один ряд с перечисленными выше писателями.

В рекламе, извещавшей о подписке на 1905 г., назывались четыре имени основных или, как тогда писалось, «постоянных сотрудников» «Русского слова»: В. М. Дорошевича, П. Д. Боборыкина, Вас. И. Немировича-Данченко и Г. С. Петрова. Среди названных П. Д. Боборыкин присутствовал явно для «антуража», как представитель сошедшей к этому времени с арены славной когорты романистов прошлого века. Его многочисленные романы не волновали современников, они скорее служили своеобразным свидетельством литературной респектабельности издания. «Гвоздем программы» наряду с Дорошевичем, Петровым, а может быть в большей степени, чем они, был Немирович-Данченко. «Было бы излишне говорить,— сообщалось в анонсе,— о том значении, которое имеют в настоящую войну телеграммы и корреспонденции нашего глубокоуважаемого писателя. Всегда впереди, всегда под огнем, всегда на позициях. Вас. И. Немирович-Данченко является правдивым и беспристрастным летописцем войны не только для русского общества, но и для иностранной печати» [67].

Русско-японская война сыграла для Сытина роль «случая», вызвав всеобщий интерес к газете, наиболее ярко освещавшей трагедию, развернувшуюся на восточной окраине империи.

Первая дальневосточная корреспонденция, написанная С. Мамонтовым, появилась в рождественском номере 1903 г., почти накануне войны. Но особый интерес широкого читателя вызвали сообщения Немировича-Данченко с театра военных действий. Только за первый год войны он опубликовал на страницах газеты 350 корреспонденций, не считая телеграмм. Повторилась ситуация, сложившаяся во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг., с той разницей, что на этот раз живописания

Немировича-Данченко обогащали не владельца «Нового времени», где тогда печатались его корреспонденции, а «Товарищество И. Д. Сытина».

«Успех Ваш во всей России необычайный. Вся Россия читает и перечитывает Вас. Редакция благодарит бесконечно. И. Д. Сытин предлагает, если найдете желательным отдохнуть, уехать куда угодно на месяц, не считая дороги в оба конца. Содержание (5000 р. ежемесячно) тем не менее сохраняется за Вами, как если бы Вы и были на войне»,— с искренней радостью сообщал своему другу Г. С. Петров [68].

Война кончилась поражением русской армии. Никто больше не интересовался сообщениями о подвигах «серых» героев. Революция выдвинула на передний план иные события и иных публицистов. «Знайте одно, что „Русское слово“ считает Вас своим украшением и гордостью»,— писал ему тот же Петров двумя годами позднее [69]. Но сказано это было в утешение человеку, чья слава уже была прочно забыта.

Искренние намерения Петрова мало волновали сытинскую администрацию. Большинство ее, по словам самого писателя, смотрело на него как на средство извлечения дополнительной прибыли. Перечисляя Сытину свои обиды, он, между прочим, приводит такой любопытный штрих. Отправляя его на фронт, «Товарищество», экономя средства, предоставило ему старый, неисправный автомобиль «форд», который постоянно барахлил на передовой, из-за чего писатель «не раз рисковал своей шеей», в то время как корреспонденты конкурирующих газет были обеспечены более современными машинами. Например, «Новое время» предоставило своему сотруднику два новых автомобиля с набором запасных частей [70].

Не успел забыться угар банкета, данного редакцией в честь возвратившегося с театра военных действий корреспондента, еще в памяти присутствовавших звучали слова Ивана Дмитриевича, что он никогда не расстанется с так много сделавшим для газеты человеком, как писатель ясно почувствовал, что от него хотят избавиться.

Ошеломленный успехом военных корреспонденций Немировича-Данченко, Сытин сгоряча пообещал писателю в виде наградных десять паев «Товарищества», а заодно еще и выпустить сразу три его книги о русско-японской войне, установив гонорар в 700 р. за лист. Но

очень скоро эти обещания были забыты. «Я думаю, что вообще Ваша администрация не нуждается в дорогостоящих сотрудниках. Ее идеал — чисто московский, почти вроде „Голоса Москвы“»,— подводя итоги затянувшимся переговорам, писал Сытину обиженный автор[71]. Когда речь шла о барыше, забывались всякие нормы. Его величество господин рубль диктовал свои условия, ломал самые добрые отношения, менял направление самых благих побуждений.

Конфликт не прервал сотрудничества Немировича-Данченко с «Товариществом И. Д. Сытина». Обе стороны были в нем заинтересованы. Чрезвычайно плодовитый писатель, Немирович-Данченко не относился к числу властителей дум, хотя отдельные его произведения и были отмечены такими строгими ценителями, как Тургенев и Горький. Наиболее значительное в его наследии — многочисленные художественно-этнографические очерки, появившиеся в результате его путешествий.

Рассказанный эпизод интересен не столько драматизмом ситуации, сколько ярко проявившейся в нем меркантильностью взаимоотношений писателя с крупнейшим капиталистическим издательским предприятием России.

Особенно ярко зависимость Сытина от созданного им дела, известная двойственность его позиции сказались на отношениях с Алексеем Максимовичем Горьким.

А. М. Горький

Тридцатипятилетие своего служения на ниве книжного дела Иван Дмитриевич Сытин отмечал в первый день октября 1901 г. Дата была не «круглая», но, намереваясь реформировать газету «Русское слово», он старался привлечь внимание широкой публики к своей деятельности.

По обычаям того времени, в 11 часов утра в помещении типографии на Валовой улице, декорированном тропическими растениями, протоиерей приходской церкви отслужил благодарственный молебен. Потом говорились приветственные речи.

Друзья Сытина, в первую очередь редактор «Русской мысли» В. А. Гольцев, немало способствовали тому, чтобы юбилей получил общественный резонанс. В пространном приветствии Сытину, написанном и зачитанном Голь-

цевым от имени группы деятелей русской культуры (в числе подписавшихся были Ант. Чехов, Ив. Бунин, В. Верещагин, И. Касаткин, А. Кизеветтер, И. Горбунов-Посадов и др.), особо отмечались заслуги юбиляра в деле народного просвещения: «...Вы широко, в миллионах экземпляров, распространили в родной стране и учебники, и календари, и, что особенно ценно, много хороших книг для народного чтения... Сильно удешевив производство книг и картин, Вы тем самым дали им доступ в наиболее далекие и глухие уголки нашего великого отечества»[72].

После официальных торжеств состоялся обед. Угощение было отменное; тосты следовали один за другим. Обо всем этом поведал читателям Леонид Андреев[73]. Свой фельетон он переслал М. Горькому, а тот в свою очередь не преминул сообщить в частном письме, что в угаре торжеств Гольцев провозгласил тост «за Гоголя наших дней Власа Дорошевича!», а сей последний — талантливейший из прохвостов — ...за действительного министра народного просвещения И. Д. Сытина»[74].

В славословии ораторов Горький и Андреев ничего, кроме беспардонной рекламы, не увидели. В искреннем негодовании они забыли и о добрых делах юбиляра. А главное, сами события получили в андреевском фельетоне из-за неведения автора несколько искаженное отражение. Не будучи москвичом, Андреев не понял содержавшихся в тостах намеков и принял тосты за чистую монету. Возможно, в пристрастности сказалась и затаенная обида на Сытина.

Блестящий оратор и любитель острого словца, Виктор Гольцев хорошо помнил историю, заставившую подивиться ничему не верящую Москву, о том, как, будучи еще гимназистом, Влас Дорошевич умудрился запродать Сытину гоголевские произведения. Впрочем, и эта деталь еще не раскрывает всей глубины подтекста гольцевского тоста. Петербуржец Дорошевич не случайно оказался среди присутствующих. За два месяца до описываемых событий он согласился стать сотрудником и негласным редактором «Русского слова» за фантастический гонорар, которого еще не получал ни один журналист в России. Невольно он сопоставлялся с той колоссальной суммой (150 тыс. р.), что заплатил издатель А. Ф. Маркс за приобретение прав на сочинения Гоголя. Гольцев, знавший всю подноготную взаимоотношений Сытина и Доро-

А. М. Горький и И. Д. Сытин в художественной школе «Т-ва И. Д. Сытина» (Музей А. М. Горького. Публикуется впервые)

шевича и не очень-то любя последнего, не мог отказать себе в удовольствии съязвить по этому поводу.

Но и Дорошевич был не из тех, кто лезет за словом в карман. В его ответе Гольцеву легко усматривается намек на весьма противоречивый характер деятельности юбиляра, напоминающей в этом качестве министерство народного просвещения, которое современники вслед за М. Е. Салтыковым-Щедриным называли «министерством народного затемнения».

Горького возмутил тост Дорошевича, но прошло семнадцать лет и он в прямом смысле слова назвал Сытина «министром народного просвещения гораздо более действительным и полезным для русской деревни, чем граф Д. Толстой и другие министры царя» [75].

Семнадцать лет — большой срок, но было бы неверно, следуя за некоторыми исследователями, представлять дело так, что за эти годы мировоззрение Сытина «не без воздействия общения с Горьким» претерпело разительную эволюцию [76]. Знакомство с писателем во многом обогатило Сытина, оно сыграло известную роль и в жизни Горького. Близко сойдясь друг с другом, они стали

добрыми знакомыми, но никогда не были и не могли стать друзьями, союзниками именно потому, что по-разному пытались осуществить, казалось бы, общую задачу — просвещение родного народа.

Сытин был близок с Толстым, Чеховым и рядом других менее великих, но достаточно известных писателей, он был владельцем крупнейшей московской газеты и популярного журнала, издателем широко распространенных народных календарей и книг по самообразованию, вызвавших похвалу такого требовательного читателя, как Чехов. В то же время он был одним из основных производителей и распространителей, по выражению Горького, «Ванькиной литературы» — песен, лубочных изданий, различных сонников, оракулов и т. п. В начале века «Товарищество печатания, издательства и книжной торговли И. Д. Сытина» в Москве ни размахом деятельности, ни ассортиментом продукции, ни какими-нибудь другими качествами не выделялось. Это было типичное капиталистическое предприятие, выполнявшее известную культуртрегерскую миссию.

Совершенно иные цели преследовало созданное в эти годы издательское товарищество «Знание». Его фактические организаторы К. П. Пятницкий и А. М. Горький ставили перед собой задачу всемерно содействовать просвещению народа в духе передовых идей своего времени, всячески старались оградить интересы русских литераторов. «Знание» стало первым в истории отечественного книжного дела издательством, доход от продукции которого почти целиком шел авторам.

Первоначальный успех «Знания» определялся в основном двумя факторами: общественным подъемом начала века и глубоким интересом читателей к творчеству так называемых молодых писателей, пытавшихся отразить в своих произведениях наиболее острые конфликты предреволюционного периода. Однако сама по себе попытка вести дело в условиях капиталистического хозяйства на иных основаниях требовала более гибкого управления, тем более, что руководители «Знания», желая снизить себестоимость своих изданий, чрезмерно завышали их тиражи, не считаясь с конъюнктурой, складывавшейся на книжном рынке.

В начале века Горький и Пятницкий лишь начинали разворачивать свое предприятие. В людях, подобных Сытину, они видели только противников, «книгорыночных

крокодилов», по выражению писателя[77]. Поэтому Пятницкий искренне сокрушался, когда ряд видных литераторов и ученых, в том числе Н. А. Рубакин, дали «свои имена фирме Сытина, изливающей в народ потоки яда...»[78]

И тем не менее встреча Горького с Сытиным была предрешена.

За первое десятилетие нового века оборот «Товарищества И. Д. Сытина» увеличился более чем в три раза, достигнув почти 7 млн. р. В то время как «Товарищество» переживало полосу явного подъема, фирмы его конкурентов приходили в упадок. В начале века, после смерти Ф. Павленкова и А. Маркса, прекратилась деятельность одного издательства и сократилась другого, только счастливый случай отсрочил крах издательства А. С. Суворина; с переходом в 1909 г. издательства М. В. Попова к А. Ясному одно из виднейших демократических издательств потеряло перспективу развития; сократился после революции 1905 г. объем деятельности «Товарищества М. О. Вольфа». Вновь возникшие издательства, вроде «Просвещения», явно опоздали с выходом на историческую арену: русский книжный рынок давно был поделен на сферы влияния. Чтобы успешно конкурировать с монополистами, требовались немалые средства, которыми их владельцы не располагали.

Став обладателем значительных капиталов, Сытин непрестанно искал пути их применению. Именно в это время у него возникла мысль о создании новой фирмы по выпуску различного рода массовых изданий, распространяемых через железнодорожные киоски. Это так и неосуществившееся начинание имело, однако, важные последствия. Благодаря ему Сытин познакомился с Горьким.

Годы реакции, последовавшие за поражением первой русской революции, самым печальным образом сказались на деятельности издательства «Знание». К тому же между двумя его руководителями наметились серьезные расхождения. В январе 1909 г. Горький решил организовать новое издательство, на иной, чем «Знание», основе и с новой программой. Речь шла об издательстве «для широкого круга публики, энциклопедического характера»[79].

Существует мнение, что «по просьбе Горького весной и осенью 1909 г. Бунин вел переговоры с Сытиным по

поводу организации нового издательства. Сытин одобрительно отнесся к предложению Горького, но окончательное решение вопроса отложил до личной встречи, он хотел поближе познакомиться с Горьким, а затем уже договориться о формах сотрудничества с ним» [80].

Версия эта вызывает некоторые сомнения, поскольку еще в середине июля 1909 г. взаимоотношения Сытина с самим Буниным оставались непроясненными. По выражению посредника их переговоров, вопрос «принял затяжной характер» [81]. Вряд ли Сытин мог договариваться сразу и с Буниным, и через него с Горьким, с которым был не знаком. Высказанное предположение подтверждается единственным известным письмом Бунина к Горькому этого периода, из которого можно заключить, что в нем Бунин впервые информировал адресата об интересующем деле: «Сытин предлагает мне редактировать те новые издания, которыми он жаждет „осветить" свою фирму. „Берем, говорит, в свои руки железные дороги и всякую такую штуку, будет у нас триста распространительных станций — хорошо бы вот вас-то, молодежь, привлечь..." Но чем все это кончится, не знаю: боюсь погибнуть, завязнуть в делах» [82].

Сообщение Бунина не могло не заинтересовать Горького, так как к этому времени лопнуло «Издательство русских писателей в Берлине», в делах которого он принимал активное участие. В отличие от Бунина Горький не мыслил себя вне широкой общественной деятельности. Книгоиздание было реальным ее проявлением, поэтому личность одного из наиболее удачливых русских издателей привлекла его особое внимание.

Горькому должны были импонировать хватка и масштабность деятельности Сытина, незаурядность его личности. В то же время он, безусловно, видел все более проясняющуюся просветительскую тенденцию в его деятельности, стремление сделать книгу доступной самым широким кругам читателей. Наконец, для Горького, как и для каждого литератора, был небезразличен вопрос: у кого печататься.

Намечавшемуся сближению, однако, помешало непредвиденное обстоятельство. В самом конце 1909 г. «Русское слово» включилось в кампанию, направленную против Горького. Влас Дорошевич напечатал хлесткий, но поверхностный фельетон, носивший явно антисоциалистический характер [83]. Выстрел оказался холостым, но

потребовалось время, чтобы забылся акт недружелюбия. Не располагая материалами, трудно предположить, когда и каким образом начались контакты Горького с Сытиным, но одно несомненно — задолго до их личной встречи.

Встретились они лишь весной 1911 г. на Капри. Сытин приехал с сыном в сопровождении художника Мих. Первухина. «Каприйский ветер дерзко рвал полы длиннейшего пальто Ивана Дмитриевича, обдувал его грубое энергичное лицо, и он был очень весел, возбужден и постоянно отшучивался, отругивался от своего влюбленного в Италию чичероне»,— позднее писал один из очевидцев его приезда [84]. Возможно, Сытину действительно было не до красот итальянской природы, поскольку предложение, с которым он приехал к Горькому, вряд ли могло встретить общее одобрение. Речь шла о вступлении Ивана Дмитриевича в пайщики издательства «Знание». По мысли заинтересованных сторон, приток капиталов должен был оживить дело. Вопрос упирался лишь в условия соглашения.

Иван Дмитриевич предложил превратить «Знание» в паевое товарищество и передать ему ведение практической стороны дела, оставив прежний состав редакции. Кроме того, он потребовал участия «в прибылях по прежним изданиям». Пятницкий возражал как против одного, так и другого условия, резонно заявляя, что «у прежних пайщиков, кроме пая, вложено 15 лет труда». По его мнению, нужны были лишь деньги Сытина, а не сам Сытин. Он соглашался выплатить Ивану Дмитриевичу как долг, так и определенный процент с прибыли, и считал, что «дело идет о замаскированной покупке (Сытиным) „Знания“, притом невыгодной».

Иной точки зрения придерживался Горький. В своем дневнике Пятницкий приводит его слова: «Нужно расширить дело. Требуются деньги. Их нужно достать. Поэтому мало изменить форму» [85]. Несмотря на конспективность этой записи, нет никаких сомнений в том, что Алексей Максимович отлично понимал — никакая финансовая инъекция не спасет «Знание», если издательство не будет реорганизовано.

Позиции руководителей «Знания» оказались непримиримы и проект соучастия Сытина в его делах остался неосуществленным. Но сама встреча Горького с Иваном Дмитриевичем оказалась более чем полезной. Долгие

беседы привели к полному взаимопониманию, выяснению их жизненных позиций. И главное, оба прониклись глубоким уважением друг к другу. Буквально на следующий день после окончания переговоров (12 марта 1911 г.) Алексей Максимович писал Е. П. Пешковой: «Сытин — это один из тех людей, глядя на которых почти осязаешь, до чего талантлив, умен, сметлив и широк русский мужик. Конечно, если попадешь в руки такого мужика, так он из тебя весь живой дух немедля выкачает, кристаллизует его в рубли и книги, а тебя, как нечто использованное, бросит куда-нибудь в сторону в темный уголок. Сие, конечно, не весьма гуманно, однако же — неглупо и способствует накоплению в жизни хорошего» [86].

Возникшие отношения бесспорно имели и практическое преломление. Горький оказал Сытину немалую услугу, подсказав идею ряда изданий, поднявших авторитет фирмы. В то же время он, безусловно, рассчитывал на поддержку некоторых своих начинаний. После каприйской встречи весной 1911 г. Алексей Максимович предложил Сытину издавать журнал, который читался бы с одинаковой пользой купцом и крестьянином, чиновником и интеллигентом. Основной задачей этого журнала должно было стать сплочение всех культурных сил страны [87]. Переговоры об издании журнала «Новая Россия» велись до апреля 1912 г., но не получили завершения. Так же, впрочем, как и другая горьковская идея (осуществленная несколько позднее и на иной основе) — выпуск периодических сборников произведений писателей народов России.

Отвечая Горькому, Сытин писал: «Журналу такому — успех огромный, я рад с Вами это продумать и исполнить». Правда, комментируя эти строки, Горький иронически заметил: «Слова, конечно, не обязывают...» Но тут же наметил программу приложений к журналу, состоящих из ежегодных «„Летописей русской жизни“ и ее обзоров» [88]. И все же, думается, Сытин искренне ухватился за предложение Горького. Оно действительно отвечало его намерениям. Да и Ладыжников, близко соприкасавшийся с ним в этот период, подтверждает сказанное. По его словам, Сытина «очень обрадовало письмо Алексея Максимовича и планы нового журнала, но опять-таки видно, что ему, как человеку занятому, очевидно, не приходилось еще подольше остановиться над этим вопросом» [89].

К сожалению, этот проект, как и попытка привлечь Сытина в качестве одного из учредителей к созданию нового издательства, не осуществились. Летом 1911 г. друзья писателя, остававшиеся в России, попытались образовать издательское товарищество. Предполагалось, что возглавлять его будет Горький, но инициатором создания выступит И. А. Бунин, как «лицо известное в литературном мире» и в то же время «не коммерсант и не капиталист»[90]. В предполагаемый состав пайщиков кроме них должны были войти В. М. Каменский, И. П. Ладыжников, А. Н. Тихонов, И. Д. Сытин и Н. В. Мешков.

«Отношения Сытина теперь ясны вполне,— писал Горькому один из организаторов товарищества.— Хотя он и не оставил мысли и желания устроить и вести такое культурное издательство... но не при существующих в „Знании" условиях». Как известно, претензии Ивана Дмитриевича не пугали Горького. Отвечая Каменскому, он писал: «Это дело очень улыбается мне, так как я нахожу его и своевременным, и необходимым, но лишь в том случае, если «Товарищество» начнет издавать ежемесячный журнал». В письме к А. Н. Тихонову он даже не исключал возможности создания такого издательства при участии в его делах лишь одного «капиталиста» — И. Д. Сытина[91].

Однако Ладыжников считал, что Сытин, являющийся «почти единственным лицом, на котором лежит вся тяжесть работы» громадного предприятия, вряд ли сможет уделить создаваемому «Товариществу» достаточно внимания и энергии[92]. Возможно, руководствуясь этими соображениями, он и его сотоварищи пытались привлечь к своему начинанию издателей М. В. Сабашникова, Ю. М. Лепковского, Н. М. Михайлова, типографа А. А. Левинсона. Все эти попытки не увенчались успехом. В конце концов Ладыжников пришел к выводу, что организовать «издательство в том виде, как предполагалось, нельзя» и «затевать новые разговоры с Сытиным бесполезно»[93].

Приведенные соображения все же не дают возможности судить об истинной причине провала проекта создания издательства. Оно не состоялось то ли потому, что, как считает О. Д. Голубева, Сытин «не шел на переговоры о новом издательстве, справедливо полагая, что он не будет в нем полновластным хозяином»[94], то ли из-за невозможности выполнить категорическое условие Горь-

кого о выпуске ежемесячного журнала. Представляется все же, что цитированное предположение мало обоснованно. Если бы обстоятельства складывались так, как она полагает, то вряд ли летом 1913 г. вновь возник разговор об организации совместного издательства, причем на этот раз инициатива явно исходила от Сытина, который не ставил никаких условий, а уж о «полновластном хозяйничании» вообще не могло быть речи.

В начале июня 1913 г. Горький писал Тихонову о новой инициативе Сытина. «Это очень интересно, очень лестно, но — практически — ничего не известно и нельзя понять. Хотя предложения сделаны блестящие и весьма либеральные: „Делайте, что хотите, с кем хотите, средства — какие угодно дам", но — повторяю, сие пока слова. Однако И. П. (Ладыжников) будет вырабатывать условия совместного труда, т. е. совместного в смысле вывески» [95].

В последних словах, по-видимому, кроется истинная причина, толкавшая Сытина на союз с Горьким.

Подтверждая свое согласие сотрудничать с Сытиным, хотя и не определяя степени и форм своего участия, Горький обещал «в близком будущем» предложить «тип ряда изданий, которые сразу могут поставить дело вполне солидно и морально и материально», а также «разработанную программу ежемесячника и еженедельника». При дальнейших переговорах опять возникла идея создания совместного издательства. Алексей Максимович даже рекомендовал Ладыжникову «принять все меры, чтобы укрепиться в нем». Правда, он все еще не оставлял мысли оживить «Знание». Горький намеревался выкупить паи Пятницкого, а затем вложить в дело «сытинские деньги» [96].

Всем этим проектам не суждено было осуществиться. Увидели свет лишь некоторые из предложенных Горьким изданий. Таков, например, получивший его одобрение многотомник «Три века». Писатель высоко отзывался и о двух других известных сытинских многотомных изданиях: «Великая реформа (19 февраля 1761 — 19 февраля 1911). Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем» (М., 1911) и «Отечественная война и русское общество (1812—1912)». Похвала писателя тем более важна, что эти издания соответствовали планам самого Горького, предполагавшего выпустить у Сытина серию книг по истории русского народа [97].

Несмотря на высокую оценку целого ряда сытинских изданий, Горький весьма критично оценивал постановку работы «Товарищества» в целом. Соглашаясь с Сытиным, что виной всему отсутствие «хорошей редакции», которая могла бы придать «делу и стройность и внутреннее единство», он указывал на ряд других не менее важных причин, в частности — отсутствие должной издательской культуры, откровенно коммерческий характер многих книг, написанных «случайно и спешно, ради заработка, без любви к делу».

По мнению Горького, положение могла исправить тщательно подобранная и хорошо «спевшаяся» редакционная коллегия, способная типизировать издания и наладить их плановый выпуск. «За именами — не надобно гнаться,— советовал писатель.— Ваша колокольня достаточно высока, и неважно, кто на ней звонить будет, лишь бы умело звонил и не спал не вовремя»[98]. Вероятно, в душе Сытин соглашался с Горьким, тем более, что на многие недостатки он сам ему указывал, но исправить положение был не в силах. Очень скоро это понял и Алексей Максимович. Четко отделив Сытина от его гигантского дела, он всячески пытался направить его энергию и возможности в русло обоюдных интересов.

Однако и в этом плане очень скоро обозначился четкий водораздел. Объединить носившие явно революционный характер устремления Горького и общедемократические — Сытина оказалось не под силу ни тому, ни другому. Особенно остро противоречия обозначились в предреволюционный период, когда они попытались создать крупную столичную газету. И хотя и тот и другой стремились вырваться из чрева «газетного Левиафана», как образно назвал критик Н. Я. Абрамович «Русское слово», цели у них оказались разные. Горький мечтал о большой радикально-демократической газете, Сытин — о либеральной, свободной от всяких явных тенденций. Да и причины недовольства «Русским словом» были у них разные.

Горький начал сотрудничать в «Русском слове» в 1913 г., первоначально предполагая «давать не статьи, а беллетристику»[99]. Но затем изменил своему намерению. На страницах газеты были опубликованы автобиографическая повесть «Детство», множество небольших рассказов и ряд публицистических статей, в том числе «О русской интеллигенции и национальных вопросах» (в отрыв-

ках), «О карамазовщине», «Еще о карамазовщине» и другие.

Сытин платил писателю самый высокий гонорар, охотно шел навстречу, когда речь шла о выдаче авансов, и постоянно, настоятельно просил «участвовать в газете более правильно, периодически, если возможно, ежемесячно» [100]. Не уступая натиску Ивана Дмитриевича, Горький в конце января 1913 г. писал ему, что боится дать «обещание правильного ежемесячного сотрудничества», и соглашался лишь время от времени посылать «небольшие рассказы» и «ряд маленьких очерков „Из воспоминаний детства моего“» [101]. Таким образом, он ставил себя вне ряда постоянных сотрудников газеты. В письме к своему близкому знакомому В. М. Каменскому Горький чистосердечно признавался: «Я теперь принужден работать в „Русском слове“, потому что Сытин хорошо платит» [102]. С другой стороны он считал, «в чаянии разных возможностей... иметь связь с органом столь распространенным недурно» [103].

В годы первой мировой войны газета «Русское слово» прочно заняла оборонческие позиции, зазвучали не свойственные ей прежде националистические и даже шовинистические нотки. И все же писатель не порывал связей с газетой, несмотря на прямое осуждение этого сотрудничества со стороны довольно широких общественных кругов. В ответ на такого же рода недоумение М. Ф. Андреевой он писал: «...ты должна знать, что чем больше будут говорить о несовместимости работы Горького с Сытиным, тем теснее я буду сходиться с Иваном. Не по капризу — поймите, дьяволы! А потому, что я знаю Сытина больше всех, знаю, что можно заставить его сделать» [104].

Горький действительно намеревался сотрудничать в газете, которую Сытин собирался издавать в Петрограде, желая придать ей радикально-демократический характер. Став ее негласным руководителем, он, безусловно, смог бы привлечь к участию в ней лучшие литературные силы. Однако Сытин не решился на этот шаг. Параллельно с Горьким он вел переговоры с неким Гаккебушем (псевдоним журналиста М. М. Горелова), человеком весьма близким к министру внутренних дел А. Д. Протопопову, который, в свою очередь, намеревался с нового, 1917 г. выпускать большую газету. Естественно, такой оборот дела заставил Алексея Максимовича скептически

отнестись к сытинскому проекту. «Не знаю, что выйдет из этого и выйдет ли что-либо»,— писал он к Короленко [105].

Ситуация не изменилась, когда месяц спустя Горький повел с Сытиным переговоры о газете, противостоящей протопоповской «Русской воле» (ведущим публицистом которой стал Л. Андреев). Алексей Максимович хотел привлечь к сотрудничеству Короленко, Брюсова, Бунина, Тимирязева и др., рассчитывая, что их имена гарантируют успех его начинанию. Однако Сытин явно уклонялся от решающего ответа. «Меня как будто дразнят: то, кажется, все готово, а вдруг все разваливается,— писал Горький Е. П. Пешковой.— Проклятый Сытин не дается в руки, как налим» [106].

Далеко не случайно проскальзывает у Горького сравнение Сытина с налимом. Видимо, речь шла не только о первоначальном капитале, но и о постоянном участии Ивана Дмитриевича в деле, и тут-то, возможно, сказалась определенная ограниченность его намерений. Взаимные симпатии и обоюдные интересы способствовали сближению, но не настолько, чтобы Сытин и Горький смогли преодолеть различие жизненных позиций. В конце концов они стали компаньонами в более «спокойном», чем газета, начинании, но отнюдь не сотоварищами. Именно эту мысль подчеркивал Горький, когда характеризовал владельцев демократического издательства «Парус»: «Настоящими, полноправными хозяевами дела являемся мы трое (т. е. Горький, Ладыжников, Тихонов.— *Е. Д.*), остальные — Сытин, Коновалов, Белоховский, Груббе, кн. Щербатов, Глазберг и два Гордона — вкладчики» [107]. То же самое можно сказать о степени участия Ивана Дмитриевича в горьковском журнале «Летопись».

В сложности взаимоотношений Горького и Сытина, вероятно, кроется разгадка того, почему писатель передал право издания своих сочинений издательствам «Жизнь и знание» В. Д. Бонч-Бруевича и «Товариществу А. Ф. Маркса», а не человеку, в изданиях которого уже сотрудничал. Тем более, что при всех оговорках условия Сытина были не менее выгодны.

Успех изданного приложением к «Русскому слову» собрания сочинений Л. Н. Толстого заставил Сытина подумать о достойном продолжении начатого дела. Вполне естественно, что свой выбор он остановил на Горьком.

Условия, поставленные Ладыжниковым, были чрезвычайно жестки: 200 тыс. р. за издание полного собрания сочинений тиражом в 40 тыс. экз. Сытин пробовал торговаться, но в конце концов согласился с ними. 11 сентября 1913 г. он телеграфировал М. Ф. Андреевой: «Согласие правления получу сегодня, буду послезавтра у вас...» Ладыжников сообщал о переговорах как о завершенном деле. Однако сделка не состоялась. Вероятнее всего, не по вине Сытина, так как он в начале января следующего года приезжал к Андреевой с просьбой возобновить переговоры об издании собрания сочинений. Правда, на этот раз он предполагал их издать в виде приложения к «Русскому слову» на 1915 г., но готов был заплатить те же 200 тыс. р. [108]

Увы! Права на издание полного собрания сочинений были уже уступлены на аналогичных условиях, но только за меньший гонорар (170 тыс. р.) «Товариществу А. Ф. Маркса». Причем начало выпуска сочинений было отнесено на 1917 г. Возможно, этот срок был установлен по просьбе самого писателя, так как в ноябре 1913 г. он уступил издательству «Жизнь и знание» за 30 тыс. р. право издания своего собрания сочинений в 10 (потом в 11) томах десятитысячным тиражом [109]. Конкуренция была опасна для этого более дорогого собрания сочинений. К тому же его реализация несомненно требовала времени.

Бонч-Бруевич впоследствии уверял, что инициатива в переговорах исходила от писателя, приславшего ему в конце октября свое предложение. Однако на этот раз память ему изменила. В тот самый день, 11 сентября 1913 г., когда Сытин телеграфировал М. Ф. Андреевой о своем согласии с условиями писателя, Ладыжников писал Горькому о полученном им от Бонч-Бруевича предложении издать сочинения и сообщал, что ответа он ему еще не дал [110].

«Домашнее условие», подписанное Горьким в декабре 1913 г., устанавливало состав томов и сроки выплаты гонорара. Хотя сумма гонорара, предложенная и Сытиным и конкурентами, была равной, условия Сытина представляются более предпочтительными из-за сжатых сроков выплаты. Однако иное обстоятельство определило исход дела. В 1914 г. приложением к газете «Русское слово» (так называемая Библиотека «Русского слова») выходило полное собрание сочинений Мережковского,

вслед за которым Сытин намеревался издать полное собрание сочинений Горького. Печататься в одной серии с Мережковским Горький не захотел. Речь шла не об излишней щепетильности писателя. При всем сочувствии к Сытину и понимании его положения разделять его позицию Горький не мог, да и не хотел. Когда Иван Дмитриевич для издания дешевых учебников основал общество «Школа и знание», выпускавшее под редакцией Вахтерова научно-литературный журнал «Вестник школы», то среди участников этого большого дела не оказалось Горького. И опять встает вопрос: почему?

Вскоре после создания общества «Школа и знание» в печать проникли сведения о небескорыстной связи его инициаторов с влиятельными сотрудниками министерства просвещения. Великолепная идея оказалась скомпрометированной. «Я принужден взять назад мое согласие участвовать в деле Сытина...» — писал Горький Вахтерову, мотивируя свой шаг тем, что связан начинанием, которое не позволяет «принимать явного участия в каких-либо предприятиях аналогичных» [111]. Объяснение недостаточно убедительное. Ведь, по словам самого Сытина, писатель при первой же их встрече горячо убеждал его издавать книги, «дающие мужику знание», возможность учиться, познать «право, свободу» [112].

В небольшом очерке о писателе, написанном в 1928 г. и пересланном Горькому, Сытин попытался кратко сформулировать, что сближало его с писателем, а что разводило. Суть их взаимоотношений он выразил достаточно точно: выходцы из самых низов народа, они ставили своей жизненной целью его просвещение. Но Иван Дмитриевич считал, что «только наука, знание и опыт дают ему (народу.— Е. Д.) благополучие». Горький видел в них лишь одно из условий, которые способствуют преобразованию мира. Но их взаимозаинтересованность объяснялась не только деловыми соображениями. Эту мысль Горький подчеркивал неоднократно. «Мне будет приятно видеть И. Д. без отношения ко всяким „делам“»,— писал он Ф. И. Благову. «Для меня знакомство с Вами радостно и ценно, ценно без всякого отношения к „делам“, а так просто, само по себе,— отмечал он в письме к Сытину.— Хорошего русского, любящего свою родину, знающего ее и желающего служить посильно ее великим нуждам,— такого человека не часто встретишь, а встретив, радуешься и уважаешь его. Вот мое отноше-

ние к Вам, и это отношение, это право любить и уважать человека — для меня дороже всех „дел“»[113]. Поэтому и Сытин рвался к Горькому и так мучительно переживал возникающие время от времени размолвки.

«Последние два месяца собирался к Вам лично, но рабочее время не позволяет вырваться; хомут тяжел на плечах, очень далеко Вы живете»,— писал он ему в начале 1913 г. Но вырвавшись на короткое время «из колеса машины», уже сидя в поезде, направляющемся в Варшаву, он спешит сообщить Горькому не о своих деловых планах, а о глубоко личных переживаниях. Он пишет, что жизнь заставила его переоценить многое («что было важно, срочно, теперь, чувствую, мелко и утратило интерес...»), и сомневается в разумности всего им сделанного («дела мои мертвы»). Это письмо написано 3 марта 1913 г., а 26 мая он, с восторгом рассказывая об усовершенствованных типографских машинах, увиденных в Берлине, сообщает Руманову о своем решении днями выехать к Горькому. Свое решение он объясняет тоской, заставившей его вдруг бросить все дела и почти без цели ездить «из города в город с единственным желанием уйти от людей и бежать от самого себя». Поэтому вдвойне ценно признание Ивана Дмитриевича об исключительной благотворности его встречи с Горьким: «Слава богу, ветром обдуло и прояснилось, солнце пропекло у Горького...» — писал он 4 июня из Карлсбада тому же Руманову[114].

Письма сохранили свидетельства размолвок с Горьким и связанных с ними переживаний. «Пишу Вам с огромной, мужской болью в душе, мучаюсь и каюсь, сделал я преступную глупость». «С ужасной тоской и угрызением вернулся я в Москву,— пишет он Горькому.— Нужно было неизбежно говорить с Вами. На моей душе тяжкий камень давит». «Я думаю, что глупым письмом огорчил Пешкова. Повидай его»,— телеграфирует он Руманову[115]. И наряду с этим явные знаки внимания, заботы по отношению к писателю, проявляющиеся то в распоряжении Руманову бесплатно выписать ему газеты и журналы («Я заплачу деньги, скорей сделай...»), то в искренних сожалениях о невозможности активного участия в его начинаниях (вероятнее всего — в делах издательства «Парус»): «Завтра Ваше собрание, я не мог остаться и глупо сделал, все равно с мучениями живу, страшную бурю переживаю. Потерял ровно все в голове и живу на

вулкане... а жизнь радости и красоты близка и возможна»[116]. Столь знаменательное признание сделано 1 февраля 1917 г., всего через две недели после того, как широко и помпезно общественность и пресса отметили пятидесятилетие его служения книжному делу, когда всем казалось, что им все свершено.

Революция не проложила межи между Горьким и Сытиным. Иван Дмитриевич остался в Советской России, более того, постарался войти в контакты с новой властью. Но по злой воле случая, в апреле 1918 г. Сытин был необоснованно репрессирован. Предъявленное ему обвинение при проверке не подтвердилось, и он был освобожден. Видимо, сразу же после ареста Иван Дмитриевич обратился к Горькому с ходатайством о заступничестве. «Я надеюсь на Ваше великодушие и верю, что Вы меня преступником не считаете»,— писал он в записке, так и не дошедшей до адресата и оставшейся в архиве человека, взявшегося ее передать Горькому[117]. Писатель сам без всякого побуждения с чьей-либо стороны посвятил этому печальному событию статью в редактируемой им газете «Новая жизнь»[118]. Ту самую статью, из которой были процитированы строчки, помещенные в начале этого раздела.

Статья Горького была опубликована, когда Сытина уже освободили. Узнал он о ней в день публикации (газета имела московскую редакцию) и тут же написал благодарственное письмо Горькому («Захлебываясь слезами, пишу Вам эти строки...»)[119]. Никто не знает, что переживал в этот момент Иван Дмитриевич, вероятно, не только чувство глубокой благодарности, но и гордости, поскольку не мог не усмотреть в горьковских словах факт общественного признания его выдающихся заслуг в развитии культуры родной страны.

В последующие годы связи Сытина с Горьким ослабли. Находясь за границей в 1925 г., Иван Дмитриевич пытался связаться с Горьким и навестить его: «Меня охватило страшное желание ехать к вам. Все нутро перевернулось, и мечты, мечты закипели...» — писал он ему[120]. Однако намерения своего осуществить не смог.

* * *

С легкой руки Г. С. Петрова Сытина называли «русским самородком». Природа бесспорно наделила Ивана Дмитриевича многими талантами, но тем Сытиным, ко-

торого знала не только вся Россия, но — весь мир, он сделал себя сам и счастливая судьба, сведшая Ивана Дмитриевича с крупнейшими писателями России. «Я брал от всех наших близких людей, как Толстой, а в последнее время даже от Кропоткина и от молодых писателей вроде Чехова и Лескова, с которыми мы очень дружили»,— признавался Сытин[121].

Дело жизни

К началу первой мировой войны оборотный капитал «Товарищества И. Д. Сытина» превысил 14 млн. р., а паевой достиг 3,4 млн. р., что составляло седьмую часть вложений всех 42 российских акционерных обществ издательского и печатного дела. Единственное из всех, оно добилось того, что его паи котировались на московской и петербургской биржах.

Будучи со дня основания «Товарищества» его директором-распорядителем, Сытин мог с полным основанием считать достигнутое делом своего ума и рук.

Рост сытинского предприятия историки книжного дела связывают с разразившимся в начале нынешнего века кризисом, способствовавшим концентрации полиграфического производства. Во время кризиса «Товарищество И. Д. Сытина» поглотило два сравнительно крупных московских предприятия: в 1903 г. — типографию А. К. Васильева, а в 1904 — литографию М. Т. Соловьева. Этот процесс продолжался и в последующие годы. В 1913 г. была перекуплена известная фирма — «Торговый дом Е. И. Коноваловой», в 1914 г. — небольшая типолитография Кудинова, в 1916 г.— крупнейшая издательская фирма «Товарищество А. Ф. Маркса». Тогда же было скуплено большинство акций «Московского товарищества издательства и печати Н. Л. Казецкого».

В 1909 г. Сытин приобрел контрольный пакет «Контрагентства А. С. Суворина», став фактическим хозяином громадной сети киосков на важнейших железнодорожных линиях страны. Он откупил у Московской городской управы более половины лучших в городе мест для продажи газет и стал фактическим монополистом торговли ими в Москве. Если учесть, что в эти годы большая часть тиража периодических изданий распространялась в розницу, то легко представить, сколь велики стали его возможности.

Магазин И. Д. Сытина в Нижнем Новгороде

К весне 1917 г. «Товарищество И. Д. Сытина» приобрело паев и акций различных предприятий на сумму свыше 2 млн. р. С вящей убедительностью подтверждались ленинские слова, что концентрация производства и капитала на известной ступени развития приводит к монополии (27, 343). Сконцентрировать в одних руках крупнейшие предприятия книжного дела удалось лишь благодаря колоссальным прибылям, являвшимся, в свою очередь, следствием значительного снижения издержек производства и постоянного увеличения выпуска печатной продукции.

Имея в виду эволюцию Сытина, автор одной из лучших советских работ по истории книжного дела Б. П. Орлов писал, что «превращение мелкого предпринимателя в крупного капиталиста-миллионера произошло удивительно быстро, на протяжении каких-нибудь трех с половиной десятков лет. Понятно, какой была степень эксплуатации рабочих на предприятии Сытина, если за столь небольшой период времени оно пробежало путь от маленькой мастерской с несколькими сотнями рублей

основного капитала до громадного печатно-издательского и книготоргового комбината с паевым капиталом в несколько миллионов рублей»[1]. С такого рода заявлениями приходится встречаться и в других современных работах, но с ними трудно согласиться. Высокая производительность труда рабочих на предприятиях Сытина была достигнута главным образом за счет модернизации производства. Авторы указанных работ не учитывали ряда обстоятельств. В частности, на редкость благоприятствовавшей Сытинскому возвышению обстановки. Рост монополий в 80—90-е гг. носил поистине «всеобщий характер в том смысле, что происходил не в одной отрасли или группе родственных отраслей, а в масштабе всей промышленности»[2]. С другой стороны, именно «Москва в конце XIX века превратилась в главный пункт всей внутренней торговли России»[3].

Сытин, взошедший на гребне этой волны, как никакой другой издатель сделал далеко идущие выводы из создавшейся конъюнктуры. Он учел не только потребности читателя своей традиционной продукции, но и то, что в начале века «границы между читателем из народа и читателем из командующих классов» начали постепенно «стушевываться». Из недр народа стал «нарастать читатель средний и к тому же многочисленный, который и начинает потреблять всякую дешевую литературу»[4].

Когда в голодные годы, связанные с очередным неурожаем, падал спрос и, следовательно, сокращался выпуск народной литературы, издательство Сытина ни на йоту не сокращало своего производства. «Книгопродавцы жалуются на плохие дела, и они действительно плохи, всегда были плохи, а нынче по случаю неурожая еще хуже,» — свидетельствовал в дни голода 1891 г. журнал «Посредник печатного дела»[5]. Выпуск народной литературы сократился с 1342 тыс. экз. в 1891 г. до 773 тыс. экз. в 1892 г. (на 43%), а тираж общего выпуска московских издательств даже возрос (соответственно, с 2186 тыс. экз. до 2209 тыс. экз.)[6].

Став к концу века издателем-универсалом, Сытин в отличие от своих коллег по Никольской улице не боялся изменений конъюнктуры на рынке народной литературы. Из «Очерка издательской деятельности Товарищества И. Д. Сытина», выпущенного в 1900 г., следовало, что оно учитывало интересы широкого круга читателей[7].

Если в конце века тенденции к универсализму проя-

лялись еще недостаточно ярко, то в последующем с каждым годом они все более и более усиливались. Параллельно этому процессу увеличивались и масштабы деятельности «Товарищества». Но, главное, Сытин сумел до предела снизить себестоимость массовых изданий. Когда после посещения типографии Сытина Суворин в сердцах отругал своих помощников за плохо поставленное издание дешевой литературы, его сын Алексей Алексеевич не стал оправдываться, настолько слова отца показались ему нереальными. «Типография пришлет тебе расчет для народных изданий по своим ценам, да и посланные тебе составлены после совещания с переплетчиками и бумажными фабрикантами. Мне кажется, что Сытин многое продает только за свои деньги...» — писал он отцу [8]. Будь Суворин повнимательнее, он сам бы обратил внимание на исключительную дешевизну сытинских народных изданий. Ведь еще в 1889 г. Рубакин указывал на вполне добротное, хотя и не блещущее «изяществом» сытинское издание «Горе от ума» Грибоедова, несравненно более доступное народу, чем эта пьеса и многие другие произведения, изданные в «Дешевой библиотеке» Суворина [9].

Навыки ведения крупного капиталистического предприятия Сытин, естественно, приобрел далеко не сразу. Он начинал дело с полукустарного предприятия, в котором хозяин трудился наравне со своими рабочими. Впоследствии, став миллионером, он по-прежнему старался поддерживать патриархальные традиции, но, когда все только начиналось, пафос совместного труда воодушевлял и хозяина и его работников. 1 ноября 1886 г. Сытин писал Л. Н. Толстому: «Живем здесь и много хлопочем. Время свободного нет, все занято. Хлопочем много, но не знаем... хорошо ли, худо ли это. Иногда думается, что хорошо вокруг; народу очень много, все довольны. Дело идет. Вражды и зла, ссор нет. Разве между собой пьяненькие рабочие пошумят в праздник. Но зато в будни очень весело... Развеселят хоть кого в мастерских песнями, которые им не воспрещают петь во время работы. Петь они такие мастера, не хуже «Славянского (базара)», все горе заставят забыть. Да и сами бодрее и веселее работают. А духа уныния нет, и здоровы» [10].

Желая привлечь к себе лучших мастеров, Сытин всегда платил больше, чем его конкуренты, но, как и во всех московских типографиях, рабочий день у него продолжался 12 часов, в то время как у петербургского из-

дателя А. Ф. Маркса никогда не превышал 10 часов (лишь в самом конце 90-х гг. Сытин сократил рабочий день до 11 часов). Из-за этого на сытинских предприятиях рабочие частенько допускали брак, однако он никогда не прибегал к репрессивным мерам. Соглашаясь со справедливыми претензиями Черткова по поводу плохой печати одной из брошюр «Посредника», Сытин объяснил случившееся не леностью рабочих, а условиями, в которых приходится трудиться. «Я не мог, как вы пишете, хладнокровно отнестись к опечатке, но нельзя же было и очень взыскать. Ошиблись, ну что же делать... Не выгнать же этих людей, которые чистосердечно расстраиваются»[11]. Он не раз отказывался от срочных и выгодных заказов, если они вели к чрезмерной загрузке рабочих. Именно этой причиной объяснял срыв одного из заказов «Посредника» сотрудник «Товарищества» И. И. Петров. По его словам, удовлетворение претензий заказчика привело бы к тому, что «несчастные 50 человек работников должны были вместо отдыха после 12-часового дневного труда просидеть всю ночь за работой и потом без передышки работать еще день и ночь»[12].

И. Д. Сытин был сторонником патерналистской (т. е. попечительной) политики С. Ю. Витте, проведшего первый закон о государственном страховании рабочих от несчастных случаев, разработавшего проект закона об обязательной врачебной помощи рабочим за счет предпринимателей и ряда других подобных мер. Правда, в статьях баланса «Товарищества» не значились расходы на социальное страхование или культурное обслуживание рабочих. Подобно А. Ф. Марксу и А. С. Суворину, Сытин отчислял 3% от общей суммы зарплаты в ссудно-сберегательную кассу предприятия и регулярно выдавал традиционные «наградные». Только перед самой Октябрьской революцией в дни сытинского юбилея правление «Товарищества» решило учредить пенсионную кассу для рабочих (ранее пенсии выдавались избирательно) * и лечебницу, на создание которых Иван Дмитриевич пожертвовал 100 тыс. р.[13]

Благодаря забастовочному движению (поддержанному, кстати, рабочими сытинских типографий) в начале века удалось сократить рабочий день в типографии до

---

* В 1900 г. пенсионный фонд для рабочих составлял всего 25 тыс. р.

9 часов. Но по сравнению со многими другими родственными предприятиями в типографиях «Товарищества» условия труда были значительно лучше. Отсюда и более высокая степень его интенсификации: прозводительность труда сытинского рабочего на 63% была выше, чем у рабочих всех остальных 39 московских типографий и литографий. При рутинности тогдашнего типографского производства поднять производительность труда только за счет усиления эксплуатации рабочих — было невозможно. Гораздо больший эффект могла дать модернизация производства. Именно этот путь и выбрал Сытин.

Еще в начале века он приобрел за границей новые типографские, литографские, переплетные и брошюровочные машины, представляющие последнее слово печатной техники, благодаря чему крупнейшая в России книжная типография «Товарищества И. Д. Сытина» (в ней работало свыше 1000 рабочих) стала и наиболее технически оснащенной. В газетной и книжной типографиях насчитывалось перед первой мировой войной: 23 ротационных, 26 наборных, 44 плоскопечатных типографских и 35 литографских машин. Стоимость движимого имущества типографии только с 1906 по 1914 г. увеличилась в 2,7 раза [14]. Все это говорит о том, что Сытин коренным образом перестроил предприятие, а это в свою очередь позволило ему значительно удешевить продукцию.

В борьбе с конкурентами Сытин вышел победителем потому, что он яснее, чем они, представлял основные тенденции развития русского книжного дела и обладал всеми качествами, необходимыми организатору крупного производства, в том числе и той самой «гибкостью ума и души», о которой говорил М. Горький.

Сытину не раз приходилось, по его же словам, «обивать пороги многих и многих „передних", чтобы двинуть хоть на шаг дело просвещения и народного образования» [15]. Один из ближайших его сотрудников, Николай Васильевич Тулупов, писал, что только благодаря подкупу официальных лиц удалось ликвидировать инцидент, вызванный тем, что фирма Сытина оказалась упомянутой в конфиденциальной записке «Искусственное возбуждение рабочего вопроса». Охранка усмотрела прямую связь между забастовкой на Большой Ярославской мануфактуре и заметкой, помещенной на листке отрывного календаря, в которой сопоставлялась дневная заработная

плата русских и иностранных рабочих (в США — 7 р. 50 к., в Англии — 7 р. и т. п., в России — 70 к., в Китае — 9 к.). Усмотрев в этом крамолу, Главное управление по делам печати запретило всем издателям отрывных календарей помещать в них иные сведения, кроме астрономических или дат церковных праздников.

Решение Главного управления по делам печати неминуемо должно было привести к резкому сокращению тиражей отрывных календарей и, следовательно, к значительным убыткам. Ничего не оставалось, как добиваться его отмены. Прямое ходатайство не помогло. И тогда Сытин прибег к обходному маневру. Ему посоветовали обратиться к весьма влиятельному человеку Сергею Ильичу Кази. Кази числился членом правления ряда железных дорог и пароходств как представитель министерства финансов. Сытин преподнес его даме сердца золотой с бриллиантами браслет, после чего издателю порекомендовали обратиться за содействием к управляющему делами великого князя Константина Константиновича — П. Е. Кеппену. Далее события развивались с кинематографической быстротой: Кеппен переговорил с великим князем, тот доложил царю. Оказалось, что государь был большой любитель «календарного чтения», и распоряжение Главного управления по делам печати было отменено [16].

Твердость в осуществлении намеченной цели проявил Сытин и в другом своем начинании. Ф. Д. Батюшков вспоминал, как, увидев в его собрании эскиз лубочной картины по мотивам рассказа Короленко «Сон Макара», Иван Дмитриевич решил издать ее вместе с текстом на большом листе. Расходы не испугали издателя: «Хоть на семнадцати камнях пришлось бы печатать». Но с первых же шагов начались цензурные мытарства. Московская цензура передала ее духовной, духовная запретила.

Известный искусствовед Н. П. Собко заполучил даже одобрение митрополита Антония, после чего о картине весьма благожелательно отозвался сам Победоносцев! Однако он «отказался дать ей пропуск, заявив, что постановления Комитета отменять нельзя». Дело казалось проигранным, но Сытин не собирался сдаваться. С большим трудом, после долгих мытарств он добился разрешения вновь передать рассмотрение вопроса в светскую цензуру. Но так как решение духовной цензуры отменить никто не имел права, то издатель аргументиро-

вал свой шаг ошибкой в первоначальном адресе. Специальный эксперт — знаток апокрифов проф. Н. И. Сикорский подтвердил, что картина не имеет никакого отношения к каноническим трактовкам предания об «исходе души». И только после этого было получено разрешение на ее издание[17].

Сытин догадывался о том, что расширение ассортимента изданий, выпускаемых «Товариществом», не нравится властям, но имел достаточно мужества публично высказать и свои претензии правительству.

Летом 1909 г. в Петербурге состоялся Первый Всероссийский съезд издателей и книгопродавцев, Сытин участвовал в его работе, но на заседаниях не выступал[18]. Зато на состоявшемся после закрытия съезда банкете выступил с речью, получившей колоссальный резонанс. Он говорил о необходимости распространения среди народа «хороших, нужных, полезных книг» и выразил надежду, что издатели и книгопродавцы найдут для этого силы и средства. Он так и сказал: «Пойдемте навстречу запросам русского мужика, и тогда скоро, очень скоро вся Россия сделается грамотной». При этом Сытин откровенно заявлял, что «30 лет, работая по низам книжного дела в общении с крестьянской избой и через 4000 офеней, распространял по крестьянским избам «Бову Королевича», после чтения которого устраивались кулачные бои и сворачивались челюсти». Он сказал, что хотел бы и мог издавать другие книги, но в этих намерениях не встречал поддержки властей, не желавших сесть с ним «за один стол».

Газета, сообщая об этом выступлении Сытина, усомнилась в искренности намерений издателя. Отметая его претензии к правительству, она обвиняла его в том, что он собирается «распространять эти полезные и нужные книги», отнюдь не руководствуясь заботой о просвещении русского мужика, а так как пришло время, когда издателю стало это выгодно, поскольку народ «требует уже не „Бову Королевича“, а именно эти нужные и полезные книги»[19].

Газетные филиппики не имели никаких оснований. По мнению прогрессивной общественности, этот поворот Сытина наметился значительно раньше. «Еще в середине 90-х гг., — отмечало „Новое слово“,— сам „король Никольского рынка“ И. Д. Сытин понял, что „с низу идет... серьезный запрос на хорошую книгу“, и стал издавать

для народа Чехова, Короленко, Мамина-Сибиряка, Станюковича и др.»[20].

Читателю уже известно, на каких условиях Сытин издавал Чехова, Мамину-Сибиряку и Станюковичу он платил также более высокие гонорары, чем другие издатели (первому, например, 50 р. за лист за право на одно издание, в то время как обычный гонорар писателя составлял 30 р., второму — 40 р.)[21]. Пройдет каких-нибудь пять-шесть лет, и эти гонорары покажутся нищенскими, но все должно рассматриваться в рамках своего времени.

Обновление репертуара было связано с решением другой, поистине грандиозной задачи, поставленной Сытиным,— дать русской школе дешевые учебники и тем самым сделать их доступными для той среды, из которой он сам вышел. «Дороговизна книги создала неслыханный налог на учение,— писал он в одной из своих статей.— Весь русский народ обложен налогом в пользу немногих»[22]. Освобождение народа от этого «неслыханного налога» и стало задачей, которую он вознамерился решить в первую очередь.

Создавшееся положение осложнялось монополией ряда издателей и привилегированных авторов на учебники, традиционно получавших одобрение правительственных органов (без чего ни один учебник не мог быть рекомендован учащимся). При себестоимости учебника в 15—20 к. он обычно продавался по 1 р. — 1 р. 25 к. Наживались не только издатели, но и многие авторы, связанные с теми самыми инстанциями, от которых зависела судьба учебника. «Изданием учебников у нас занимается всего несколько фирм,— писал в конце 80-х гг. В. Дорошевич. — Все они наживают миллионы, и эти миллионы составляются из трудовых грошей родителей»[23]. С тех пор мало что изменилось. В начале десятых годов в сельских и начальных школах обучалось менее четверти крестьянских детей. Среди учащихся во всех учебных заведениях министерства народного просвещения насчитывалось лишь 15% детей крестьян[24]. Для них в первую очередь и решил Сытин создавать новые учебники, поручив это дело таким опытным педагогам, как В. П. Вахтеров и Н. В. Тулупов.

Начинание развивалось успешно до тех пор, пока в марте 1912 г. на имя министра народного просвещения не поступил запрос 32 членов Государственного совета от «правых» партий. В нем шла речь о составленной

Н. В. Тулуповым и П. В. Шестаковым хрестоматии для начальных училищ по русскому языку «Новь» (кн. 3). В дальнейшем при обсуждении запроса на заседании Государственного совета «досталось» и учебнику В. и Э. Вахтеровых для начальных школ «Мир в рассказах для детей» (Третий год. Части 3-я и 4-я).

О характере запроса можно судить по прениям, развернувшимся на заседании Государственного совета.

Один из членов совета заявил, что «гг. Тулуповы коверкают душу ребенка мрачными страницами нашей истории, насаждают ненужный ложный критицизм и т. п.» Другой обвинял Вахтеровых в дарвинизме[25]. Несмотря на то, что в защиту учебников выступили такие авторитетные ученые, как акад. С. Ф. Ольденбург и проф. М. М. Ковалевский, большинство членов Государственного совета поддержало запрос «правых» и постановлением министерства народного просвещения учебники были изъяты из обращения[26].

Предупреждая нежелательные для себя последствия, Иван Дмитриевич выкупил все изъятые из обращения учебники и заменил их исправленными изданиями. Как ни были велики убытки, не они напугали издателя. Под ударом оказалось создаваемое Сытиным специальное общество. В число его учредителей вошли известные либеральные деятели М. М. и В. И. Ковалевские, В. А. Морозова, вдова редактора «Русских ведомостей» В. М. Соболевского, писатель А. И. Эртель и И. Д. Сытин. Общество намеревалось путем проведения открытых конкурсов улучшить качество издаваемых учебников, сделать их доступными по изложению и цене. Но с первых же шагов учредители общества встретили решительное противодействие. В выпущенной черносотенным союзом им. Михаила Архангела книге «Школьная подготовка второй русской революции» (Спб., 1913) грозные филиппики были направлены не только против И. Д. Сытина лично, но и, главным образом, против вновь создаваемого общества. Вдохновитель и организатор черносотенного союза В. М. Пуришкевич с трибуны Государственной думы заявил, что разослал книгу во все училищные епархиальные советы, губернским и уездным предводителям, попечителям учебных округов, роздал депутатам Думы. Это была борьба против того «второго министерства народного просвещения», которое, как утверждал Пуришкевич,— «создано левыми течениями русского общества

и работает... в области народной школы более интенсивно, гораздо более страстно, гораздо более успешно, чем работает министерство, от царя поставленное»[27]. Столь резкий демарш напугал некоторых из учредителей общества, посчитавших его создание несколько несвоевременным.

Сытин решил продолжить борьбу. Слишком памятно было собственное детство, слишком остра боль за родной народ. Он вынужден был искать обходные пути, пытаясь заручиться на этот раз поддержкой самого министра народного просвещения архиреакционера Л. А. Кассо. Так возникла идея создания издательского комитета «Школа и знание», в число участников которого вошел ряд деятелей Главного ученого комитета министерства народного просвещения (кстати сказать, являющихся авторами нескольких из намеченных к выпуску учебников).

Неожиданно сведения о новом издательском начинании проникли в печать. Разразилась буря, по всей видимости, инспирированная заинтересованными кругами. Говоря о задачах «нарождающейся организации», близкой, с одной стороны министерству народного просвещения, а с другой — «Товариществу И. Д. Сытина», либеральные «Русские ведомости» не без сарказма писали, что выпущенные ею учебники «не будут казенные издания в собственном смысле слова, но издания с гарантированным успехом»[28].

Используя удобную ситуацию, реакционная печать активно подключилась к разворачивающейся антисытинской кампании. «Здесь беда,— писал Руманову встревоженный Сытин.— Сейчас пришла К° моих авторов и просто за горло взяли... как я мог пойти в К° с Кассо и издавать учебники с правительством. Это страшно опасный путь, и, говорят, молва идет вовсю, даже желают сделать бойкот фирме, если она поднимется. Черт знает, что может быть. Надо всеми силами затушевать самое существование нашего комитета. А они это выставляют, ведь можно иметь огромную потерю в обществе, если раздуют сильно.

Пожалуйста, скорее научи, как нам сделать, чтобы ответить в газете. Надо все это непременно опровергнуть, что сами в министерство не обращались, никакого монопольного права не просили, а желали только одобрения. Надо это сделать. Составь и пришли резкое опроверже-

ние, иначе нас затравят. Уж не отказаться ли от всего этого дела совсем. Я боюсь важности и опасности этого большого и неприличного бойкота на дело. Все дело можно погубить только потому, что он перейдет на бойкот Т-ва и учителей. Дай совет и указание, что делать»[29].

Сначала «Товарищество И. Д. Сытина» отмежевалось от «Школы и знания», дав понять, что никакого отношения к личной инициативе Ивана Дмитриевича «Товарищество» не имеет[30]. Затем газета «Русское слово» опубликовала большую статью Сытина (авторство, вернее участие Ивана Дмитриевича в ее написании несомненно, хотя во всем чувствуется рука такого опытного журналиста, как А. В. Руманов), посвященную этому вопросу (1914, № 20, 7 февр.).

Благая и высокая цель оказалась скомпрометированной недостойными ее методами осуществления. Но разве эти приемы чем-нибудь отличались от тех, которыми пользовались конкуренты Сытина? Разница лишь в том, что первые думали только о барышах, а Иван Дмитриевич всегда помнил и о «кухаркиных детях».

Крах одного из важнейших начинаний вновь заставил Сытина задуматься о путях достижения поставленной цели. Обладая значительными средствами, пользуясь покровительством сильных мира сего, он все же вынужден был отступить. Пугала возможность консолидации конкурирующих фирм, которые, используя создавшуюся ситуацию, могли склонить на свою сторону широкие слои общества. Поэтому Сытин решил заручиться поддержкой или хотя бы благословением самой влиятельной инстанции в государстве — самодержца всероссийского. И опять невольно приходится вспомнить о свойственной ему «гибкости ума и души», о которой говорил М. Горький.

По словам Сытина, некогда всесильный министр граф С. Ю. Витте, к которому Иван Дмитриевич обратился за содействием, внимательно выслушал его проект создания общества «Школа и знание», но весьма скептически отнесся к идее «ликвидировать безграмотность в России и сделать учебник и книгу всенародным достоянием». На прямой вопрос, можно ли рассчитывать на содействие правительства, он откровенно ответил: «Правительственная власть может только терпеть, но никогда не будет сочувствовать вашему делу. Никогда!»[31]

Николай II принял Ивана Дмитриевича в своей ставке в Минске. Шла война, ход ее был неблагоприятен для

России и разговор о столь отвлеченной теме, как просвещение народа, мог показаться несвоевременным. Раскрыть истинные намерения Сытина не рискнул даже морской министр И. К. Григорович, ходатайствовавший за него. Указывая на цель аудиенции, он писал, что для Сытина было бы «желательно получить звание коммерции советника и поставщика двора его императорского величества» [32]. Такого рода просьба в глазах придворных казалась вполне естественной и оправданной. Что же касается судеб отечественного книгоиздания, то с Петра I никто из российских самодержцев не признавал за ним государственного значения. Когда в 1897 г. крупнейшее полиграфическое предприятие России — «Товарищество скоропечатни А. А. Левинсона» — обратилось в министерство финансов с просьбой разрешить, чтобы паи «Товарищества» котировались на московской бирже, оно получило отказ. В мотивировке указывалось, что полиграфические предприятия никак не могут быть отнесены к тому роду предприятий, «развитие которых... признается желательным и которые поэтому требуют привлечения свободных капиталов» [33].

С началом войны положение еще более усугубилось. Пресса отмечала, что «война убила в обществе всякий интерес к книге, поэтому в книгоиздательском деле в настоящее время замечается полный застой» [34]. Тем не менее разговор состоялся. Царь позволил себе не согласиться с мнением Витте, о котором ему поведал Сытин, и обещал проверить, таково ли действительно отношение правительства к затронутому вопросу. В то же время он одобрительно отнесся к предложению Сытина «устроить образцовую начальную школу — с оборудованием лучшими учебниками и пособиями, которые могли бы служить образцом для школ России, с присвоением ей имени наследника цесаревича» [35]. Это, казалось бы, частное решение на самом деле означало победу Ивана Дмитриевича и полностью оправдывало усилия, прилагаемые в течение почти четырех лет.

Впервые Сытин попытался добиться свидания с царем в 1911 г., но по разным причинам сам же его откладывал [36]. Не исключено, что он хотел заручиться таким «козырем», который бы резко поднял его акции в глазах Николая II. Широкие возможности в этом плане открывали следовавшие одно за другим национальные торжества: в 1911 г. 50-летие освобождения крестьян от

крепостной зависимости; в 1912 г.— 100-летие Отечественной войны, в 1913 г.— 300-летие дома Романовых. Книжный рынок был наводнен юбилейной литературой. Только по поводу 300-летия царствования Романовых было издано свыше 400 названий книг общим тиражом в 4,1 млн. экз. Значительная часть из них вышла под маркой «Товарищества И. Д. Сытина».

Им были подготовлены три наиболее фундаментальных изданий: «Великая реформа», «Великая война и русское общество» и «Три века».

В целом тираж изданных «Товариществом» книг, посвященных 300-летию дома Романовых, превышал 3 млн. экз., а книг, посвященных юбилею Отечественной войны 1812 г.,— 350 тыс. экз.

Именно эти факты подчеркивал И. К. Григорович в письме к министру двора графу В. Б. Фредериксу, поддерживая просьбу Сытина лично преподнести царю изданную им книгу «Три века». Заодно он напоминал и о другой заслуге Ивана Дмитриевича — издании многотомной «Военной энциклопедии», на которую он потратил около миллиона рублей. Григорович напоминал Николаю II, что в свое время тот высказал мысль о желательности «широко распространить это полезное и нужное издание в армии и флоте» [37].

Поторапливая ход событий, Иван Дмитриевич писал Руманову:

«Прошу тебя, пожалуйста, заяви куда следует, чтобы было уведомлено, когда разрешат представиться государю» [38]. В этом же письме содержится и весьма примечательная фраза, свидетельствующая о том, что Иван Дмитриевич всерьез подумывал о собственном бумагоделательном производстве.

Приобрести бумажную фабрику Сытин задумал давно. Производство расширялось, тиражи газет и журналов росли год от года, бумаги требовалось все больше и больше, а цены на нее не снижались, скорее даже росли. В среднем продажная цена бумаги в три раза превышала себестоимость ее производства. Но дело было не столько в материальных потерях, сколько в желании освободиться от зависимости: в один прекрасный день производители бумаги могли продиктовать Сытину свои условия, а этого он боялся больше всего. Но в то же время он понимал, что бумагоделательное производство потребует весьма значительных средств, так как фабрику или фа-

брики придется строить в отдаленных районах Карелии или Севера и первоначальная себестоимость собственной бумаги будет значительное выше рыночной. Поэтому еще в начале 1913 г. Иван Дмитриевич предпринял попытку учредить «Акционерное общество Российской писчебумажной фабрики в Петербурге», оставив за собой контрольный пакет акций.

Основной задачей вновь организуемого акционерного общества должно было стать снабжение бумагой «Товарищества И. Д. Сытина». По первоначальному проекту, общество обязывалось ежегодно продавать «Товариществу» 500 тыс. пудов бумаги, а последнее покупать не менее 400 тыс. пудов. Но затем «Товарищество» изменило свои намерения и снизило контрольные цифры в одном и другом случае чуть ли не вдвое — на 200 тыс. пудов. Причем условия эти были высказаны директорами «Товарищества» Соловьевым и Сытиным в ультимативной форме [39].

Чем же вызывался такой неожиданный поворот событий? Может быть, Сытин предполагал сократить производство? Ничуть не бывало. В письме Руманову, отправленном в середине мая 1913 г., он чистосердечно излагал причину своих опасений: «Бумаги нужно было 500 (тыс. пудов), и боязно, что не доставят, а я лишу себя старых друзей. Умоляю, если у них будет хорошая поставка брать по дорогой цене всю бумагу, но меня пугает правильность(?) поставки и одна фабрика — большой риск на время пока освоится... дело». В то же время он не хотел упускать открывавшихся возможностей «устроить фабрику вместе с банком» (речь шла о Русско-Азиатском банке.— Е. Д.) [40].

Если кратко сформулировать конечную цель Ивана Дмитриевича, то она сводилась к идее создания концерна, монопольно владеющего ключевыми позициями в русском книжном деле, прессе, полиграфии и бумагоделательной промышленности. Одобренный царем проект создания образцовой школы в руках Сытина превращался в тот самый рычаг, которым он намеревался перевернуть весь книжый мир.

Получив некоторую гарантию поддержки, он поручил Руманову приобрести в Русско-Азиатском банке «добавочные акции писчебумажной Российской фабрики» [41], а затем, видимо, попытался обратиться к русскому обществу, одновременно добиваясь его поддержки и разъяс-

няя свои цели. В бумагах Руманова сохранился проект этого обращения, написанный рукой Ивана Дмитриевича и названный им «Дополнение к прежнему сообщению»; документ этот, по-видимому, посланный Руманову для редакции, как нельзя лучше раскрывает планы Сытина.

«„Товарищество",— писал Сытин,— крайне нуждается для развития дальнейшей деятельности на пользу народного образования в большой писчебумажной фабрике. Для чего нужно до 10 млн. р.». Говоря далее об одобренной царем идее устройства образцовой начальной школы, он подчеркивал, что речь идет о задаче государственной важности — «при ее осуществлении потребуется огромная сеть (школ), переустройство всего начального образования, потребуются десятки миллионов учебных и библиотечных книг и пособий. Это первый шаг, где будет правительство поощрять и содействовать народному образованию в широком масштабе.

Доселе книги распространялись с огромным затруднением; параллельно с книгою должны быть газеты и журналы. Пока «Т-во Сытина» имеет одну газету, но в видах объединения всех умственных педагогических, публицистических и литературных сил всей России покупает:

1. Огромную фирму «Т-ва Маркс»,
2. Фирму издательства «Просвещение»,
3. «Брокгауз и Ефрон».

Этим исчерпываются все доселе имеющиеся, все богатейшие таланты классиков России. («Товарищество») открывает большую политическую газету в Петрограде и отсюда будет вести развитие газет во всех важнейших городах России. Эта огромная деятельность широчайшего объединения печатным словом всех классов населения даст огромное знакомство, связи и понимание всей России. Это дело величайшего нравственного счастья и духовной радости видеть, чувствовать, служить Великому народному пробуждению из скотской тьмы к светлому пониманию радости жизни» [42].

Однако конечные цели, которые ставили перед собой Сытин и банки, явно не совпадали. Для большинства «учредителей» синдицирование бумажной промышленности стало очередной спекуляцией. Они желали получить большую часть акций даром или почти что даром, акционировав приобретенные фабрики на сумму, превышающую их реальную стоимость. Так, например, извест-

ная фабрика Печаткина, стоившая два миллиона рублей, была акционирована в пять! Сытин отказался от участия в этом откровенном разбое. «Ему, всю жизнь создававшему реальные ценности, привыкшему только на деньгах наживать деньги, была еще чужда эта неприкрытая спекуляция»,— писал И. Р. Кугель[43]. В дальнейшем он даже решился, обойдя банки, привлечь к делу иностранный капитал и просил Руманова «заинтересовать кого бы то ни было (из) иностранцев, чтобы возбудить аппетит в русской спячке. Надо думать о бумаге, как о насущном хлебе, даже более»[44].

Как это ни печально, но никто не прислушался к его словам, и очень скоро Россия почувствовала первые проявления бумажного голода, вызванного резким сокращением производства.

Трудности военного времени не поколебали положения «Товарищества И. Д. Сытина», доходы которого в 1915 г. более чем вдвое превысили общую прибыль четырех крупнейших московских типографских предприятий, хотя в 1913 г. оно еще заметно им в этом уступало. Даже острая нехватка квалифицированной рабочей силы (более трети рабочих, занятых в полиграфической промышленности, было мобилизовано на фронт) не могла сдержать темпов роста его производства. Используя связи в бюрократических кругах, Сытин добился отсрочки от призыва для большой группы своих рабочих. Только в сентябре 1915 г. отсрочку получили 43 человека (всего на сытинских предприятиях было занято в это время 1800 человек). «Эти люди — главные заведующие машинами, наборщики, слесаря и руководители»,— аттестуя своих протеже, писал Иван Дмитриевич[45].

Ворочая миллионами и фактически управляя делами фирмы, Сытин сплошь и рядом должен был оглядываться на своих сотоварищей по Правлению. Большинство из них было людьми консервативных убеждений и хотя вышли они из среды народа, но интересовались не столько его просвещением, сколько своими дивидендами. Об одном из них — содиректоре «Товарищества» М. Т. Соловьеве — Иван Дмитриевич говорил, что тот для него «как кандалы. Его мерки и взгляды ни к черту не годны»[46]. Внутренняя оппозиция сдерживала инициативу Сытина, иногда даже заставляла отступать, как это случилось при попытке пригласить И. Р. Кугеля в редакторы «Русского слова», но в целом он гибко и неуклонно

проводил свой курс, опираясь на поддержку людей, разделявших его взгляды и устремления. Так было и с приобретением паев крупнейшего русского издательства «Товарищество А. Ф. Маркса». Этот акт следует рассматривать не как удовлетворение сытинского честолюбия, а как необходимый шаг в расширении фирмы.

Главное, что пугало оппонентов Сытина,— его стремление монополизировать рынок печатной продукции. Для этого неизбежно следовало войти в тесный контакт с петроградской группой владельцев газет, весьма разнохарактерной по своим политическим программам, что, в свою очередь, должно было привести в руководство новых людей. А вот этого-то больше всего на свете боялось Правление «Товарищества». Иван Дмитриевич все это прекрасно понимал и, обращаясь к Руманову, слезно просил привлекать к делу талантливую молодежь [47].

Существует мнение, правда, не подкрепленное документами, о создании Сытиным «тайного синдиката», вернее, заключения по его инициативе негласного картельного соглашения между большинством московских газет «за круговой друг за друга порукой», устанавливавшего цены и условия сбыта, крайне выгодные для издательства и весьма обременительные для продавцов. Единством действий Иван Дмитриевич добился того, что розничная цена на московские газеты была установлена ниже, чем на петроградские (соответственно: 5 и 6 к. за экземпляр), благодаря чему тиражи московских газет резко возросли. Но в данном случае речь шла не столько о барышах, сколько о попытке сосредоточить центральную прессу в руках мощного газетного концерна.

В 1916 г., когда Сытин приступил к реализации своего плана создания нового объединения, он встретил организованное противодействие со стороны многих членов Правления. «Дело с группой не выйдет. Ужасно наша среда противится,— писал он Руманову.— Его надо, ради бога, держать в строгом секрете...» Несмотря на сопротивление, Иван Дмитриевич все же упрямо и настойчиво проводил свою линию, подчиняя противников своей воле: «...наши „великие люди“ Фролов и Жигарев * вылили сегодня бурю грязи на все наши дела и организации, пока не подписали нашего протокола...— сообщал он в одном

* Фролов Василий Петрович, один из директоров «Товарищества»; Жигарев Виктор Ильич, член Правления.

из писем 1917 г.— Вся эта паршивая братия так меня расстроила, что я просто из рук вон как скверно себя чувствую». Впрочем, он хорошо понимал истинные причины, которыми руководствовались его противники. В этом же письме он отмечал, что «Жигарев хочет влезть в директора» [48].

Осуществляя свои планы, Сытин опирался на поддержку Русско-Азиатского банка, одного из крупнейших коммерческих банков России, но весьма осторожно относился к его участию в своих делах. Да и займы он брал с опаской. Об этом можно судить по записке к Руманову, в которой он просил его срочно продать 200 паев «Товарищества А. Ф. Маркса» «для важного дела», но ни словом не заикнулся о займе [49].

В исследованиях последних лет справедливо отмечаются пути проникновения банковского капитала в акционерные общества, владевшие русским книжным делом в предреволюционные годы, хотя степень его влияния явно преувеличивается [50]. Банки долго не замечали печать и книжное дело и по причинам охранительного порядка, как это было в случае с «Товариществом скоропечатни А. А. Левинсона», и из-за низкого процента их доходности. В начале XX в. положение заметно изменилось: половину своей прибыли «Товарищество И. Д. Сытина» стало получать от издания газеты «Русское слово». Еще больший удельный вес составляли прибыли от издания «Нивы» и «Нового времени» в доходах «Товарищества А. Ф. Маркс» и «Товарищества А. С. Суворина». Поэтому пресса, сулящая значительные и скорые барыши, а не книгоиздание, стала предметом банковских вожделений. К тому же периодическая печать гораздо в большей степени, чем книги, оказывала влияние на общественное мнение. Однако и в этом случае протекционистской по отношению к печати политику русских банков признать нельзя, поскольку займы давались под очень высокие проценты, к тому же перманентно повышаемые. Когда в июле 1913 г. Русско-Азиатский банк начал взимать с «Товарищества И. Д. Сытина» проценты из расчета 7,5% годовых, Иван Дмитриевич квалифицировал этот акт как «просто зарез» и умолял Руманова добиваться уступки, хотя бы в 0,5% [51]. Русско-Азиатский банк оказывал несомненную поддержку Сытину, учитывая в больших количествах его векселя [52]. Но такую же поддержку оказывал Волжско-Камский банк А. С. Суворину и его наследни-

кам. Только она им не помогла, а скорее, наоборот, привела к краху фирмы.

Диктата банков Сытин боялся больше, чем своих компаньонов. Поэтому он предпочитал кооперироваться не с банками, а со своим братом — предпринимателем, оставляя за собой во всех этих комбинациях главенствующую роль. Так, например, он поступил, когда вознамерился издавать петроградский выпуск «Русского слова». В качестве основных вкладчиков создаваемого товарищества, кроме себя, он наметил председателя правления Русско-Азиатского банка А. И. Путилова (в данном случае тот выступал как частное лицо) и А. А. Суворина (ставшего к этому времени «страшным» либералом). Не обратился он за помощью к банкам и когда решил завершить свой жизненный путь созданием еще невиданного в России учреждения — «Дома книги».

«...В руках у меня дело может выйти хорошее, серьезное — умное дело. Мне оно очень (важно?). Умер бы спокойнее... Его вести не ради зла и разрушения, а ради укрепления веры в бога и людей... Сколько хорошей радостной работы, а делать не с кем. Только наладишь, а черт возьмет и сплюнет». Что конкретно имел в виду Иван Дмитриевич, делясь с Румановым своими сокровенными мыслями — сейчас сказать трудно. Да и не столь существенно. Важнее другое — мысль о создании не сытинского, а общественного «дела», которое «должно оплачиваться не деньгами, а любовью... которое действительно дало бы настоящую пищу для народа», родилась не вдруг, когда он благодарил поздравляющих его с полувековым юбилеем служения книге, а значительно раньше[53].

В общих чертах «умное дело» рисовалось Сытину как некий оазис под Москвой, где среди зелени садов будет построен специальный городок с предприятиями, оборудованными по последнему слову техники, с прекрасными домами для рабочих, своими учебными заведениями, больницами, театром и т. п. В то же время «Дом книги» был задуман как своеобразный учебный комбинат, в полном смысле слова «университет книжного дела», с издательским, книгопродавческим и типографским отделением, соединяющим в себе все три звена обучения: низшее, среднее и высшее. В его стенах должны были готовить наборщиков, работающих на усовершенствованных машинах, искусных метранпажей, печатников, исполняю-

щих тонкие работы, техников по полиграфическому оборудованию, литографов, цинкографов, книгопродавцев, знакомых с рациональными способами распространения литературы. В то же время «Дом книги» мыслился как своеобразный научно-исследовательский институт, в лабораториях и мастерских которого испытывались бы новые сорта бумаги, новые краски, машины, опробовались различного рода усовершенствования, давались рекомендации и экономические обоснования их практичности и целесообразности. В музее «Дома книги» должны были экспонироваться экземпляры лучших изданий и образцы новой полиграфической техники.

Насколько испытывалась необходимость в подобного рода учреждениях, можно судить по такому факту. Россия до революции не производила полиграфическое оборудование, а во время войны его поступление из-за границы почти совершенно прекратилось. В 1915 г. было привезено оборудования всего на 71 тыс. р., тогда как в 1913 г. было закуплено на 1235 тыс. р. Проблема замены изношенного типографского оборудования новым приобрела первостепенное значение. В слесарной мастерской «Товарищества И. Д. Сытина» еще в 1911 г. была сконструирована и построена собственными силами небольшая плоскопечатная машина. В дальнейшем на сытинских предприятиях было изготовлено еще несколько оригинальных моделей других машин, но опробовать их и пустить в производство не удалось из-за отсутствия экспериментальной базы.

Осуществлению этой утопической идеи он готов был посвятить остаток жизни и все свои капиталы. «Ты меня знаешь давно, всю жизнь...— говорил он писателю Н. Д. Телешову, развивая планы будущего „ городка печатного дела“.— Ты знаешь, что я пришел в Москву, что называется, голый... Мне ничего не нужно. Все суета. Я видел плоды своей работы и жизни, и довольно с меня. Пришел голый и уйду голым. Так надо... Я от всего уйду... Уйду в монастырь».

«Монастырь» Иван Дмитриевич упомянул, как говорят, ради «красного словца». Слишком активным и любящим жизнь человеком он был, чтобы отказаться от всех радостей и тревог, которые она дает. «Натура этого незаурядного человека была сложная,— продолжая свою мысль, писал Телешов,— в ней уживались, как это ни странно, две крайности, две противоположности. С одной

стороны, он „знал цену копейке“, как про него некоторые говорили, был в деловых отношениях строг, даже суров и прижимист, любил, чтобы дело его было прочно, чтобы оно росло и процветало, но в личной своей жизни Сытин был скромен и нетребователен» [54].

О прижимистости Сытина говорит и такой факт: писатель Н. А. Полушин был давним знакомым Сытина. Он вместе с Н. А. Фелицыным составил первый сытинский календарь, предопределивший успех целого направления в деятельности «Товарищества». Но, когда впоследствии он обратился в редакцию «Русского слова» с предложением своих услуг, оговорив для себя обычный гонорар — 7 к. за строку, Сытин решительно с этим не согласился. «Федя,— писал он Благову,— вот тебе берендей в своем роде. Что подойдет, помести, если найдешь нужным. Подумайте: 5 или 3 к.!» И, видимо, засомневавшись в «твердости» Благова, дописал: «Не дороже 5 или 3 к. И. С.» [55].

Однако люди, знавшие Сытина ближе и на протяжении длительного времени, характеризовали его в несколько иных тонах: «По душе Сытин был отзывчивый и добрый человек,— писал Тулупов.— Говорю это не по отношению к себе, нет. Отзывчивым и добрым человеком он был и вообще к сотрудникам и рабочим. Правда, в обращении он был часто несдержан и грубоватым, но по душе, повторяю, он был прекрасный человек» [56].

Глубина проникновения в сущность такого большого человека, каким был Иван Дмитриевич, бесспорно зависела от степени близости к нему. Но в то же время о многом можно судить по его письмам. Сытин никогда и никому не доверял своей переписки и очень часто сквозь строчки фантастических каракуль явственно проступает его живой образ. В них, как блестки, рассыпаны афоризмы, меткие словечки и выражения *.

Говоря о личных качествах Ивана Дмитриевича, следует прежде всего отметить свойственное ему чувство юмора, способность самокритично оценить свои действия и... определенную твердость, которая ощущается всегда и во всем. Посмеиваясь над самим собой, он, миллионер, один из богатейших людей России, снимает в любимом

* К сожалению, мемуары самого Сытина (за исключением опубликованных до революции) не блещут литературными достоинствами, в них почти не чувствуется та самая «образность языка», которая была свойственна ему как рассказчику.

Карлсбаде маленькую комнату на пятом этаже, отшучиваясь тем, что чем выше, тем больше воздуха и к богу поближе. Но делает все же так, как он хочет, а не так, как повелевает этикет. Впрочем, как признавался сам Иван Дмитриевич, он всегда был «тароват на кредит и деньги» [57].

Задумав в 1916 г. построить фабрику для проектируемого «Товарищества народных календарей», Иван Дмитриевич присмотрел на Москва-реке в черте города 35 десятин. Для предприятия хватило бы и половины этого участка. К тому же у него имелось в наличности лишь 200 тыс. р., в то время как требовался 1 млн. р. (правда, после покупки земли кредитное общество готово ему было выдать 600 тыс. р.). Но, предлагая Руманову срочно найти компаньонов, он думал не только о том, как приобрести участок, а намеревался «другую половину продать и выручить вдвое», чем заплатил за всю землю [58].

Таковы были общепринятые нормы, и Сытин предреволюционных лет в этом отношении ничем не отличался от своих коллег и уже мало чем походил на прежнего Сытина, решавшего вопросы не в кабинете или путем официальной переписки, а, как уверял Чехов, за «обстоятельным» разговором в «Славянском базаре» за завтраком (19, 337). Наоборот, теперь современники уверяли, что Иван Дмитриевич «не любит говорить не по делу. Но в те редкие часы, когда он говорит „по душам“, совершенно бескорыстно, он поражает своего собеседника полетом мысли, образностью языка» [59].

Сытин понимал сложность своего положения и остро чувствовал одиночество, на которое решался жаловаться только особо доверенным и близким людям, таким, например, как Александр Иванович Эртель. Их тесная дружба началась еще в 80-е гг. и продолжалась до самой смерти писателя. Эртель был, пожалуй, единственным человеком, который со всей нелицеприятностью высказывал Ивану Дмитриевичу все, что о нем думал. Поэтому его советами Сытин чрезвычайно дорожил и предварительно оговаривал с ним многие из своих начинаний.

«Я не представляю Вас каким-то идеалистом, Дон Кихотом; но по своей натуре, по складу ума, характеру темперамента Вам скучны грошовые соображения, смирная мещанская нажива, спокойное чавканье доставшейся добычи,— писал ему Эртель в августе 1906 г.— Вы смотрите дальше и выше этого; Вы в своем роде поэт, и неда-

ром Вашей душе свойственно гореть широкими планами и мечтами... Но, как поганые грибы вокруг дерева, Вас облепляют мелкие, своекорыстные людишки и создают вокруг Вас борьбу мелких мещанских интересов, втягивая Вас в нее, цепляясь за Вас, заражая воздух, которым Вы дышите, смрадом непотизма *, кумовства, родственных и приятельских расчетов. И мне больно, когда Вы поддаетесь этому, когда перестаете сознавать свое «высокое рожденье» и вместо свойственного Вам орлиного полета приноравливаетесь летать с воробьями»[60].

К сожалению, полностью преодолеть влияние окружающей среды, оторваться от нее Сытин не смог. Возникавшие время от времени конфликты с близкими вели к тяжелым душевным депрессиям, надолго выбивали его из колеи. Тогда, как к лекарству, Сытин прибегал к путешествиям, душевному разговору с людьми, чей авторитет он высоко чтил: с Горьким, Эртелем, шлиссельбуржцем Николаем Александровичем Морозовым, ряд научно-популярных книжек которого он выпустил[61].

Эртелю Иван Дмитриевич представлялся «единственным человеком в деле, который работает, волнуется, кипит не ради личных интересов, но ради самого дела». Поэтому-то он и рекомендовал ему «взвешивать людей и дела только по отношению к цели. Все остальное — дивиденды, оклады, родственники, кумовья — приложится, поскольку не противодействует цели и принципу»[62]. По мысли Эртеля, конфликт Сытина со средой был неизбежен, так как «успехи просвещения на Руси» меньше всего интересовали его ближайшее окружение. Морозов же в письме к Ивану Дмитриевичу объяснял первопричину внутреннего разлада Сытина более глубокими основаниями, усматривая ее в противоречии его жизненной задачи с тем общественным движением, которое вызвало революцию 1905 г. (Письмо Эртеля датировано 5 августа 1906 г.; Морозова — 1 июля того же года).

Н. А. Морозов всячески поддерживал Сытина, понимая, как дорого его адресату доброе слово: «Ваши мечты о том времени, когда хорошая и полезная книга будет вполне доступна для крестьянского населения и будет хорошо расходиться по деревням, были мне издавна близки. В правильном народном образовании и умствен-

---

* Непотизм *(лат.)* — замещение по протекции доходных или видных должностей родственниками, «своими людьми».

ном развитии я вижу единственное средство обеспечить как общественное благосостояние крестьянина, так и хороший образ правления для всей нашей родины... От народной литературы я требую несравненно больше, чем это делают многие из современных передовых деятелей в народе. Для меня мало разъяснить народу политические и общественные вопросы, мне хотелось бы дать в дешевых, популярных книжках также и познание Вселенной и этим развить философскую сторону его ума. Только тогда, когда у крестьянина будут по временам такие же внутренние сомнения, какие в последнее время были у Вас и не раз бывали у меня,— только тогда я скажу, что он начал жить полной умственной жизнью, вышел из состояния многовекового духовного сна. Пусть эти колебания и сомнения тяжко переживать, но зато потом они как гроза освежают душу» [63].

За долгие годы издательской деятельности Сытин выпустил много книг: и хороших, и плохих, и полезных, и бесполезных, и даже вредных с современной точки зрения. Было время, когда все сделанное им огульно охаивалось. Для наших дней скорее характерна другая крайность, мы напрочь забываем о «Ванькиной литературе», выпущенной в бесчисленном множестве «Товариществом И. Д. Сытина». А если и вспоминаем, то не иначе, как с тем, чтобы доказать, что в этом нет вины самого Сытина, а есть результат деятельности членов «Товарищества», «всех тех полуграмотных людей, для которых торговля книгами этото же, что и торговля калачами» [64].

Конечно, Иван Дмитриевич не был причастен к выпуску каждой книги, изданной его фирмой, но ответственность за общее ее направление как ее глава, безусловно, нес. Другое дело, что за прошедшие шестьдесят пять лет оценка ряда явлений кардинальным образом изменилась. Будучи верующим человеком, Сытин относился к изданию житийной и духовно-нравственной литературы совсем не так, как читатель этой книжки, и искренне считал, что проповедь христианской морали имеет воспитательное значение.

Гораздо сложнее было его отношение к выпуску так называемой народной литературы. Истинную ей цену он знал хорошо, в чем не раз откровенно признавался. «Хотя работа над лубочной книгой,— писал Сытин,— и составляла мою профессию с детских лет, но все изъяны Никольского рынка я очень хорошо видел. Чутьем и догад-

кой я понимал, как далеки мы были от настоящей литературы и как переплелись в нашем деле добро и зло, красота и безобразие, разум и глупость»[65]. Тем не менее «Бова Королевич», «Еруслан Лазаревич», «Кидрила обжора» и т. п. выпускались вплоть до Октябрьской революции и были любимым чтением сотен тысяч полуграмотных людей. Причем выпускались сравнительно высокими для тех лет тиражами (средний тираж одного названия составил к 1910 г. около 57 тыс. экз.). Представляется, что издание такого рода книг предпринималось из-за их безусловной прибыльности. Правда, само же «Товарищество» противопоставляло лубочной литературе немало различных изданий, в том числе и разнообразные календари, попадавшие в значительной части к читателям того же самого «Бовы Королевича». Но если тираж общего выпуска календарей с 1892 по 1909 г. перекрывал тираж религиозно-нравственной и лубочной литературы, вместе взятых (соответственно 56 млн. экз. и 52,7 млн. экз.), то тиражи научно-популярной и просветительской литературы им намного уступали. Сомнительно бытующее и по сей день мнение, что «Товариществу» «издание календарей почти не приносило дохода»[66]. Даже, если согласиться с тем, что «прибыль от них приблизительно равнялась себестоимости», то при миллионных тиражах доходы должны были быть достаточно высокими. Это тем более верно, что соотношение себестоимости издания и прибыли от него не постоянно. Сытинские выкладки, на которые ссылались авторы цитированной книги, сделаны по памяти, да и касались одного «Всеобщего календаря». Естественно предположить, что себестоимость, например, отрывного календаря значительно меньше (так же, впрочем, как и цена), но зато тираж его достигал 3 млн. экз. Следует принять в расчет еще и доходы от рекламных объявлений, помещавшихся на страницах некоторых календарей, престижный момент и т. п., чтобы убедиться в известной каждому издателю истине: всегда и везде массовый выпуск календарей был выгодным, доходным делом, и сытинские календари — не исключение.

По переписи 1897 г., самым распространенным в России языком был русский. Родным его признавало 47% населения страны (55,4 млн. человек). Большая часть русского населения проживала в сельской местности и в небольших городах. Именно для этой категории читате-

лей сытинские календари являлись одним из основных источников информации и одновременно своеобразной энциклопедией практических знаний. Объяснялось это тем, что книги все еще оставались недоступными для основной части жителей страны. «Книга дорогой была, с нашей точки зрения, даже в начале XX в. ...Соотношение цен на книги и цен на товары первой необходимости и продукты питания резко отличались от сложившихся и ставших привычными в настоящее время»,— справедливо отмечал один из современных исследователей[67].

Вероятно, самому Ивану Дмитриевичу показалась бы кощунственной мысль о том, что его календари с успехом заменяли крестьянину библию, ту самую «книгу книг», которая (пусть в дешевом издании) имелась в доме каждого немецкого бюргера. В России царское правительство намеревалось, но так и не выпустило действительно дешевое ее издание. Правда, еще в 80-е гг. в высших сферах появилось желание издать для народа дешевую иллюстрированную библию на русском языке. Обер-прокурор Синода Победоносцев поручил исполнить для нее рисунки художнику Н. А. Кошелеву, но дальше эскизов дело не пошло. Иллюстрированные библии стоили очень дорого, а дешевая синодальная была трудна для чтения полуграмотному крестьянину из-за мелкого шрифта.

Сытинский же календарь стоил дешево, содержал все необходимые христианину сведения, давал массу практических советов, помещал немало поучительных историй. Из-за последних, правда, нет-нет да и случались неприятности.

26 июля 1908 г. Московский комитет по делам печати обратил внимание прокурора судебной палаты на очередной выпуск «Всеобщего русского календаря». По мнению председателя комитета, календарь содержал «в себе сведения, явно направленные к возбуждению читателей, т. е. массы народной против правительства при посредстве заведомо ложных толкований его действий и против существующего у нас строя».

Крамола усматривалась в указании на непомерные налоги на чай, бессмысленность обсуждения бюджета в Государственной думе после его утверждения царем, когда он уже не подлежал корректировке. В частности, по этой причине Дума не смогла сократить расходы по министерству внутренних дел, хотя и добивалась этого. От-

мечалось, что министерство финансов растрачивает непомерные средства «на выдачу таких наград, пенсий и пособий высшим сановникам, которые ничем нельзя оправдать». И наконец, правительство прямо обвинялось в спаивании собственных подданных.

Произведя статистические выкладки, автор заметки приходил к весьма печальному выводу, что в 1907 г. каждый мужчина старше 20 лет в среднем выпил два с половиной ведра водки [68].

Рассмотрев ходатайство, прокурор московской судебной палаты вынужден был отменить арест, наложенный на календарь, и прекратить преследование его издателей, так как они использовали официально опубликованные данные.

Недовольство сытинскими календарями высказывали и откровенные черносотенцы. Совет Ярославского отделения Союза русского народа обратился в Главное управление по делам печати с требованием «привлечь „Товарищество И. Д. Сытина" к ответственности за распространение злонамеренных сведений, имеющих целью вызвать смуту в народе и поколебать один из основных устоев Российской империи». Речь шла о том, что в двух выпусках «Всеобщего русского календаря», вышедших после революции 1905 г., Россия была названа «ограниченной монархией», а в третьем просто «монархией», в то время как для «охранителей устоев» «неограниченное самодержавие государя императора осталось таким же, каким было встарь» [69].

Ответа на этот иск не последовало.

Далеко не всегда преследования кончались столь благополучно. «В течение сорока лет издательской деятельности в дореформенное время,— писал защищавший интересы „Товарищества" известный юрист Сергей Иванович Варшавский,— И. Д. Сытин испытал на себе действие всех орудий цензурного гнета, но был избавлен от скамьи подсудимых. С провозглашением свободы печати и эта чаша не миновала его» [70].

Мало кому известно, что в 1907 г. Сытин осуществил, наконец, свою давнюю мечту и напечатал книгу Герцена «Движение общественной мысли в России», снабдив ее портретом автора и приложив к ней его же статью «О сельской общине в России». Однако издание было задержано. Пятилетние безуспешные попытки снять запрет с книги не привели к положительному результату. 4 ап-

реля 1913 г. московская судебная коллегия постановила «издание означенной брошюры уничтожить»[71].

Две другие из подвергнувшихся аресту брошюр входили в предназначенную для народного чтения серию «Религиозно-общественная библиотека» и обвинялись ни много ни мало как в призыве к ниспровержению существующего строя. Книжка А. В. Амфитеатрова «Фантастическая правда» повествовала о вполне реальных событиях — подавлении революционного движения 1905 г. В «Ежегоднике внешкольного образования» власти усмотрели призыв к созыву Учредительного собрания и т. д.

Самые серьезные обвинения были предъявлены к составленному П. Г. Сенниковским «Полному словарю иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке», вернее, к приданному ему дополнению, имевшему несколько иное заглавие — «Современный общественно-политический и экономический словарь». В последнем содержались объяснения таких терминов и понятий, как «социал-демократическая партия», «диктатура пролетариата», «капитализм», «социалистическое общество», «социальная революция» и т. п. Причем «социализм» аттестовался «единственным общественным строем, способным установить свободу, равенство и гармоническое существование всех людей и каждой отдельной личности...»

По приговору московского окружного суда большая часть тиража книги была уничтожена, автор словаря приговорен к году крепости, редактор (Н. В. Тулупов) и издатель (И. Д. Сытин) — оправданы.

Наиболее важную роль в просвещении народа сыграли изданные фирмой многочисленные учебники и различного рода пособия, предназначенные в основном для начальной школы. Только за десять лет (с 1899 по 1909 г.) «Товарищество» выпустило их тем же тиражом, что и всю изданную за этот период житийную и религиозно-нравственную литературу (18,7 млн. экз.).

Сама по себе цифра — 431 название — настолько внушительна, что деятельность Сытина в этой области трудно сравнить с работой остальных русских дореволюционных фирм, выпускавших учебную литературу. Современники считали, что учебники Вахтерова, Тулупова, Шестакова, Алчевской, Панова, Соколова и некоторых других авторов составили эпоху в школьном деле, и отмечали наряду с высоким качеством их удивительную дешевиз-

ну. Например, пособия из серии «В помощь народной школе» стоили от 3 до 5 к.

Весьма характерно и другое обстоятельство: значительная часть учебников предназначалась для лиц, занимающихся самообразованием. Поскольку выпуск азбук и букварей возрастал год от года (в 1909 г. их общий тираж превышал 2 млн. экз.), можно сделать вывод о их несомненном успехе.

К составлению учебников и пособий был привлечен ряд педагогических коллективов, передовые учителя, крупные ученые и специалисты. Наибольшей популярностью пользовались серии пособий «Библиотека для школьного и внеклассного чтения», выходившая под редакцией проф. П. Н. Сакулина, «Историко-литературная библиотека» под редакцией проф. А. Е. Грузинского, «Библиотека новой школы» под редакцией Н. В. Тулупова и П. В. Шестакова, пособия проф. Д. Н. Овсянико-Куликовского и проф. Ф. Ф. Зелинского, издания, подготовленные Исторической комиссией учебного отдела «Общества распространения технических знаний» (С. П. Мельгунов, В. А. Петрушевский, А. А. Кизеветтер, П. Н. Милюков и др.).

В какой-то мере эти пособия смыкались с литературой по самообразованию («Книги для взрослых» Х. Д. Алчевской, серия популярных изданий Московского общества народных университетов, «Московская экономическая библиотека» под ред. проф. А. А. Мануйлова и др.), продолжавшей славные традиции знаменитой рубакинской серии. Завершилось это направление в деятельности «Товарищества» выпуском многотомной «Народной энциклопедии научных и прикладных знаний», подготовленной Харьковским обществом грамотности под ред. проф. В. Я. Данилевского. Материал в энциклопедии располагался в систематическом порядке, представляя собой как бы круг знаний, необходимых широкому читателю.

Наряду с «Народной энциклопедией...» Сытин выпустил еще две энциклопедии, сыгравшие важную роль в развитии отечественной культуры. Об одной из них следует рассказать подробнее.

Несмотря на свидетельство самого Сытина, вряд ли идея издания «Военной энциклопедии» принадлежала ему. Иван Дмитриевич был очень далек от военной среды, да и военное ведомство не покровительствовало ему

в распространении изданий «Товарищества». «Ваши издания совершенно неизвестны в военном ведомстве, по крайней мере за 18 лет моей офицерской службы я их нигде не встречал»,— писал в 1909 г. Сытину один из его корреспондентов, занимавшийся обучением солдат грамоте и очень высоко оценивающий сытинские издания. Предлагая Ивану Дмитриевичу «завоевать этот рынок», он рекомендовал ему «выпустить объявление или маленький каталог специально для войск и разослать его непосредственно в полки», при этом он советовал тщательно избегать всего, что «могло бы показаться партийным, особенно „левым“». Сытинская литература должна была помочь развитию 400 000 ежегодно поступающих на службу молодых людей, чем, по мнению автора письма, «будет сделан немалый шаг по пути к всеобщему обучению» [72].

Письмо чрезвычайно заинтересовало Сытина (об этом можно судить потому, что оно сохранилось в его архиве). И когда в 1910 г. группа офицеров предложила ему поддержать их инициативу, издать «Военную энциклопедию», он дал свое согласие. «Мы затеяли «Военную энциклопедию» для того, чтобы насколько возможно сблизиться с военной властью и для того, чтобы... через эту армию проникнуть в библиотеки военных масс и там внедрить народные книги... Издавая такую энциклопедию, мы имели в виду заручиться насколько возможно большим количеством лиц, которые могли бы составить большую серию изданий и дать возможность свободно проникнуть в армию»,— откровенно признавался Иван Дмитриевич [73].

До Сытина эта группа офицеров, как свидетельствует близкий ему журналист М. К. Соколовский, обращалась с аналогичным предложением к Владимиру Антоновичу Березовскому, монополисту в области издания военной литературы. Начав почти одновременно издательскую деятельность, Сытин и Березовский никогда не конкурировали друг с другом, их пути не пересекались. Березовский отказался от издания военной энциклопедии, вероятно, не только из-за громадной суммы предстоящих затрат, но и, возможно, из-за скрытого противодействия военного министерства, неодобрительно относившегося к членам инициативной группы, образовавшей ядро редакции. В редакцию входили генштабист В. Ф. Новицкий, военный юрист В. А. Апушкин, военный инженер

А. В. Шварц, морской офицер Г. К. Шульц. Вскоре к ним присоединились редактор военной газеты «Русский инвалид» А. А. Беляев, проф. Николаевской инженерной академии генерал-лейтенант К. И. Величко (впоследствии ставший редактором энциклопедии) и некоторые другие лица.

Всех этих сравнительно молодых офицеров в военной среде не без иронии называли «младотурками», поскольку они были сторонниками новой военной доктрины. В отличие от военного министра В. А. Сухомлинова никто из них не сомневался в предстоящей войне с Германией, поэтому они заранее разрабатывали планы будущей кампании. Самым скептически настроенным критикам энциклопедии вскоре стало ясно, что эти «Вольтеры от бастионов и Д'Аламберы от шрапнелей» решили «прорвать военную рутину и влить в закаменелую толщу армии струю новаторства» [74].

Сытинская энциклопедия была третьей по счету русской военной энциклопедией. Первая из них — «Военный энциклопедический лексикон», составленный генерал-лейтенантом Л. И. Зеделлером,— вышла вторым изданием в 1852—1858 гг. Первый том второй «Энциклопедии военных и морских наук» под редакцией проф. Академии генерального штаба генерал-лейтенанта Г. А. Леера вышел через четверть века, в 1883 г., а завершилось это издание лишь в 1895 г. Желая сделать «Энциклопедию военных и морских наук» доступной «для каждого офицера», редактор в три раза сократил объем по сравнению с «Военным лексиконом», чем значительно ее удешевил. Правда, и при этом цена оставалась сравнительно высокой — каждый из 14 томов стоил 3 р. (Выпустил эту энциклопедию Березовский.)

«Мысль о новой энциклопедии возникла у нас (т. е. в России.— *Е. Д.*) в последнее время во многих кругах военных, однако она не могла бы стать на путь осуществления, если бы столь полезному делу не пришел на помощь типично русский человек И. Д. Сытин,— писал один из ее редакторов полковник Апушкин.— Далекий в данном случае от каких-либо коммерческих расчетов, он взглянул на него как на высоко патриотическое дело, которому выразил готовность служить своими солидными средствами на самых широких началах» [75].

Днем начала работ следует считать 27 апреля (10 мая) 1910 г., когда в помещении редакции на углу Нев-

ского проспекта и Б. Морской был отслужен посвященный этому событию торжественный молебен. Одновременно с русской «Военной энциклопедией» подобные издания были предприняты во Франции и Германии. Европа готовилась к войне.

В 1915 г. вышел том 18 энциклопедии; три следующих тома так и остались в рукописи. По иронии судьбы издание было приостановлено на печально известном слове «Порт-Артур».

Об актуальности сытинского начинания можно судить хотя бы по тому, что почти одновременно, в 1911 г., В. П. Рябушинский издал сборник «Великая Россия», второй том которого был целиком посвящен необходимости реформирования армии и флота. Это издание являлось, по существу, декларацией правых кадетов по военным вопросам. Его авторами выступали такие видные деятели кадетской партии, как П. Б. Струве, Г. Н. Трубецкой, проф. С. А. Котляревский, проф. Л. Н. Яснопольский. В отличие от авторов этого сборника редакция сытинской энциклопедии состояла из военных и потому рассматривала ее как чисто профессиональное издание. Необходимость в новой энциклопедии объяснялась тем, что после поражения в русско-японской войне особенно остро стала ощущаться потребность в издании, объединившем в себе все важнейшие сведения по разным отраслям военного и военно-морского дела.

В обращении к читателю редакция обещала дать «материал для всестороннего и верного суждения о современном состоянии военного дела в его теоретических положениях и практическом осуществлении», осветить «все вопросы, связанные с бытием вооруженных сил», популяризируя «знания, необходимые как воину, так и гражданину» (т. 1, с. III).

Как современники, так и советские историки единодушны в высокой оценке сытинской энциклопедии. По их мнению, она стала настольной книгой не только офицеров, но и гражданских лиц, явилась важнейшим пособием для библиотек армии и флота.

Все рецензенты отмечают грандиозность замысла. «Военную энциклопедию» намечалось выпустить в 23 томах общим объемом около 500 печатных листов (вышедшие тома составляют 80% всего издания). «По сравнению с энциклопедией под редакцией Леера новая энциклопедия имела ряд преимуществ,— пишет один из иссле-

дователей.— Авторы отказались от помещения сведений, относящихся к разряду „вспомогательных знаний", что позволило более обстоятельно изложить статьи чисто военного характера. Они стремились к подробному рассмотрению вопросов, связанных с иностранными армиями (особенно наиболее вероятных противников — Германии и Австро-Венгрии): при этом события и факты излагались не только с „русской, отечественной" точки зрения, как это имело место в энциклопедии Леера, но так же с „общей наукой". Кроме этого, включались понятия, „отражающие военно-общественные явления жизни" и необходимые офицеру знания по „общественности и государственности". Текст печатался без особых сокращений, вследствие чего статьи читались значительно легче, чем в предыдущих энциклопедиях. Издание широко иллюстрировалось рисунками, портретами, картами, чертежами, схемами и диаграммами» [76].

Этот же автор указывает и на существенные недостатки энциклопедии: многие статьи были написаны в духе великодержавного шовинизма, прославляли внешнюю и внутреннюю политику царизма, в том числе и его захватнические войны. Много внимания уделялось биографическим справкам о сановных лицах, ни словом не упоминалось о крестьянских войнах под руководством Разина, Пугачева, восстании декабристов и т. д. Многие описания войн сводились к мелочному перечислению фактов без соответствующего анализа. Встречались ошибки, далек от совершенства библиографический аппарат (подчас указывалась случайная и устаревшая литература). Не всегда язык статей отличался точностью и ясностью (на последние недостатки указывали уже современники, считавшие также, что значительная часть биографических статей не представляет интереса, обращалось внимание на различный характер изложения материала в однотипных статьях и т. д.). И тем не менее «Военная энциклопедия» стала событием, способствующим развитию отечественной военной мысли.

Не менее значительна и третья из выпущенных Сытиным энциклопедий. Вспоминая о книгах, сыгравших в ее жизни важную роль, советская писательница Вера Панова отмечает «Детскую энциклопедию»: «Прекрасное издание, из него я узнала много нового — до сих пор помню, как лепят глиняную посуду, как делают сахар из тростника и свеклы и еще много всякой всячины» [77].

Десятитомная «Детская энциклопедия» (1913—1914), выпущенная «Товариществом И. Д. Сытина», составлялась по образцу английской, но в ней широко был представлен материал из отечественной жизни. К ее редактированию были привлечены известные в то время ученые — профессора Ю. Н. Вагнер, И. П. Козловский, С. И. Метальников, не менее известные популяризаторы науки и видные общественные деятели — шлиссельбуржцы Н. А. Морозов и М. В. Новорусский и др. «Детская энциклопедия» имела исключительный успех и очень быстро разошлась.

Изданию детской литературы «Товарищество И. Д. Сытина» уделяло особое внимание. Только за десять лет — с 1899 по 1909 г.— оно выпустило 272 названия общим тиражом 4,5 млн. экз. Причем из года в год качество выпущенных книг улучшалось, а номиналы снижались.

Руководил редакцией детской литературы вначале Н. В. Тулупов, потом сын Сытина — Василий Иванович. Некоторое время активное участие в издании книг для детей принимала переводчица А. В. Погожева, хорошо знавшая западноевропейскую литературу. Все они были люди со вкусом, с любовью относившиеся к делу. И тем не менее книги, предназначенные юному читателю, наиболее часто подвергались резкой критике со стороны передовой интеллигенции (в частности, друзей самого Тулупова — Н. А. Рубакина и П. В. Шестакова).

Вспоминая о своих первых книжках, Маяковский помянул и небезызвестную «Птичницу Агафью», принадлежащую перу наиболее часто печатаемой «Товариществом» писательницы Клавдии Лукашевич, добавив при этом, что «если б мне в то время попалось несколько таких книг — бросил бы читать совсем»[78]. В этой шутке заключалась горькая истина. Даже для своего времени имя Лукашевич было одиозно.

Потрафляя вкусам мещанской массы, «Товарищество» в больших количествах печатало в Германии для маленьких читателей так называемые рождественские издания. Выпущенные в виде кукол, зверюшек, цветов, обернутых в глянцевую бумагу, они содержали назидательные сентенции или незамысловатые стишки, о содержании которых мало кто заботился. (Правда, именно эти издания стали прародителями пользующихся в наши дни завидной популярностью «книжек-игрушек».)

Наряду с такого рода изданиями выпускалось немало и хороших книг, оставивших добрую память в сердцах читателей. Не следует забывать, что почти одновременно с книжками Л. Блока вышли и «Аленушкины сказки» Д. Н. Мамина-Сибиряка, несколько книжек С. Городецкого, Саши Черного, П. Засодимского, Марко Вовчок, С. Дрожжина, К. Баранцевича, знаменитые «Дедушкины сказки» Макса Нордау, «Сказки природы» Карла Эвальда и другие книжки, пользовавшиеся заслуженным успехом.

Значительный интерес представляли многочисленные издания сказок всех времен и народов, адаптированные издания шедевров мировой литературы (иногда и переделок): «Приключения Дон Кихота» М. Сервантеса, «Путешествие Гулливера» Д. Свифта, «Робинзон Крузо» Д. Дефо, «Хижина дяди Тома» Г. Бичер-Стоу, «Принц и нищий» Марка Твена. Под маркой «Товарищества» (в основном в качестве приложения к журналу «Вокруг света») вышли книги и собрания сочинений Вальтера Скотта, Фенимора Купера, Чарльза Диккенса, Альфонса Додэ, Александра Дюма, Редьярда Киплинга, Жюля Верна, Майна Рида, Эдгара По, Герберта Уэллса, Эрнеста Сетон-Томпсона и др. Благодаря своей дешевизне они успешно противостояли так называемой «сыщицкой» литературе, наводнявшей в те годы книжный рынок. Это дало право одному из знатоков книжного дела с полным основанием отметить, что многие из сытинских изданий, предназначенных для детей, отличались не только «необычайной дешевизной», но и «незаурядными достоинствами»[79].

Научно-популярная литература для детей, изданная Сытиным, стоила намного дешевле аналогичных изданий, выпущенных фирмами М. О. Вольфа, А. Ф. Маркса, А. Ф. Девриена и, следовательно, была более доступна демократическому читателю. Обычно из числа подобных книг выделяют произведения Н. А. Рубакина, книгу проф. Д. Н. Кайгородова «С детьми о птицах», «Как Юра знакомился с жизнью животных» А. Л. Бостром, «Четыре времени года» Е. К. Диц.

Оценить, даже перечислить названия всех изданных Сытиным книг невозможно. Потребовалась бы еще одна книжка, не уступающая этой по объему. Но, если нельзя в полной мере охарактеризовать репертуар изданий «Товарищества» за четверть века его существования, то мож-

но с уверенностью сказать, что наиболее примечательные из них обязаны своим появлением на свет самому Сытину. Так было с календарями, учебниками, изданием посмертного собрания сочинений Л. Н. Толстого и т. п.

Большую помощь оказал Сытин многим коллективам педагогов, ученых, военных специалистов в реализации их издательских начинаний. Так, еще в 1893 г. завязались у него тесные отношения с Комиссией по организации домашнего чтения, которая возникла при учебном отделе «Общества по распространению технических знаний». Входили в нее виднейшие ученые того времени: профессора В. И. Вернадский, А. А. Мануйлов, Н. А. Умов, П. Н. Милюков, А. А. Кизеветтер и др., ставшие авторами многих книг, выпущенных «Товариществом»: «Великая реформа», «Отечественная война и русское общество» и ряда других изданий, не находивших до этого издателя. Их закономерный успех — свидетельство ясного понимания Сытиным задач отечественного книгоиздания, умения уловить конъюнктуру, складывающуюся на книжном рынке.

Попытка увенчать дело своей жизни созданием «Дома книги» не была эфемерной мечтой чудака-капиталиста. Сытин не мыслил эту идею как лично ему принадлежащую. Для реализации своих планов он основал «Общество для содействия улучшению и развитию книжного дела в России». В чрезвычайно короткий срок Общество собрало более 1 млн. р. капитала и купило в Москве на Тверском бульваре обширное земельное владение, предназначенное для вполне конкретного дела — строительства «Дома книги». Сытину не удалось построить «Дом книги», но несбывшийся план — лишь штрих, раскрывающий его намерения и цели, помогающий понять, почему он оказался с народом в 1917 г.

Немало полезного сумело извлечь последующее поколение издателей из того бесценного, что создается только временем и трудом,— громадного опыта И. Д. Сытина. Когда в первые годы Советской власти возник вопрос о выпуске массовой литературы, учитывающей специфические особенности деревенского читателя, то многие близкие к этому делу люди прежде всего обратились к практике Сытина. «Свое детство я провел в деревне в глухих лесах Заволжья, среди почти первобытного народа, откуда ближайший город был в 40 верстах, к которому нужно было пробираться на скрипучих телегах беско-

нечными лесными дорогами и кривыми проселками полей, и первой книгой, которая доходила в эту глушь, был все-таки песенник и сказка. Эту потребность никто до сих пор не учел, а она сильна, и явись теперь новый Сытин, он наживет состояние»,— писал А. К. Воронскому, ведавшему выпуском художественной литературы в Госиздате, в апреле 1923 г. писатель М. Д. Артамонов, ратуя за издание советской лубочной литературы [80].

Совет не пропал даром, так появилась широко известная госиздатовская серия «Изба-читальня». Но деятельность Сытина в советский период — предмет особого разговора.

Четвертая ступень

Одну из автобиографических заметок, написанную в самый канун Февральской революции, Сытин назвал «Три ступени жизни», не предполагая, что судьба уготовила ему еще и четвертую. Однако по всей лестнице жизни он прошел достойно и честно, несмотря на крутизну ее ступенек.

Сотрудничества с Советской властью Иван Дмитриевич искал и активно к нему стремился. Когда после переезда правительства в Москву, Народный комиссариат просвещения решил возобновить деятельность «Научно-литературно-художественной комиссии по народному изданию русской и иностранной художественной литературы», то Сытин, единственный из старых издателей, принял участие в ее заседаниях [1]. Сотрудник Наркомпроса писатель Евг. Лундберг вспоминал, как обрадовался Иван Дмитриевич, когда речь зашла о его участии в издании учебников. «Я первый коммунар — если народ учить надо»,— говорил Сытин. В отличие от многих своих коллег, весьма скептически относившихся к предложению мемуариста образовать издательский синдикат с участием государства и частных издательств, он заявил: «Мне прибылей не надо. Мне бы только работать» [2].

Вопреки уверениям многих авторов, писавших о Сытине, он не был в числе лиц, добровольно передавших новой власти свое имущество. Впоследствии Иван Дмитриевич писал: «Я ничего не имею против национализации, по которой у меня взято: 17 книжных магазинов, 5 больших книжных складов, две большие типографии в Москве, одна в Петрограде и 1600 пудов бумаги». В списке национализированного достояния он перечислял только «большие» типографии и «большие» склады.

Тем не менее ему было нелегко понять происходящие события. «Теперь все идет вверх ногами...— писал он в январе 1918 г. своему старому знакомому А. Ф. Кони.—

Не знаю ни времени, ни покоя... Ужасный хаос, совершенно потерял память и мысли» [3]. Возраст, болезни, треволнения жизни, казалось, должны были подорвать его волю, но он нашел в себе силы, чтобы в час исторических для России испытаний, когда с отходящим миром рушились привычные связи и представления, остаться со своим народом. «Какая-то боязнь и неуверенность в ногах и голове, в общем организме какое-то революционное расстройство»,— иронизировал он над собой. И, несмотря ни на что, заканчивал письмо весьма знаменательной фразой: «Какая тяжелая ни была бы жизнь, но во всех видах она имеет свою прелесть и радость. Будем верить, и вера спасет» [4].

Революционные преобразования коснулись «Товарищества И. Д. Сытина» в той же мере, что и всех других капиталистических предприятий.

25 ноября 1917 г. Московский Совет рабочих депутатов реквизировал типографию «Московского товарищества издательств и печати» (Петровка, 26), фактически принадлежавшую Сытину, а спустя три дня секвестировал* типографию издаваемой «Товариществом И. Д. Сытина» газеты «Русское слово» вместе с находившимися на ее складах запасами бумаги и других материалов [5].

7 декабря 1917 г. Московский Совет признал «необходимым перенести печатание «Известий» и «Социал-демократа» в типографию «Русского слова», а через три недели -- 29 декабря — образовал по предложению «подрайона печатников-большевиков» коллегию из пяти человек, которой поручалось управление типографией и подбор штата [6]. Сытин оказался фактически отстранен от всякого влияния на ход дела.

Несколько ранее (10 декабря) Моссовет решил закрыть газету «Русское слово» за напечатанную на ее страницах заметку, в которой говорилось, что ставка Верховного командования была занята большевиками по указанию Германского штаба.

Все эти обстоятельства, по всей вероятности, и заставили Ивана Дмитриевича обратиться за помощью к В. И. Ленину. Какую роль сыграла беседа с Лениным в судьбе газеты «Русское слово», сказать трудно, но решение о закрытии газеты было практически отменено. Вер-

* Секвестр — запрет на использование частного имущества, налагаемый государственной властью в государственных интересах.

нее, редакции этой газеты было разрешено выпускать ее под другим названием («Новое слово», затем «Наше слово»).

О встрече В. И. Ленина с И. Д. Сытиным известно очень мало. Собственно только то, о чем поведал А. Р. Кугель со слов самого издателя [7].

Кугель писал воспоминания (и опубликовал их) еще при жизни многих действующих лиц, в том числе самого Ивана Дмитриевича. Впрочем, не является ли вещественным доказательством встречи хранящийся в личной библиотеке В. И. Ленина том, посвященный 50-летию издательской деятельности Сытина «Полвека для книги» с дарственной надписью юбиляра «Глубокоуважаемому Владимиру Ильичу Ленину. Ив. Сытин» [8].

К сожалению, дата на надписи не указана, и остается только предполагать, когда она была сделана. Однако из текста мемуаров Кугеля следует, что встреча состоялась в один из приездов Сытина в Петроград, т. е. до марта 1918 г., когда Советское правительство переехало в Москву. Имеется немало косвенных доказательств, подтверждающих не только сам этот факт, но и помогающих уточнить дату описываемого события.

Безусловно, имя Сытина было хорошо известно В. И. Ленину и до их беседы, но личное знакомство убедило Владимира Ильича в искренности намерений издателя. Об этом можно судить по распоряжению В. И. Ленина «Президиуму Совдепа, Союзу печатников и Сытину» от 25 февраля 1918 г. Хотя в нем и не указано, что оно адресовано именно Петроградскому Совету, в этом не приходится сомневаться. Ведь Москве в этот момент ничего не угрожало. Опасаясь наступления немцев на Петроград со стороны Эстонии, В. И. Ленин предлагал «немедленно эвакуировать возможно большее количество ротационных машин, линотипных машин и все необходимое для печатания материалов, все оборудование, рольную бумагу. Все, что возможно». Именно в этом документе прозвучали широко известные теперь ленинские слова: «Печатный станок — сильнейшее наше оружие» [9].

Поручая столь ответственное задание Сытину, Ленин вряд ли мог руководствоваться лишь тем обстоятельством, что он владелец крупнейшей петроградской типографии «Товарищества А. Ф. Маркс». Глава Советского правительства должен был быть уверен в нем в той же

мере, как и в других исполнителях, товарищах по партии.

Вскоре В. И. Ленин попытался привлечь Сытина к не менее важному делу. После переезда Советского правительства в Москву в бывшей типографии «Русского слова» стали печатать «Известия ВЦИК» и «Правду». Однако типография не справлялась с работой. Объяснялось это тем, что наиболее квалифицированные рабочие-печатники, находившиеся под влиянием меньшевистского профсоюза, саботировали распоряжения Советской власти.

Временно пришлось закрыть типографию, распустить рабочих и набрать новых членов большевистского профсоюза. В основном это были молодые, недостаточно квалифицированные печатники. Результаты не замедлили сказаться: заметно упала производительность труда, повысился брак, участились случаи нарушения сроков выхода газет.

Из-за организационных неурядиц не выполнялось решение о слиянии «Газеты рабоче-крестьянского правительства» с «Известиями ВЦИК». В ответ на запрос В. И. Ленина о причинах проволочки секретарь «Известий» В. Ю. Мордвинкин представил обстоятельную докладную записку. В записке говорилось о тяжелых условиях, в которые поставлена редакция из-за беспорядка, царящего в типографии [10]. Управляющий делами Совнаркома Вл. Д. Бонч-Бруевич, сам опытный издательский работник, доложил о затруднениях в выпуске правительственной газеты В. И. Ленину. Владимир Ильич распорядился немедленно организовать специальную комиссию для обследования типографии. 29 марта 1918 г. было обнародовано совместное постановление Совнаркома и ВЦИК «О создании комиссии для объединения „Газеты рабоче-крестьянского правительства“ и „Известий ВЦИК“ и выяснения работоспособности типографии „Русского слова“». В ее состав вошли нарком труда В. П. Ногин, Вл. Д. Бонч-Бруевич и В. Ю. Мордвинкин. Комиссии вменялось в обязанность использовать все технические средства типографии «в целях развития советской печати». Кроме того, ее члены уполномочивались вести «переговоры с владельцами типографии» в целях «урегулирования взаимоотношений» [11].

Ленин придавал работе комиссии большое значение. Пригласив к себе ее членов, он, как передает Бонч-Бру-

евич, «высказал пожелание, чтобы мы переговорили с владельцем типографии Иваном Дмитриевичем Сытиным и постарались выяснить, нужно ли его привлечь в качестве заведующего типографией с полной ответственностью за правильный выход газет. Причем, Владимир Ильич добавил здесь, что мы должны на каждом шагу разумно привлекать специалистов каждого дела (так в тексте.— *Е. Д.*), хотя бы были они и бывшие владельцы, если только они действительно добросовестно, без всяких задних мыслей пожелали бы стать на это дело. Должен вообще здесь заметить, что Владимир Ильич весьма хорошо относился к Ивану Дмитриевичу, ценя в нем огромный размах, огромные организаторские способности».

Сытин, по словам мемуариста, дал комиссии «исчерпывающие сведения» о состоянии дел, но переговоры не увенчались успехом, поскольку он, «как человек старого мира, прежде всего и более всего заботился, конечно, о самом себе, о своих долгах, о своих обязательствах, которые лежали на нем перед третьими лицами, а в дела нашей советской типографии вникал мало».

По мнению Бонч-Бруевича и, видимо, остальных членов комиссии, Иван Дмитриевич не подходил для намеченной роли и по возрасту, и по своим связям со старыми специалистами, которые враждебно относились ко всему новому и были скомпрометированы в глазах рабочих. «Для меня было несомненно, что душа его не лежит к той форме организации типографии, которая встречалась у нас»,— писал он, заканчивая воспоминания [12].

«Доклад о положении дел в типографии „Русского слова“», подписанный всеми членами комиссии, датирован 4 апреля 1918 г., тогда же он, вероятно, и был передан в Совнарком [13]. Изложенная в нем точка зрения не разделялась некоторыми членами правительства. Известно, что Луначарский придерживался иного взгляда по этому вопросу. По его соображениям, типографию «Русского слова» следовало возвратить Сытину и разрешить свободный выход газеты [14]. В развернувшейся во ВЦИК дискуссии по этому вопросу высказывались различные мнения [15]. Но в конце концов было решено все типографии, находившиеся к тому времени в ведении Моссовета, передать Полиграфическому отделу Совнархоза. На следующий день Президиум Моссовета в совместном заседаний с Малым Советом Народных Комиссаров Москвы и Московской области одобрил решение о конфискации

типографии «Русского слова» и отказался от услуг И. Д. Сытина «как организатора типографии» [16].

Возникает вопрос, почему, несмотря на то, что В. И. Ленин столь высоко ценил Сытина (а в точности воспоминаний Вл. Д. Бонч-Бруевича сомневаться не приходится, поскольку он никогда не питал симпатий к Ивану Дмитриевичу и видел в нем лишь издателя-капиталиста), а он в дальнейшем не стал организатором какого-нибудь издательского начинания. И тут невольно на память приходит рассказ Н. Д. Телешова, показавшийся настолько сомнительным, что им пренебрегли составители «Летописи жизни и творчества А. М. Горького». Речь идет о состоявшейся на квартире Е. П. Пешковой встрече Горького с Телешовым и Сытиным, на которой Алексей Максимович по поручению Ленина якобы уговаривал Ивана Дмитриевича стать во главе создаваемого Государственного издательства. По словам мемуариста, Сытин соглашался пойти на службу к Советской власти, но при условии, если во главе дела станет Горький, а он будет его помощником [17].

Точной даты приезда писателя в Москву в 1918 г. «Летопись» не указывает. Под рубрикой «Сентябрь, конец?» сообщается: Горький «посещает В. И. Ленина в Кремле». Но в это время ни о каком Госиздате не могло быть и речи; мысль о его создании зародилась намного позднее. В то же время достоверно известно, что до весны 1919 г., когда был образован Госиздат, Горький в Москву более не приезжал, и что на роль руководителя этого издательства Ленин прочил В. В. Воровского. Невольно закрадывается сомнение, не является ли этот эпизод плодом фантазии Телешова? Однако не следует спешить с выводами.

Если полистать московские газеты тех лет, то в одной из них можно обнаружить заметку «М. Горький и Советская власть» («Вечерние известия Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов», 1918, 17 сентября); в ней сообщалось: «Горький посетил тов. Ленина, с которым беседовал о своих взглядах на культурную работу Советской власти. Тов. Ленин отнесся к планам М. Горького с большим сочувствием». Затем говорилось, что писатель вошел в соглашение с издательством ЦК РКП «Коммунист» и предоставил ему право издания всех своих сочинений. Кроме того, он договорился с наркомом просвещения Луначарским «о плане культурной

работы в области издательства. Максим Горький взял на себя редактирование нового доступного для народа издания произведений всех наиболее значительных писателей русских и иностранных».

Все приведенные в заметке сведения точны: 4 сентября Горький заключил договор с Луначарским об образовании при Наркомпросе издательства «Всемирная литература»; 16 сентября коллегия издательства «Коммунист» решила направлять всю беллетристику для редактирования к А. М. Горькому. В следующем протоколе заседания коллегии издательства от 23 сентября 1918 г. Горький значится уже ее четвертым членом. Предложенный им план издания беллетристики был принят единогласно[18]. Следовательно, не так уж беспочвенны предположения, что с одним из этих начинаний связывалось и имя Сытина. По прошествии ряда лет Телешов мог и запамятовать, о каком точно издательстве шла речь. Скорее всего об издательстве «Коммунист», которое намеревалось развернуть под редакцией Горького выпуск беллетристики. Но планы эти так и не осуществились (переезд Сытина в Петроград, где должно было находиться издательство «Всемирная литература», вряд ли мог иметь место).

Задумываясь над тем, насколько реален этот эпизод, не надо забывать, что в описываемое время в распоряжении Сытина еще оставались две типографии в Москве, одна в Петрограде: основная на Валовой улице (ныне 1-я Образцовая), бывшая Коноваловой (Андроньевская, 22) и издательства «Товарищество А. Ф. Маркс» (ныне им. Е. Соколовой).

Трудно сказать, как отнеслось ближайшее окружение Сытина к его стремлению работать с Советской властью. Судьба раскидала его сотрудников по всей стране. Многие из них (Ф. И. Благов, А. В. Руманов, С. И. Варшавский, Г. С. Петров) эмигрировали. Те, кого всегда коробил демократизм Сытина, теперь открыто обвиняли его в подспудном большевизме.

В архиве В. В. Розанова (печатавшегося в свое время и в «Русском слове») сохранился черновик так, видимо, и не отправленного письма Ивану Дмитриевичу (набело была переписана лишь его первая часть). Если в известном своем произведении «Апокалипсис нашего времени» Розанов утверждал, что революция, а следовательно, и

гибель России подготовлены всем ходом развития русской литературы, то в письме он «уточнял» вину Сытина и его газеты «Русское слово», которая, как «и всякая печать русская, только и делали одно: провозила 30 лет Ленина в Петербург». В устах Розанова подобное обвинение не вызывает удивления, любопытно другое: вину эту он узрел прежде всего в том, что «такой гигант производительности, как И. Д. Сытин, заработавший горбом своим и мудростью своею миллионы и миллионы, издает газету, которая точно так, как и прочие газеты, отрицает собственность, капитал...» Доказывая гибельность всегдашних симпатий Ивана Дмитриевича к рабочему человеку, Розанов писал, что «рабочий есть просто выдуманная величина». По его мнению, он просто «иждивенец» и существует лишь потому, что «исполняет всякое дело, ему приказанное И. Д. Сытиным. За это ежедневно сыт и больше — ничего» [19].

Хотел того или не хотел Розанов, но он лишний раз указал на межу, всегда разделявшую его и ему подобных с крупнейшим издателем России.

Вопреки стенаниям Розанова изустная молва по-иному восприняла решение Сытина остаться в Советской России. Словацкий писатель-коммунист Иван Ольбрахт, посетивший вскоре после революции нашу страну, передавал услышанный им рассказ о том, как во время октябрьских праздников «явился к народным комиссарам Сытин и поздравил их с успехом. Сытин! Крупнейший издатель России и прежде один из богатейших ее людей. Он сказал: «У меня хватит средств, чтобы безбедно просуществовать до самой смерти. Но я не могу жить без работы. Если у Вас найдется для меня какая-нибудь, дайте мне ее» [20]. Может быть, этот апокриф тоже является отзвуком беседы с Лениным, трансформированным в многоустной передаче.

Весной 1918 г. в условиях сильнейшей хозяйственной разрухи особенно остро почувствовались признаки надвигающегося голода, для борьбы с которым мобилизуются все силы молодой республики. 13 мая в Москве вводится военное положение и, как в каждом прифронтовом городе, принимаются экстраординарные меры, призванные усилить контроль над оппозиционными органами печати. В качестве одной из них председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский оштрафовал издателя газеты «Наше слово» (так с апреля 1918 г. стало называться «Новое

слово») на 25 тыс. р. за публикацию статьи «Условия мирных переговоров с Россией», «содержащей ложные сведения с целью создать в широких массах панику»[21]. Но газета продолжает существовать. Более того, Московский Совет оказывает ей некоторую помощь. Вернее не газете, а Сытину, авторитетом которого она еще держится. 20 мая 1918 г. Бюро Президиума Московского Совета передало Ивану Дмитриевичу две старые малые ротационные машины и значительные запасы бумаги. Если учесть, что незадолго до этого, в начале апреля из принадлежавшей Сытину типографии «Товарищества А. Ф. Маркса» были вытребованы три наборных машины типа линотип, то за будущее газеты, казалось, не следовало беспокоиться[22].

Левоэсеровский мятеж 6 июля 1918 г. вызвал в ответ ряд репрессивных мер. В целях защиты завоеваний революции правительство закрыло все издававшиеся в Москве оппозиционные повременные издания. Отдел печати Моссовета разъяснял, что это постановление остается «в силе впредь до полного укрепления и торжества Российской Советской Социалистической Федеративной Республики». В дальнейшем частным лицам и организациям будут выдаваться права лишь на «выпуск политических периодических изданий, стоящих на платформе Советской власти»[23].

Возможно, Сытин первоначально еще надеялся возобновить издание газеты, поэтому только 15 августа по его инициативе созывается ликвидационное собрание «Нашего слова», на котором оглашается решение издателя уволить большую часть сотрудников немедленно, а другую ради «сохранения тех или иных должностей» оставить «временно на условиях получения сокращенного вознаграждения»[24].

Освободившись от всяких обязанностей по газете, Сытин целиком переключился на книгоиздание. Работа в типографиях не приостанавливалась ни на один день, хотя объем продукции значительно сократился. В 1918 г. Рабочая контрольная комиссия, проверяя кассу «Товарищества И. Д. Сытина», отметила, что на ее текущем счету находилось 1800 тыс. р.[25]

Иван Дмитриевич был рачительным хозяином: на складах «Товарищества» всегда хранилось какое-то количество бумаги и материалов (в том числе и остродефи-

цитного цинка), имелось богатое клишехранилище, его основная типография была укомплектована высококвалифицированными рабочими (к моменту революции в ее штатах числилось свыше 1000 человек). Но все эти запасы быстро таяли, печатники подлежали мобилизации, как и другие рабочие, некоторые из них из-за голода покидали Москву. Не нужна была новому читателю значительная часть традиционной продукции: религиозная и лубочная литература; государство монополизировало выпуск календарей. После Февральской революции пришлось уничтожить все находившиеся в производстве календари. А к марту 1917 г. было выпущено 900 тыс. экз. различных календарей на 1918 г., так как они обычно печатались на протяжении всего предшествующего года [26]. Их судьбу разделили и все последующие заводы, находившиеся в производстве вплоть до ноября 1917 г.

Практически для Сытина оставалась возможность переиздавать лишь учебники и детские книги, так как для издания новых произведений он не имел прочных связей с научными кругами и современными писателями. Та группа историков и литературоведов, с помощью которых он выпустил свои знаменитые юбилейные и серийные издания, создала собственное издательство «Задруга» и активно расширяла его деятельность. Новые авторы к Сытину не шли. К тому же из-за малочисленности рядов партийных литераторов и публицистов Президиум ВЦИК 20 июля 1918 г. обязал всех авторов, стоящих «на платформе Советской власти», предлагать рукописи в первую очередь Издательству ВЦИК, партийному издательству «Коммунист» или же издательству Петросовета, и только в случаях их отказа передавать другим издательствам [27].

В учебниках же Наркомпрос был чрезвычайно заинтересован. Указать, сколько их было издано Сытиным в 1918 г., очень трудно по той простой причине, что архив «Товарищества» не сохранился, а «Книжная летопись» в те годы велась без должной тщательности, да и издательства далеко не всегда правильно указывали выходные сведения. Во всяком случае только для начальной школы было издано не менее 30 названий учебников. По всей видимости, они учитывали требования советской школы. Так, например, на титуле широко известного «Русского букваря» В. П. Вахтерова указывалось, что он предназначен «для обучения письму и чтению по новой

орфографии». Тиражи завода колебались в пределах от 5 до 100 тыс. экз. и определялись, вероятно, не столько потребностью в них, сколько обстоятельствами. Было выпущено также несколько учебников для средней и высшей школы.

Во всех случаях «Товарищество И. Д. Сытина» выступало в роли контрагента Наркомпроса, охотно приобретавшего даже остатки предшествующих изданий учебников.

Известно, что в июне 1918 г. Наркомпрос ассигновал 100 тыс. р. на проведение конкурса учебной литературы и потребовал от всех издательств и книгопродавцев сведения о ее наличии. В числе первых из намеченных к переизданию дореволюционных учебников оказался «Букварь» Тулупова, а все три части «Букваря» Вахтерова были взяты Наркомпросом на специальный учет [28].

По-прежнему издавались русские народные сказки, предназначенные самым юным читателям. Это были перепечатки старых изданий, но выходили они значительным для того времени тиражом от 6 до 10 тыс. экз. До сих пор некоторые из них пользуются особой популярностью у детей («Белоснежка», «Волк и семеро козлят», «Колобок», «Лиса, заяц и петух», «Медведь и пряничная избушка», «Морозко», «Сестрица Аленушка и братец Иванушка» и др.).

Произведения классиков были национализированы и лишь в исключительных случаях их разрешали выпускать кооперативным и частным издательствам. Так, в 1918 г. «Товариществу» удалось выпустить «Первую русскую книгу для чтения» Л. Н. Толстого тиражом в 20 тыс. экз., но тираж «Второй русской книги для чтения» составил всего 7 тыс. экз. Сытину ничего не оставалось, как переиздавать всевозможные сборники («Детский мир в рассказах и картинках», «Весна и лето в деревне», «Осень и зима в деревне», «Лето в Крыму», «Золотое детство»).

Выпуск книг для детей находился под контролем особой Коллегии по детской литературе при Отделе печати Моссовета (1919—1921 гг.), которая просматривала списки книг, подготовленных к печати частными и кооперативными издательствами. Коллегия, руководствуясь программой, предложенной А. М. Горьким, поощряла издание сказок и особенно детской классики. Она одобрила изданные Сытиным «Библиотеку сказок» и книги «Ро-

бинзон Крузо» Дефо, «Хижина дяди Тома» Бичер-Стоу, «Дон Кихот» Сервантеса, «Путешествия Гулливера» Свифта и др. Все эти книги еще до революции неоднократно переиздавались «Товариществом И. Д. Сытина».

Поощрялся и выпуск научно-популярной литературы для детей. Так, в мае 1920 г. Коллегия утвердила 13 из 14 книг, подготовленных издательством Сытина. Среди них «Возникновение одежды» Б. Ф. Адлера, «Кто выдумал железную дорогу» А. В. Архангельского, «Как люди научились писать» В. А. Висковатого, «От лучины к электричеству» Е. И. Чижова, «Рассказ о подвигах человеческого ума» Н. А. Рубакина. До этого вышла книга одного из старейших авторов «Товарищества» С. Батина «Как Миша попал на фабрику», «Детство знаменитых людей» М. В. Ямщиковой и др.

Зимой 1920 г., когда деятельность «Товарищества И. Д. Сытина» была временно приостановлена, многие подготовленные им издания вышли под маркой Госиздата[29].

Отмечая получившие одобрение общественности детские книги, выпущенные Сытиным после революции, нельзя не сказать, что одновременно и гораздо большими тиражами печатались печально известные опусы старых авторов — Клавдии Лукашевич и Лидии Чарской, пятым изданием вышел «Маленький лорд Фоунтлерой» Ф. Бернета.

Переиздания преобладают и в репертуаре книг 1917—1919 гг., предназначенных для широкого читателя: «Самоучитель шитья обуви» В. К. Хрущева (тираж 5 тыс. экз.), «Артельный труд» Б. Воропаева (10 тыс. экз.) и... хорошо знакомая, только переиначенная в названии «Сказка о Еруслане Лазаревиче» (12 тыс. экз.), «Новый и самый полный сонник» (10 тыс. экз.), «Миллион снов. Новый и полный сонник» (15 тыс. экз.), составленный К. В. Лебедевым «Альбом картин по священной истории нового Завета» (5 тыс. экз.)... Всего примерно 75—80 названий. В следующем году число названий резко сократилось, постепенно сходя на нет. Даже такой активный защитник частного книгоиздания, как Н. Витязев, не упомянул Сытина, когда перечислял в 1921 г. активно действующие в Советской России издательства.

Причиной этому была проведенная Моссоветом в октябре 1918 г. муниципализация книжного дела, фактически приостановившая деятельность «Товарищества

И. Д. Сытина». Муниципализация книжного дела была поспешным, непродуманным актом, не согласованным ни с одним из заинтересованных ведомств, даже с таким, как Наркомпрос. Политический эффект первых мероприятий был слишком кратковременен. Отделу печати удалось открыть два десятка книжных магазинов и установить твердые цены на книги, но очень скоро запасы оказались исчерпанными и магазины один за другим пришлось закрыть.

На основании принятого Моссоветом постановления 2 июня 1919 г. Городской Совет народного хозяйства муниципализировал в числе прочих и типографию Коноваловой (Андроньевская, 22), принадлежавшую Сытину [30]. Следует сказать, что в дальнейшем примеру Московского Совета последовал Петроградский. В феврале 1920 г. Петросовет муниципализировал ряд частных издательств, в том числе и «Товарищество А. Ф. Маркса», фактическим владельцем которого был Иван Дмитриевич.

Несколько раньше, в апреле 1919 г., Совнарком принял постановление, непосредственно касающееся «Товарищества И. Д. Сытина». В нем рекомендовалось «изъять из продажи все книжные издания фирм Сытина, Морозова, Сизякова, Леухина и др., не отвечающие потребностям и задачам современной пролетарской культуры» [31]. Речь шла о лубочной литературе, книгах религиозного характера, оракулах, сонниках и т. п., в значительном количестве скопившихся на складах в результате муниципализации московских издательств.

И все же нельзя не заметить попытки Сытина найти новых авторов, организовать выпуск актуальной для времени литературы. В этом плане его бесспорной заслугой перед отечественной культурой является издание произведений революционера и публициста Петра Алексеевича Кропоткина.

П. А. Кропоткин возвратился из эмиграции в начале 1917 г. Советское правительство стремилось оказать ему всяческое содействие в литературных занятиях. П. А. Кропоткину предложили выпустить сочинения в одном из советских издательств, но Кропоткин выбрал И. Д. Сытина как наиболее авторитетного и уважаемого издателя. «Когда он,— вспоминая о Кропоткине, говорил Сытин,— приехал в Россию, то на пятый день я поехал к нему в Кремль... Он вынес мне произведения и говорит: «Вот зачем нужен Сытин» [32].

Первое письмо Кропоткина Сытину, датированное 22 марта (3 апреля) 1918 г., начинается еще официальным «Многоуважаемый Иван Дмитриевич», в третьем — от 16(29) сентября обращение звучит уже чисто дружески: «Дорогой Иван Дмитриевич...» [33] В первом письме Кропоткин предлагал Сытину заключить обусловленный ранее контракт. Из третьего письма явствует, что им уже подписаны чистые листы и оглавление книги «Поля, фабрики и мастерские. Промышленность, соединенная с земледелием, и умственный труд с ручным» и передана для издания другая книга — «Взаимная помощь среди животных и людей, как деятельная сила в прогрессивном развитии» (факт издания не установлен).

Тон этого письма свидетельствует об искренней теплоте, которой проникнуты отношения автора и издателя.

В том же 1918 г. Сытину удается выпустить первый и второй тома собрания сочинений Кропоткина, куда вошли «Записки революционера» и статьи, посвященные французской революции 1789—1793 гг. (тираж 5 тыс. экз.). Но затем события стали развиваться не так, как предполагал издатель. Поначалу Сытин рассчитывал получить под издание «Взаимной помощи» аванс и ордер на бумагу от Отдела печати. Но не получив ни того ни другого, вынужден был печатать книгу тиражом не 50 тыс. экз., как он хотел раньше, а 10 тыс. экз. Таким же тиражом он переиздал второй том собрания сочинений Кропоткина и вознамерился в самое ближайшее время, как писал автору еще 8 февраля 1919 г., выпустить в свет «Записки революционера» (изданы в 1920 г.) и «брошюру» [34]. По всей видимости, речь шла о небольшой четырехлистной книжке Кропоткина «Труд ручной и умственный. К чему и как его прилагать», вышедшей в 1919 г. громадным по тем временам тиражом 60 тыс. экз.

Кропоткин придавал этой книге особое значение. В письме к Сытину он писал, что «занят теперь мыслью о трудовой школе», поэтому ему хотелось, чтобы книга «Поля, фабрики и мастерские», в которой имелась специальная глава, посвященная «умственному и ручному труду», «распространилась в учительской среде». Но небольшой тираж книги (5 тыс. экз.) исключал такую возможность. Поэтому Иван Дмитриевич и решил выпустить ее сокращенное издание массовым тиражом, рассчиты-

вая донести книгу до того читателя, которому она предназначалась в первую очередь.

Благодаря содействию заведующего Издательством ВЦИК К. С. Еремеева удалось получить необходимое количество бумаги. За это, правда, пришлось уступить ему шестую часть тиража брошюры. Однако в намеченный срок отпечатать книгу не удалось из-за реорганизации управления издательским делом. Во всяком случае, несколько позднее Сытин говорил, что не помнит никаких каверз со стороны Издательства ВЦИК: «Там все было корректно... Да и Еремеев был страшно безукоризненный человек на деле» [35].

Смерть Кропоткина оборвала их союз. Сытин навсегда сохранил память об этой «громадной фигуре» (выражение Ивана Дмитриевича), человеке, оказавшем на него сильное влияние, несмотря на различия в мировосприятии. О характере их отношений известное представление дает эпизод из воспоминаний издателя: «Один раз мы с ним в беседе зашли так далеко, что я говорю ему: „П. А., я перед Вами виноват. Как Вы, такой величайший христианин по идее и мысли, но все же без Христа“...» [36]

Заслуживает внимания и другое оригинальное начинание И. Д. Сытина, к сожалению, оставшееся неосуществленным. Весной 1919 г. Сытин вместе с писателем Николаем Ашукиным (в те годы инструктором Отдела печати Моссовета) разработал план оригинальной серии «Новый лубок», которая должна была состоять из брошюр (объемом от 1 до 3 печатных листов), издаваемых массовым тиражом (40 тыс. экз.). Руководитель Отдела печати В. М. Михайлов считал, что «лубок, как первая ступень чтения, вероятно, еще долго будет единственной доступной книгой для широких народных масс». По его мнению, новый тип лубка должен строиться на основе лучших традиций старого. Задачу улучшения лубка и приспособления его к современным требованиям он считал чрезвычайно важной и просил заведующего Госиздатом В. В. Воровского оказать содействие «Товариществу И. Д. Сытина», предоставив необходимое количество бумаги [37].

«В основу нового лубка,— говорили инициаторы серии,— должна быть положена героическая романтика, живость и увлекательность фабулы. Темы для нового лубка будут неисчерпаемы». Ссылаясь на дореволюционный

опыт, они указывали, что одно только «Товарищество И. Д. Сытина» выпустило в прошлом более 500 лубочных изданий. Они намеревались включить в эту серию сокращенные издания романов русских и зарубежных писателей, книги о путешествиях, а в дальнейшем по образцу зарубежных популярных изданий и брошюры по вопросам науки и техники.

М. Горький, к которому Сытин обратился за поддержкой, одобрил идею выпуска подобной серии и тут же в присутствии Ивана Дмитриевича на листке из блокнота набросал перечень всех своих произведений, которые он рекомендовал издать в первую очередь.

В основном это были небольшие рассказы из сборников «По Руси» (1915 г.) и «Ералаш» (1918 г.): «Нилушка», «Сашка», «Книга», «Как сложили песню», «Рождение человека».

Всего в серию «Новый лубок» Сытин намеревался включить 100 изданий: 50 брошюр объемом в 1 лист и 50 — объемом в 3 листа (их тогда называли «трехлистовки»). Начать серию он решил с книжек своих старых авторов и друзей: М. Горького, Н. Рубакина, И. Белоусова. Для первой из них были отобраны рассказы М. Горького «Рождение человека» и «Как сложили песню», для второй — его же рассказы «Легкий человек» и «Книга». Одновременно были сданы в производство «Испытания доктора Исаака» Н. Рубакина и составленный И. Белоусовым сборник «Песни трудового народа». В дальнейшем, видимо, произошли какие-то изменения, и в набор брошюры пошли в таком порядке: 1) листовки: «Стенька Разин. Песни и стихи», И. Белоусов «Песни трудового народа», М. Горький «Нилушка» и «Рождение человека», Н. Рубакин «Испытания доктора Исаака»; 2) трехлистовки: А. Алтаев «За свободу Италии» (книга о Гарибальди), М. Криницкий «Любовь по-новому» (из жизни деревенских коммун), М. Горький «Легкий человек», Н. Рубакин «На необитаемом острове» (история одного путешествия) и Н. Ашукин «Декабристы».

Одновременно Сытин заказал ряд трехлистовок: В. Лидину «Революционер Иван Каляев», Ю. Соболеву «Актер Щепкин», О. Форш «Новиков», И. Белоусову «Жизнь Шевченко», М. Криницкому «В огне мирового пожара» (о революции 1917 г.) и наметил к изданию еще две трехлистовки: «Жизнь Радищева» и «Атаман Булавин» [38]. Хотя под издание брошюр имелось достаточно

бумаги, выпустить их не удалось. По всей видимости, из-за состоявшейся вскоре национализации типографии «Товарищества», а возможно, и из-за обострившейся внутриполитической обстановки в стране, вызванной наступлением белогвардейских армий Деникина и Юденича. Связанное с этим резкое сокращение частного книгоиздания не могло не коснуться издательства Сытина.

В 1918 — начале 1919 г. по заданию Издательства ВЦИК И. Д. Сытин наладил выпуск первых советских настольных и отрывных календарей, выпустил целый ряд брошюр и книг. На титульных листах этих изданий, естественно, марка «Товарищества» не обозначалась, но указывалось, что отпечатаны они в принадлежащей ему типографии. В начале 1919 г. (3 апреля) Отдел печати Моссовета разрешил Сытину приступить к набору и печатанию отрывного и настольного календаря при условии, что в последнем должны быть даны «возможно полные сведения о современной России, напечатана Советская конституция, а также перечень важнейших декретов» [39].

В мае 1919 г. роль издательского центра перешла от Отдела печати Моссовета ко вновь образованному Государственному издательству РСФСР, заведующим которого стал Вацлав Вацлавович Воровский, профессиональный революционер и один из крупнейших марксистских литераторов. Назначенный на этот пост по рекомендации В. И. Ленина, он проводил принципиальную и последовательную политику в отношении частных и кооперативных издательств. Воровский считал, что государство должно помогать тем из частных издательств, которые готовы активно с ним сотрудничать, и не мешать издательствам, выпускающим в целом полезные для народа книги.

Первое официальное письмо Сытина Воровскому датировано 25 июля 1919 г. К этому времени Издательство ВЦИК и Литературно-издательский отдел Наркомпроса фактически полностью прекратили свою деятельность. Обращаясь к заведующему Госиздатом, Сытин писал: «В настоящее время возникает вопрос о бумаге и других материалах для календарей, а также и о количестве их печатания. Эти вопросы необходимо вырешить в срочном порядке. Также необходимо выяснить, за чьей подписью и по рекомендации каких лиц можно печатать заказы». На что последовало указание: «За распоряже-

нием обращаться исключительно в Государственное издательство» [40].

Госиздат оказал активную поддержку Сытину, который предложил отметить пятидесятилетие со дня смерти П. П. Ершова выпуском иллюстрированного издания его знаменитой сказки «Конек-Горбунок». Иван Дмитриевич решил усилить сатирический аспект сказки, сопроводив текст рисунками художника А. Ф. Афанасьева, опубликованными еще до революции в журнале «Шут». Получив от Воровского письмо с предложением принять «все меры к скорейшему иллюстрированному изданию этой книги», он с нескрываемой радостью писал управляющему издательством «А. Ф. Маркс» А. Е. Розинеру: «...сейчас получил строжайшее предписание от Государственного издательства срочно к юбилею напечатать „Конька-Горбунка“» [41]. Но эта книга не была издана.

В ноябре 1919 г. типография Сытина на Валовой улице была национализирована и передана Госиздату, отпуск бумаги частным издательствам прекратился. Все книжные магазины, за исключением нескольких небольших лавочек, принадлежавших творческим организациям, были закрыты, книги практически больше не продавались.

В тяжелейших условиях гражданской войны и хозяйственной разрухи необходимо было в максимальной степени обеспечить потребность фронта и тыла в агитационной и просветительной литературе. Мобилизация всех ресурсов потребовала чрезвычайно жестких мер по ограничению частного книгоиздания. В 1920 г. производство бумаги в стране сократилось в 13 раз по сравнению с довоенным, из-за отсутствия топлива и полиграфических материалов не работало три четверти московских типографий.

Вспоминая об этом времени, Иван Дмитриевич писал, что с конца 1919 г. он перестал быть издателем, а стал «подотчетным исполнителем» Госиздата, строго выполнявшим указания его руководства «что печатать, в каком количестве, какого качества» [42]. Однако роль технического исполнителя его никак не удовлетворяла, да и с новыми методами ведения хозяйства ему, по собственному признанию, было трудно свыкнуться. Сытину казалось, что он может быть полезен, если, используя старые связи, наладит за рубежом издание необходимой для Советской России литературы. 26 февраля 1920 г. ред-

коллегия Госиздата решает «дать И. Д. Сытину командировку, снабдив его поручением как по бумажной, так и типографской части» [43]. В направленной вслед за этим 6 марта 1920 г. докладной записке на имя Воровского Сытин писал о намерении на свой счет выехать в Финляндию, где рассчитывал в самое короткое время наладить выпуск на русском языке «учебников и других культурно-образовательных произведений печати, исключительно разрешенных и одобренных Государственным издательством и Наркомпросом (в тексте ошибочно «Наркомтрудом».— *Е. Д.*) с матриц, подготовленных с набора в Москве» [44]. Он обещал также попытаться наладить контакты со своими бывшими поставщиками бумаги, надеясь с их помощью получить необходимые кредиты. Сытин ничего не просил, ему нужны были соответствующие полномочия. Однако поездка не состоялась. Возможно, причиной оказалась тяжелая болезнь Воровского и последовавший вскоре его уход на дипломатическую работу.

Последнее из принадлежавших Сытину предприятий — петроградская типография «Товарищества А. Ф. Маркса» (ныне типография имени Евг. Соколовой), на которой работало в то время свыше 800 человек, была национализирована в декабре 1920 г. После революции типография в основном выполняла заказы Наркомпроса, Издательства ВЦИК, Издательства Петросовета, затем Госиздата. Печатала она, вернее перепечатывала, и некоторые из своих дореволюционных изданий: книжки известного популяризатора науки З. А. Рагозиной по древней истории, ее же книжку «Елена Келлер», пособие Э. С. Шифферса «Самоучитель шахматной игры», знаменитый атлас проф. Э. Ю. Петри и др. В период муниципализации часть изданных книг вышла под маркой других издательств (например, издательства Петросовета) или вообще без указания фирмы. Таким образом были выпущены в новой редакции 17 книг Н. А. Рубакина.

Управлял типографией и издательством «Товарищества А. Ф. Маркса» до последнего дня существования фирмы Александр Евсеевич Розинер, которого с Сытиным связывали тесные деловые и дружеские отношения. О них достаточно красноречиво свидетельствует фрагмент письма Сытина лета 1918 г.: «Я умоляю смотреть на меня снисходительнее и во всем ставить вопросы са-

мостоятельнее, помочь мне понять ясно, что нужно делать и что вы хотите»,— писал Иван Дмитриевич, имея в виду планы на будущее [45].

С введением новой экономической политики перед частными издательствами открылись известные перспективы и, хотя в книжном деле она проявилась значительно позднее, чем в других отраслях народного хозяйства, уже летом 1921 г. стало ясно, что недалек тот день, когда они получат возможность развернуть свою деятельность.

Вопрос о возможности сочетания государственного и частного книгоиздания остро дебатировался в советских кругах. Наряду с теми, кто признавал неизбежность и даже необходимость частной инициативы в издательском деле, имелись и ее противники. «Не может быть... и речи о том, чтобы рабоче-крестьянское государство в эту эпоху (перехода от капитализма к социализму.— *Е. Д.*) производство книги предоставило свободной инициативе заинтересованных групп... Поэтому,— утверждал один из ведущих деятелей советской печати В. П. Полонский,— все частные и кооперативные издательские предприятия должны быть закрыты» [46].

Тезисы выступления Полонского датированы 20 июня 1921 г., а уже 26 августа 1921 г. Моссовет отменил свое прежнее решение о муниципализации книжного дела и разрешил всем издательствам свободно продавать по рыночным ценам те книги, которые они издавали без субсидии государства.

Всем функционирующим издательствам рекомендовалось пройти перерегистрацию, а вновь создаваемым получить разрешение в специальной комиссии при Мосгубиздате.

22 ноября 1921 г. Коллегия Мосгубиздата утвердила регистрацию первых пяти частных издательств, среди которых числилось и «Товарищество И. Д. Сытина» [47].

Не имея бумаги, нельзя было начинать издательскую деятельность. Поэтому Иван Дмитриевич попытался осуществить свое давнее намерение — получить концессию на строительство бумажной фабрики в Карелии. К соучастию он решил привлечь германского промышленника Г. Стиннеса. План этот был одобрен наркомом внешней торговли Л. Б. Красиным.

Переговоры шли успешно, и Сытин собрался «широко начать новое дело», как Госиздат, весьма вольно тол-

куя постановление Совнаркома о национализации книжных запасов, решил безвозмездно отобрать у него остатки книг и незавершенных изданий. Понимая, что вопрос может быть решен только в высших инстанциях, 31 мая 1922 г. он вновь обратился за помощью к В. И. Ленину. Перечисляя незаконные действия Госиздата, он писал, что подобное толкование фактов, противоречащее «всей политике Советской власти по отношению к частным издательствам», полностью подрывает материальную основу всего дела и доверие к нему со стороны иностранцев. «Я хочу работать, готов работать в помощь Госиздату, но прошу о создании для этой работы приемлемых условий, которые в конце концов пойдут на пользу самой Советской власти». Уже подписав письмо, Иван Дмитриевич не удержался и сделал приписку, как нельзя лучше характеризующую цели, которыми он руководствовался всю свою жизнь: «Книга гибнет, спасите книгу».

Сытина принял один из заместителей председателя Совнаркома. Было решено, что Иван Дмитриевич будет вести переговоры о смешанной концессии в качестве представителя Советского государства, а в дальнейшем займет пост управляющего новым предприятием.

В выданном ему Президиумом ВСНХ мандате указывалось, что И. Д. Сытин уполномочивается для ведения переговоров с финансовыми и промышленными кругами Западной Европы по «организации в пределах РСФСР бумажной промышленности». Речь шла о группе заинтересованных европейских фирм, с которыми Советское правительство намеревалось заключить «договор на предоставление концессии по эксплуатации лесных массивов с целью постановки бумажного производства» [48]. Задание Иван Дмитриевич успешно выполнил; вместе с ним в Москву приехал представитель Стиннеса, но переговоры не были завершены.

В отличие от многих частных издательств, возобновивших свою деятельность в годы нэпа, «Товарищество И. Д. Сытина», формально руководимое триумвиратом И. Д. Сытин, М. Т. Соловьев и И. И. Сытин (фактически одним Иваном Дмитриевичем), оказалось в особо трудном положении, так как оно лишилось возможности выпускать свою традиционную продукцию (с 1922 г. советская школа перешла на стабильные учебники, выпуск которых был монополизирован Госиздатом). Не меньшие сложности возникали с реализацией литературы. Мало

кто решался открывать частные книжные магазины, так как они облагались высоким налогом, а обороты были мизерными. Открывали, как правило, не магазины, а небольшие лавочки. В такой лавочке на Ильинке, там, где когда-то начинал Сытин свое «дело», и распродавал остатки старых изданий его сын Иван Иванович.

Из-за медленно оборачивающегося капитала книгоиздание требовало вложения значительных средств, каковыми ни одно издательство, кроме Госиздата, не располагало. Поэтому все издатели видели в Госиздате не столько мощного конкурента, сколько естественный центр, определявший издательскую политику страны и поддерживающий их экономически в тех случаях, когда они являлись его контрагентами. Передавая заказы на исполнение тех или иных работ солидным фирмам, Госиздат преследовал не только протекционистские цели. С их помощью он планомерно расширял ассортимент книжной продукции, особенно тех ее видов, которые сам в силу различных причин не издавал или выпускал в ограниченном количестве (научные издания, книги по искусству, медицине, детская литература и т. п.). Кроме того, Госиздат таким путем стремился нормализовать цены на книги, объединить в экстраординарных случаях усилия на каком-то узком участке книгоиздания. Так, по свидетельству О. Ю. Шмидта, «мобилизация всех издательств под руководством Госиздата дала возможность приготовить в течение нескольких месяцев такое количество учебников, какое нельзя было выпустить в России даже в условиях мирного времени» [49].

Что же касается причин, толкавших частные издательства на союз с государством, то о них довольно ясно сказал сам Иван Дмитриевич: «Масштаб работы частных издательств крайне незначителен и в сравнении с Госиздатом просто ничтожен. Давая частным издательствам задания на издание книг на контрагентных началах, Госиздат тем самым дает им возможность стать на ноги. Этим одновременно достигается использование богатого опыта старых издателей» [50].

Госиздат помогал частным издательствам реализовывать только ту продукцию, которая выпускалась по его заказам. Поэтому все частные издательства были заинтересованы в собственной товаропроводящей сети, независимой от торгсектора Госиздата. Но вопрос упирался в средства. Создать подобную систему книгораспростра-

нения без помощи государства они не могли, даже объединив свои усилия.

О. Ю. Шмидт, сменивший Воровского на посту руководителя Госиздата, и Сытин это отлично понимали, поэтому они выступили с совместным предложением об организации книготоргового акционерного общества, которое получило название «Книжное товарищество 1922 года». Формально его учредителями являлись четыре издательства: Госиздат РСФСР, «Товарищество И. Д. Сытина», «Товарищество В. В. Думнова», «Товарищество М. и С. Сабашниковых», но инициатива исходила от первых двух. Летом 1922 г. Луначарский и Шмидт направили в Совет труда и обороны для утверждения его устав, и вскоре «Товарищество 1922 года» получило все права гражданства.

И. Д. Сытин принимал самое деятельное участие в его организации и был даже избран председателем Правления. Он искренне надеялся, что с помощью новых форм сотрудничества государства с частными издателями удастся оживить книжную торговлю, значительно расширив книжный рынок страны. По словам его бывшего сотрудника Д. М. Куманова, он вложил в «дело» 30 тыс. долларов, «застрявших у него за границей», т. е. фактически отдал все, что у него еще оставалось [51].

«Книжное товарищество 1922 года» занималось оптовой и розничной покупкой и продажей всякого рода произведений печати как на территории РСФСР, так и за границей. Каждое из входящих в него предприятий сохраняло полную автономию в области издательской деятельности и право иметь собственные оптовые склады, но никому, кроме Госиздата, не разрешалось содержать книготорговый аппарат. К сентябрю 1922 г. «Товарищество» успело открыть в Москве два оптовых склада, намереваясь создать отделение в Петрограде. О своем желании вступить в его члены заявили Гостехиздат и советско-германское акционерное издательство «Книга», фактическим владельцем которого являлся Наркомвнешторг.

Создавая «Товарищество 1922 года», Шмидт и Сытин возлагали особые надежды на оживление книжной торговли в провинции. Магазины «Товарищества 1922 года» должны были создаваться лишь в тех городах, где не было отделений Торгсектора Госиздата. Основной целью было распространение учебников, но поскольку на глав-

ном складе «Товарищества» концентрировалась продукция всех наиболее крупных издательств, даже не состоявших его пайщиками, то провинциальные магазины получали возможность заказывать необходимую литературу, пользуясь значительной книготорговой скидкой.

На первых порах события развивались более чем успешно. На страницах «Известий ВЦИК» были опубликованы репортажи о двух беседах со старейшим издателем страны и, что особенно важно, перед его фамилией стояло слово «товарищ». Заключалась одна из бесед весьма знаменательными словами: «Несмотря на мои 72 года,— говорил Сытин,— я так же, как и раньше, влюблен в книгу и ради ее успеха готов на всякие труды. Только окажите мне поддержку». «И Госиздат эту поддержку, несомненно, окажет в самом широком размере»,— заявляла газета [52].

Двумя днями позднее та же газета известила своих читателей о том, что «Товарищество И. Д. Сытина» возобновило издательскую деятельность. Однако обстоятельства сложились так, что ожидаемой помощи Сытин не получил. Многочисленные советские издательства, повсеместно возникавшие в 1922 г., нуждались в поддержке Госиздата не меньше, если не больше частных. Госиздат входил на правах пайщика в некоторые из них, но с весьма ограниченной долей участия. Эти издательства весьма категорично потребовали аннулирования не устраивавшего их союза.

Не получая должной поддержки Госиздата, Сытин решил искать иные пути для развития своего предприятия. 14 сентября 1922 г. он подал на имя народного комиссара внешней торговли докладную записку, в которой изложил свои взгляды на решение проблемы: «Я уже на пути к привлечению крупных заграничных капиталов и опытных заграничных деятелей к делу русского книгоиздательства и постановке его сразу на широкие и прочные основания. Уже затрачено много труда и материальных средств»,— писал он, требуя необходимых гарантий для осуществления своего плана [53].

Руководители Комиссариата Л. Б. Красин и А. М. Лежава поддержали Сытина как в отношении истолкования постановления Совнаркома, по которому ему следовало возвратить нераспроданные и незавершенные издания, так и его дальнейших намерений. Сочувственно отнесся к докладной записке и А. В. Луначарский. Реши-

тельное противодействие она вызвала лишь со стороны О. Ю. Шмидта.

Отто Юльевич был ярым сторонником протекционистской политики. Для того чтобы поднять отечественную полиграфическую промышленность, Совет труда и обороны по его представлению летом 1922 г. обязал государственные издательства печатать книги только в Советской России, аннулировав, за малым исключением, все заграничные заказы. Против предложений Сытина он выступал исходя из глубоко принципиальных позиций. Шмидт сумел убедить заинтересованные организации в неприемлемости самой идеи привлечения иностранного капитала к такой области хозяйственной и идеологической деятельности, как книгоиздание.

В конфиденциальном письме Луначарскому он, имея в виду Сытина, писал: «Мне больно это сказать, но этот большой работник, на которого возлагались определенные надежды... гораздо более вредит нам, чем помогает» [54]. В какой-то мере резкость этого заявления объяснялась тем, что до Шмидта дошли слухи о продаже Сытиным акций «Товарищества А. Ф. Маркса» Г. Стиннесу. Возможно, у последнего действительно оказалась часть паев предприятия, скупленных у наследников покойного издателя «Нивы», всегда проживавших в Германии или возвратившихся на родину еще до революции, но Иван Дмитриевич к этому никакого отношения не имел.

Что же касается незаконно задержанной Госиздатом продукции «Товарищества И. Д. Сытина», то Совнарком потребовал возвратить ее владельцам. В марте 1923 г. Госиздат передал Сытину все незаконченные изданием, печатанием, брошюровкой книги, хранившиеся на складе 1-й Образцовой типографии [55]. До этого ему частично были возвращены материалы, принадлежавшие в прошлом «Товариществу А. Ф. Маркса». Еще в январе Сытин заключил соглашение с Петроградским отделением Госиздата, по которому получил большую часть тиража трех незавершенных изданий знаменитых марксовских атласов. Лежали они в листах с давнего времени, поэтому требовали нового оформления и новой компоновки материала. Оговорив порядок оплаты работ по их изданию, Сытин признал себя полностью удовлетворенным и обязался «больше претензий Госиздату не предъявлять». Спрос на атласы был так велик, что, внеся в них

некоторые редакционные изменения, пришлось допечатать еще 1600 экз. [56]

Остальные незавершенные издания, или, как их тогда называли, «незавершенки», увидели свет в типографии одного из московских исправдомов, техническим руководителем которой некоторое время работал Иван Дмитриевич, одновременно заведуя и переплетной мастерской.

Подводя годовые итоги работы «Товарищества 1922 года», специальное совещание, созванное для этой цели 23 ноября 1923 г., признало его существование «излишним и неоправдавшим возложенных на него надежд в смысле развития через него операций с частным рынком» и передало вопрос о его дальнейшем существовании на рассмотрение Правления Госиздата [57].

Конец этого начинания был предрешен, и Иван Дмитриевич принял заманчивое предложение своего давнего автора и знакомого Ивана Ивановича Трояновского поехать с выставкой русского искусства в США. Выставка была задумана И. И. Трояновским давно, еще зимой 1921—1922 гг., с целью продемонстрировать достижения советской живописи, а заодно и материально поддержать художников Москвы и Петрограда. В России мало кто в те годы думал о приобретении произведений искусства, но, как оказалось в дальнейшем, американские буржуа еще не знали, что картины представляют собою не только эстетические ценности. Поэтому распродажа картин не оправдала возлагавшихся на нее надежд. В какой-то мере виноваты были и сами художники, назначавшие цены на свои произведения, исходя из европейской конъюнктуры, но более всего — организаторы выставки, не сумевшие поставить должным образом рекламу и информацию о ней.

Поездка проводилась под эгидой Комитета по организации заграничных выставок и артистических турне при ВЦИК. В состав комитета выставки кроме И. И. Трояновского входили И. Э. Грабарь, С. Т. Коненков, С. А. Виноградов, Ф. И. Захаров, К. Л. Сомов, В. В. Мекк и И. Д. Сытин. Причем Сытин и Трояновский одолжили под ее устройство первый 7 тыс. р., а второй — 6 тыс. р.

Художественным кругам США имена Грабаря и Коненкова были хорошо известны, но гарантом ее деловой солидности должен был стать Сытин — «русский Форд», как величали его американские газеты. За период

с марта 1924 по ноябрь 1925 г. выставка побывала во многих городах США и Канады, но имела скорее политический, чем материальный успех. Возвращался Сытин вдвоем с Грабарем на пароходе «Эстония», направлявшемся в Данциг. 26 июня 1924 г. они прибыли в Ригу, а оттуда выехали в Москву.

Поездка в Америку была случайным эпизодом в жизни Ивана Дмитриевича, свидетельствующим о его громадной, неиссякаемой воле и энергии, но очень далеким от основных его устремлений. Сытин не мог жить, не чувствуя запаха типографской краски, не ощущая радости держать в руках только что вышедшую книгу. Он тяжело переживал крах «Книжного товарищества 1922 года», но его не обескуражили большие материальные потери. Несмотря ни на что, он предпринимает последнюю в своей жизни попытку развернуть издательскую деятельность.

11 октября 1924 г. Российская центральная книжная палата получила в качестве обязательного экземпляра «Каталог изданий книгоиздательства Товарищества И. Д. Сытина». Этот более чем любопытный документ, насчитывающий свыше двухсот названий книг и брошюр, не считая различного рода плакатов и картин, по сути дела являлся программой возрождаемого издательства (вышла в свет лишь незначительная часть поименованных изданий). Судя по этому каталогу, деятельность издательства должна была носить универсальный характер. Значительное место отводилось детской литературе: книжкам-картинкам, альбомам раскладных картин, альбомам для раскрашивания, сказкам, книгам известных детских писателей, русских и иностранных (включая собрание сочинений Майна Рида), ценой от 5 к. до 8 р. (предполагаемая цена роскошного издания «Детства, отрочества и юности» Л. Н. Толстого с красочными иллюстрациями А. П. Апсита, которое должно было быть заключено в специальную папку), различного рода учебникам, в основном для средней школы (как правило, это были перепечатки изданий прежних лет) и познавательной, или, как мы бы сейчас сказали, научно-популярной литературе.

Значилось в каталоге несколько книг научного характера, два практических пособия по сельскому хозяйству.

Педагогическая литература была представлена всего

шестью названиями. Невелик был и раздел художественной литературы. Из современных русских писателей в нем были названы лишь В. Вересаев и И. Вольнов, из зарубежных Сельма Лагерлёф. Намечался к изданию ряд произведений Л. Н. Толстого, включая его биографию и сборник воспоминаний, двухтомник М. Ю. Лермонтова, полное собрание сочинений Н. В. Гоголя под ред. П. В. Быкова, «Записки ружейного охотника» С. Т. Аксакова под ред. проф. М. А. Мензбира, «Рассказы» Вс. Гаршина под ред. М. О. Гершензона и т. д. Сказывалась старая беда «Товарищества И. Д. Сытина» — отсутствие своего круга беллетристов, произведения которых могли заинтересовать современного читателя.

При внимательном анализе каталога нетрудно убедиться, что очень многие из поименованных в нем книг фактически являлись перепечатками когда-то приобретенных «Товариществом» произведений. Другими словами, почти во всех случаях речь шла о безгонорарных или незавершенных изданиях, которые в свое время незаконно были задержаны на складе 1-й Образцовой типографии.

Нельзя сказать, чтобы Иван Дмитриевич совсем не искал новых авторов. Попытки такого рода им предпринимались, но нужные контакты не налаживались. Сковывал недостаток свободных средств, а отсюда боязнь риска. Когда Спиридон Дмитриевич Дрожжин предложил ему переиздать сборник своих стихов «Песни рабочим», Сытин не рискнул этого сделать, поскольку к 75-летию поэта Госиздат уже выпустил две его книги, две другие готовились к печати. Был ли смысл выбрасывать на книжный рынок еще один сборник стихов, хотя его автор искренне желал Сытину возобновить «полезную для народного самосознания книгоиздательскую деятельность» [58].

Не блистало репертуаром и принадлежащее Сытину «Товарищество А. Ф. Маркса», выпускавшее в основном художественную литературу, по мнению некоторых критиков, «полубульварного характера» [59]. Для такого рода аттестации имелись известные основания. Ведь именно этому издательству современники были обязаны тем, что книжный рынок наводнили многочисленные выпуски «Тарзана» Э. Берроуза («Тарзан, приемыш обезьяны», «Тарзан и его звери», «Приключения в джунглях», «Тарзан и сокровища Онора», готовились к изданию

«Неукротимый Тарзан», «Тарзан свирепый»), романы нравов В. Маргерита, «Моника Лерьбье», «Новая женщина», «Женщина-лисица» Д. Гернета и т. п. Однако наряду с ними издательство выпускало и произведения крупнейших современных писателей (Г. Уэллса, Б. Ибаньеса, С. Лагерлёф и др.). В предисловии к одному из них (С. Лагерлёф «От смерти к жизни») издательство уведомляло читателя, что именно этот роман характеризует направление его будущей деятельности. И критика с должным пониманием оценила чувство конъюнктуры, которое проявили руководители фирмы. «У мирской публики, которая зачитывается сытинскими романами и наполняет кинематографы, есть своя правота,— писал А. Слонимский.— Русская литература давно не баловала нас широкими сожетными построениями. В связном течении событий, в их стройном сплетении есть особое обаяние, которое всякий чувствует, но не всякий осознает» [60].

Значительный интерес должны были представить начавшееся издание «Библиотеки для самообразования», открывавшейся книгой К. И. Чуковского «А. А. Блок как человек и поэт», ряд изданий, предназначавшихся детям, автором и переводчиком которых выступал С. Я. Маршак. Но этим планам Сытина не суждено было осуществиться. В наводнение 1924 г. были затоплены многие улицы Васильевского острова, в том числе и та, на которой находился принадлежавший Сытину склад бумаги.

С эпическим спокойствием и мудрым пониманием времени встретил Сытин надвинувшиеся на него напасти. Мужественно и не без иронии писал он о своих горестях старому другу, известному сибирскому издателю Петру Ивановичу Макушину: «Наши дела замерли. Нет нашей устарелой машине места в новом боевом аппарате. Довольно большой срок, пора нам и устареть, нужен отдых... Сижу, скучаю, мучаюсь с типографиями в исправительных двух учреждениях. Как бог поможет выбраться из них? Время идет, годы уходят. Надо кормить внуков и правнуков. Много малышей, все учатся. Мужчины служат... В январе мне стукнуло 74 года. Пора на покой...» [61]

Но покоя не хотелось. С радостью принимает Сытин предложение Мосполиграфа (треста, руководившего большинством московских типографий) и направляется летом 1925 г. в командировку в Берлин. Вновь очутив-

шись за рубежом, он с особой силой вдруг осознает величие свершившейся революции. Отделяя личные горести и неудачи от успехов, достигнутых страной (в которых справедливо усматривал и частицу своих усилий), Иван Дмитриевич подводил итог своей жизни. С необычайной гордостью писал он Горькому о громадных достижениях Советской России, о рождении поистине нового человека, призывая писателя скорее возвратиться на родину: «Посмотрел бы ты на нашего Пахома с Еремой, по-другому бы заговорил, не убегать от него надо, поближе к нему подойти, да поговори, как у него мозги расшевелились, точно он перед праздником в бане жаркой парился и вышел свежий, сильный, готовый к сознательной и умной работе и физически, и духовно. Детская свежесть, неиспорченная во всем его житии. Как детски он озирается, что дальше? А ну-ка, опять все заберут. Вот ему твердую веру крепить надо, поднять, встряхнуть и поднимется Русь, могучая, мужицкая силища великая.

Какую народную красоту держали в закупорке жалкие несчастные трусы дворяне, буржуи и бесцветно держали себя интеллигенты. Надо нам всем каяться перед самим собой. А он нас давно простил и детски винится перед тобой. Чудак, я виноват, а не он виноват. Ну ладно, друг у дружки попросим прощения, и бог нас простит» [62].

Оказавшись не у дел, Иван Дмитриевич как-то ослаб духом. Ему показалось, что он живет уже «в тягость другим». Поведав обо всем этом в конце ноября 1926 г. Андрею Дмитриевичу Торопову, он с грустью заметил, что был бы «счастлив побывать у Вас в Петрограде, да дел никаких нету» [63].

Без работы, без «дела» жизнь теряла для него всякий смысл. Понимая, что пройденный им путь представляет широкий общественный интерес, что ему довелось встречаться со многими людьми, чьи имена вписаны в историю страны, желая рассказать о том, что им сделано за шесть десятков лет (а сделано было немало), Сытин решается писать воспоминания. Передавая на суд Горького свое последнее детище, Иван Дмитриевич со всей определенностью говорил о причинах, заставивших его взяться за перо: «Работать всю жизнь не покладая рук, а теперь сознавать, что работать не можешь, стал стар. Это трагедия. Но жизнь диктует свое, жить надо, и вот это второе толкает меня на этот рискованный шаг...» Все

его помыслы отныне сосредоточились вокруг воспоминаний. Поэтому Сытина особенно встревожило то обстоятельство, что, передавая его воспоминания в Госиздат, Горький не сообщил ему своего мнения о них. Сытин понимал, что его «забывчивость и слабая работоспособность» не лучшие помощники и имел мужество просить писателя прямо ответить, «стоит ли их печатать или нет» [64].

Ответ Горького Сытину не известен, но вряд ли он мог быть положительным. Руководитель Госиздата А. Б. Халатов, всегда чрезвычайно внимательно прислушивавшийся к советам писателя, безусловно, напечатал бы эти воспоминания, если бы Горький рекомендовал их опубликовать. В то же время о готовности Халатова помочь Сытину свидетельствует его обещание Горькому предоставить Ивану Дмитриевичу интересующую его работу.

Сытина назначают консультантом по вопросам снабжения, но работать в полную силу он уже не мог. Хорошо знавшая его писательница М. В. Ямщикова писала, что во второй половине 20-х гг. Иван Дмитриевич стал часто болеть, потерял присущую ему бодрость и интерес к окружающей жизни. «Безделье точило его и уносило последние силы. Позже я узнала от его среднего сына, Дмитрия Ивановича, что он захотел «подтянуться», стал лечиться модными тогда «лизатами». Но лизаты не помогли, а ясный трезвый ум Сытина стал блекнуть. Он начал путать имена, время, события» [65].

И тем не менее Сытин предпринимает еще одну, последнюю попытку продолжить издательскую деятельность. Видимо, рассчитывая на помощь сыновей, он пытался создать издательство детской литературы и образовательных игр, а также литературы «для кустарей и ремесленников разных видов производства». «Мне в этой просьбе было отказано,— писал Иван Дмитриевич, обращаясь в Совнарком РСФСР.— Я допускаю, что этот отказ зиждется на том, что мне много лет (именно 78 лет), что Сытин — старик, хотя и прославленный как умелый издатель». Поэтому он ходатайствовал о персональной пенсии с тем, чтобы «без тяжелой нужды» провести остаток «теперь поневоле бесполезной жизни».

Просьбу старого издателя поддержали Правление Госиздата в лице его заведующего А. Б. Халатова и Н. П. Горбунов. В октябре 1927 г. Совнарком «в виду

заслуг Сытина в области издательского дела и народного просвещения» назначил ему персональную пенсию, размеры которой впоследствии дважды были повышены.

23 ноября 1934 г. И. Д. Сытин скончался. Похоронили его в Москве на Введенском кладбище. В память об этом незаурядном человеке на одном из московских домов висит мемориальная доска, свидетельствующая, что в нем на протяжении ряда лет «жил известный книгоиздатель-просветитель Иван Дмитриевич Сытин». Точнее вряд ли можно охарактеризовать его деятельность.

Подводя итоги

За все годы издательской деятельности Сытин выпустил не менее 500 миллионов экземпляров книг. Горячо симпатизируя Ивану Дмитриевичу и восхищаясь сделанным им, Леонид Андреев удивительно точно сформулировал мысль об органичности связи издателя со своими читателями, когда писал, что «Сытин по существу своему не только из народа, а — сам народ» [1].

Сытинская книга, хотя и не звала читателя к переустройству мира, но помогала ему познать себя и среди царящей вокруг жестокости и несправедливости найти достойное место в жизни, определить свое отношение к окружающей действительности. Стремление пробудить добрые чувства, о чем писал Андреев, неминуемо должно было опираться на веру во все светлое и доброе, что есть у человека.

Передовые слои русского общества восхищались широтой и мощностью замыслов И. Д. Сытина, его организаторским талантом, настойчивостью и энергией, проявленными в неустанной работе. Благодаря исключительной дешевизне своих изданий он донес книгу до самых широких кругов народа, чем, как никто другой, послужил делу демократизации русской культуры. Печать справедливо отмечала, что «расширяя народный книжный рынок, вводя печатное слово в повседневный оборот жизни деревни и городского трудового населения, Сытин тем самым подготовлял массового читателя, прокладывая широкие пути для книги и печати в народную среду, умножал число читателя, который постепенно от лубочной картинки переходит к лубочной книжке и календарю, мало-помалу знакомясь с печатным словом» [2].

К этому следует добавить несколько слов о его умении продвинуть книгу, найти и заинтересовать этим делом сотни людей. Именно Сытину пришла в голову

мысль передать распространение трех-пятикопеечных книжек, когда не стало офеней, уличным разносчикам газет. Сколько людей, вписавших свое имя в историю русской культуры, начинали собирать личные библиотеки именно с этих грошовых изданий!

Наряду с букварями и учебниками, доступными нищей деревне, он в миллионах экземпляров распространял свои бесчисленные календари, ставшие подлинно народными энциклопедиями. Не случайно именно календари не раз вызывали негативную реакцию властей. Сытинские издания классиков не отличались изяществом и тщательностью текстологической подготовки, но они обладали очень важным качеством — дешевизной. Недаром известный французский ученый и государственный деятель академик Поль Понлеве писал о Иване Дмитриевиче: «Выйдя из народа, ставши королем книжного дела, Сытин предоставил к услугам русского народа все средства современной печатной техники. Имя его займет место в будущем наряду с легендарными книжниками эпохи Возрождения — Роберами, Этьеннами, Этьенном Доле, примитивные станки которых так много содействовали эволюции народов Запада» [3].

Вот почему чествование Сытина по случаю его пятидесятилетнего служения книге стало крупным общественным событием. Но, говоря о заслугах Ивана Дмитриевича перед отечественной культурой, следует помнить и о таких недостатках его «дела», как отсутствие хорошо налаженного редакционного аппарата, плановости и должной издательской культуры в работе, откровенно коммерческом характере многих его изданий. В стихийности видел основной недостаток издательской и книготорговой деятельности Сытина и такой знаток книжного дела, как Г. И. Поршнев: «В нем, как в природе: пустяк и важное, грубое и изящное, ум и глупость, сила и растерянность, планомерность и необузданность, культура и невежество слиты в один временами стройный и значительный, а часто безалаберный процесс. Отсутствие плана, вкуса, знаний и наличность большой активной жадности к работе, размаха — вот свойства Сытинского дела... Немало горьких плевел выпало из его издательской кошницы, но в какой работе не бывает ошибок, особенно, когда идешь ощупью, учишься, работая...» [4].

Время — безжалостный судья. Все достойное внима-

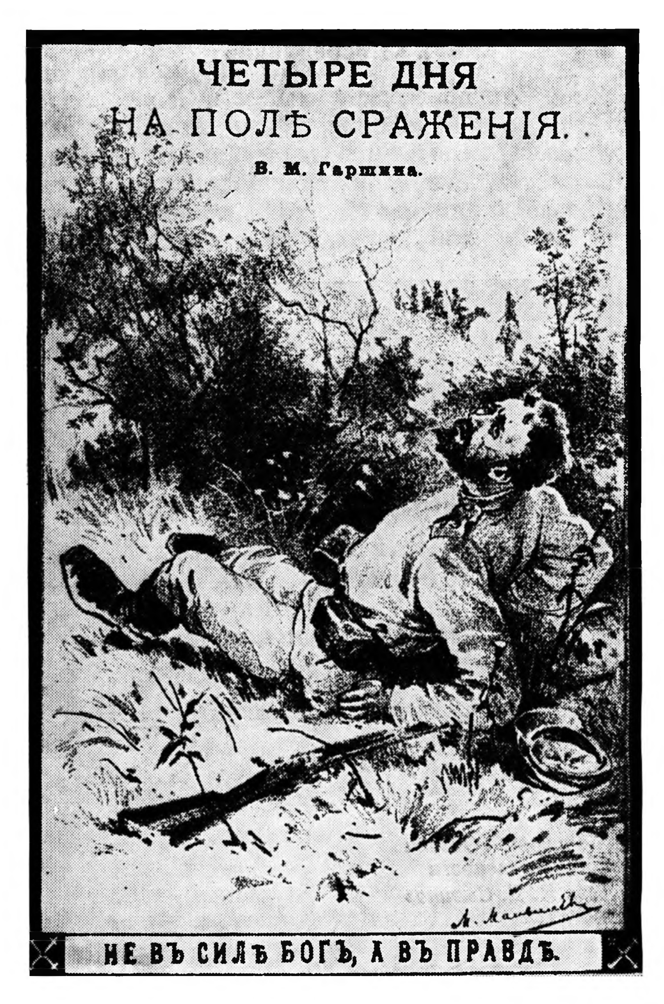
ния переиздается, а устаревшее в лучшем случае становится достоянием библиофилов.

И все же нельзя забыть тех сытинских изданий, что заронили в сердца целых поколений искры познания. Книги многих замечательных педагогов, ученых и писателей стали подлинной школой жизни, и в этом их непреходящая ценность. Народ сохранил в своей памяти имя Ивана Дмитриевича Сытина — одного из крупнейших русских издателей.

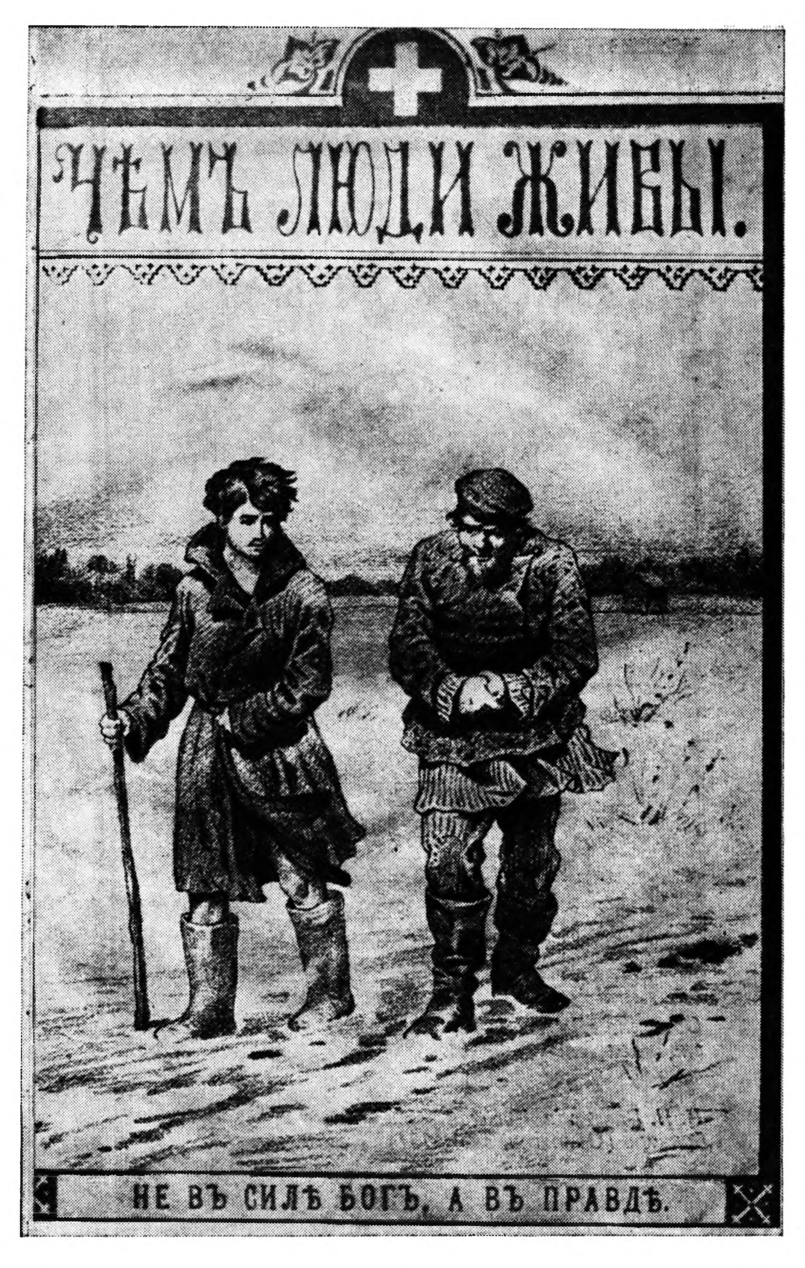
Издания И. Д. Сытина
и «Посредника»

Обложка брошюры «Очерки издательской деятельности Товарищества И. Д. Сытина» (1900 г.)

Обложка книги В. М. Гаршина
«Четыре дня на поле сражения»
Худ. М. Малышев

Обложка брошюры Л. Н. Толстого «Чем люди живы»
Худ. Н. Касаткин

Обложка «Военной энциклопедии»

В. П. Вахтеров. Русский букварь (Обложка, см. с. 251)

ДЛЯ ИНОРОДЦЕВЪ.

В. П. ВАХТЕРОВЪ.

РУССКІЙ БУКВАРЬ

ДЛЯ ОБУЧЕНІЯ

ПИСЬМУ и РУССКОМУ ЧТЕНІЮ.

Цѣна 15 коп.

Текстъ взятъ съ изданія, допущеннаго Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ изданіяхъ 1897, 1898, 1899 и 1900 гг. ДЛЯ КЛАССНАГО УПОТРЕБЛЕНІЯ въ начальныхъ народныхъ училищахъ и Уч. Комитетомъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи

ОДОБРЕННАГО для употребленія въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ Вѣдомства. Измѣненія состоятъ лишь въ томъ, что надъ словами поставлены ударенія да увеличено число рисунковъ.

Руководствомъ для учителя при обученіи по „Букварю" могутъ служить книги того же автора: 1) „Планы и конспекты уроковъ при обученіи письму-чтенію по „Русскому Букварю". 2-е изд. Ц. 20 коп. 2) „На первой ступени обученія. Методическое руководство къ обученію письму и чтенію по „Русскому Букварю". 4-е изд. Ц. 70 коп. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено въ учит. библ. низшихъ учебныхъ заведеній.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой домъ.
Москва—1908.

Обложка «Детской энциклопедии»

Примечания

Вступление

[1] Андреев Л. Знаменательный юбилей.— Рус. воля, 1917, 19 февр.
[2] Сытин И. Д. Три ступени жизни.— Рус. слово, 1917, 19 февр.
[3] Мартынов П. Юбилей И. Д. Сытина.— Речь, 1917, 19 февр.
[4] Полвека для книги. М., 1916, с. 32.
[5] ЦГАЛИ, ф. 1694, оп. 1, д. 730, л. 59.
[6] Ответ И. Д. Сытина.— Рус. слово, 1917, 21 февр.

Начало пути

[1] Сытин И. Д. Из пережитого. — В кн.: Полвека для книги. М., 1916, с. 11—12.

[2] Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30-ти т. Письма. М., 1980, т. 8, с. 190. Далее все ссылки на это издание приводятся в тексте. Первая цифра обозначает том, последующие — страницы.

[3] Сытин И. Д. Из пережитого.— В кн.: Полвека для книги, с. 13, 15.

[4] Соловьев М. Т. Воспоминания.— Там же, с. 135.

[5] Гальберштадт Л. И. Народное издательство, интеллигенция и И. Д. Сытин.— Там же, с. 425.

[6] Сытин И. Д. Из пережитого.— В кн.: Полвека для книги, с. 20. Московская купеческая управа зафиксировала открытие торгового дома «И. Д. Сытин и К⁰» в 1882 г.— ЦГИАМ, ф. 3, оп. 1, д. 485, л. 546.

[7] Сытин И. Д. Там же.

[8] Сытин И. Д. Там же.

[9] Пругавин А. С. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания. 2-е изд., доп. Спб., 1895, с. 283.

[10] Маракуев В. Н. О школьных библиотеках. Речь на съезде детских учителей. М., 1884, с. 14.

[11] Ан-ский (Раппопорт) С. А. Очерки народной литературы. Спб., 1894, с. 16.

[12] Маракуев В. Н. Указ. соч., с. 16—17.

[13] Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13-ти т. М., 1955, т. 9, с. 301—305.

[14] Протопопов Д. Д. История С.-Петербургского комитета грамотности, состоящего при Императорском Вольном экономическом обществе (1861—1895 гг.). Спб., 1898, с. 8.

[15] Тургенев И. С. Полн. собр. соч. 2-е изд. Спб., 1884, т. 10, с. 463—464.

[16] Ан-ский С. А. Указ. соч., с. 52.

[17] Соколов О. Д. На заре рабочего движения в России. 2-е изд. переработ. и доп. М., 1978, с. 77.

[18] ЦГАОР, ф. III отд., 3 эксп., 1878, д. 508, л. 4—7.

[19] Там же, л. 8—12.
[20] Сытин И. Д. Три ступени жизни.— Рус. слово, 1917, 19 февр.
[21] Калмыкова А. М. Русские лубочные картины в их просветительском значении для народа за последнее 75-летие нашей жизни.— В кн.: Полвека для книги, с. 199.
[22] ГБЛ, ф. 259, карт. 29, д. 17.
[23] Письмо Микешина, содержащее изложение сюжета этой книжки, см. в кн.: Коничев К. Русский самородок. Л., 1966, с. 49—51.
[24] Пругавин А. С. Указ. соч., с. 405—406. (Впервые приведено в издании 1890, с. 177).
[25] Гиляровский В. А. Соч. М., 1967, т. 4, с. 358—359; Ясинский И. Роман моей жизни. М.; Л., 1926, с. 272; Сытин И. Д. Из пережитого.— В кн.: Полвека для книги. М., 1916, с. 47—49; Дорошевич Н. В. Жизнь Власа Дорошевича (рукопись).— ГБЛ, ф. 218, д. 710.
[26] Дмитриев В. Г. Скрывшие свое имя. М., 1977, с. 261—262.
[27] Пругавин А. С. Указ. соч. 1-е изд., с. 88—89.
[28] Ан-ский С. А. Указ. соч., с. 34.
[29] Пругавин А. С. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания. 2-е изд., доп. Спб., 1895, с. 291.
[30] Там же, с. 289.
[31] Соловьев М. Т. Указ. соч., с. 136.
[32] Бельский Л. Воспоминания.— В кн.: Полвека для книги, с. 117.
[33] Либрович С. На книжном посту. Спб., 1915, с. 34.
[34] ГБЛ, ф. 573, карт. 64, д. 10, л. 3.
[35] Голышев И. А. Картинное и книжное производство и торговля. 1858—1886.— Рус. старина, 1886, № 3, с. 715.
[36] Пругавин А. С. Указ. соч. 1-е изд., с. 119.

Благое дело

[1] Сытин И. Д. Из пережитого.— В кн.: Полвека для книги. М., 1916, с. 21.
[2] ЦГАЛИ, ф. 552, оп. 1, д. 2740, л. 103.
[3] Там же, ф. 41, оп. 2, д. 2, л. 51, 54.
[4] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. (Юбилейное изд.). М., 1935, т. 85, с. 27. Далее все ссылки на это издание приводятся в тексте. Первая цифра обозначает том, последующие — страницы.
[5] Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1881 по 1885 г. М., 1970, с. 277.
[6] Там же, с. 358—359.
[7] Цит. по ст.: Якубовский Ю. О. Попытка создания народного журнала. (Накануне возникновения «Посредника»). — Жизнь для всех, 1911, № 17, с. 888.
[8] Гусев Н. Н. Указ. соч., с. 354—360.
[9] Сказанное несколько противоречит воспоминаниям И. Д. Сытина о первой встрече с Чертковым, приведенным в начале статьи. Возможно, по скромности он не хотел приписывать себе эту инициативу.
[10] ЦГАЛИ, ф. 552, оп. 1, д. 2677, л. 1—13; Лебедев В. К. Из истории сотрудничества книгоиздательства «Посредник» и издательской фирмы «И. Д. Сытин и К°».— Рус. лит., 1969, № 2, с. 209.
[11] ЦГАЛИ, ф. 122, оп. 1, д. 299, л. 100. Позднейшее утвержде-

ние Бирюкова, что в деле издания книжек для народа инициатива принадлежала Толстому (см.: Бирюков П. И. Биография Л. Н. Толстого. М., 1923, т. 3, с. 5), не подтверждается фактами, на что в свое время справедливо было указано исследователями.

[12] См.: Гусев Н. Н. Указ. соч., с. 402; Трегубов И. Большое культурное дело. Двадцатилетие издательства «Посредник» (1885—1910).— Новая Русь, 1910, 25 апр.

[13] Моск. ведомости, 1882, № 132, 14 мая.

[14] Рамкой на обложке и девизом обозначались книжки, которые выходили под фирмой «Посредника», в отличие от тех, которые редакция передавала как менее ценные Сытину, хотя и принимала на себя известную за них ответственность, помещая их в свои каталоги. В конце 1885 г. Сытин получил разрешение печатать и эту серию, названную «побочной», с красной рамкой, но без указания фирмы «Посредника» и без его девиза.

[15] Юбилей «Посредника».— Рус. слово, 1910, 25 апр.

[16] Сытин И. Д. Указ. соч., с. 24.

[17] Гусев Н. Н. Указ. соч., с. 407.

[18] Горбунов-Посадов И. И. О моих учителях и товарищах по работе.— В кн.: Сорок лет служения людям. М., 1925, с. 130.

[19] ЦГАЛИ, ф. 552, оп. 1, д. 2677, л. 18—21; Пругавин А. С. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания. 2-е изд., доп. Спб., 1895, с. 325.

[20] Там же, ф. 122, оп. 2, д. 50, л. 36.

[21] Сытин И. Д. Жизнь для книги. М., 1962, с. 66.

[22] ЦГАЛИ, ф. 122, оп. 2, д. 55, лл. 174—175.

[23] Там же, ф. 552, оп. 1, д. 2677, л. 69—70.

[24] Там же, л. 61—62.

[25] Там же, л. 109—110.

[26] Там же, ф. 122, оп. 2, д. 51, л. 5.

[27] Там же, ф. 552, оп. 1, д. 2677, л. 154—155.

[28] Там же, ф. 122, оп. 2, д. 51, л. 272.

[29] Там же, л. 334, д. 53, л. 233—234.

[30] Там же, ф. 552, оп. 1, д. 67, л. 4.

[31] Там же, ф. 122, оп. 2, д. 10, л. 69.

[32] Лебедев В. К. Указ. соч., с. 211—212.

[33] Там же.

[34] К середине октября 1892 г. в типографии Сытина скопилось 10 книг этой серии.— ЦГАЛИ, ф. 122, оп. 2, д. 53, л. 255.

[35] Там же, л. 57, 182.

[36] Там же, д. 49, л. 121.

[37] Там же, д. 51, л. 351, 272.

[38] Протопопов Д. Д. История С.-Петербургского комитета грамотности (1861—1895). Спб., 1898, с. 230.

[39] ЦГАЛИ, ф. 122, оп. 2, д. 53, л. 49—52.

[40] На письме пометка Черткова: «Получил 20 октября 1893 г.».— ЦГАЛИ, ф. 552, оп. 1, д. 2677, л. 161.

[41] Там же, ф. 122, оп. 2, д. 55, л. 190. Программу журнала «Доброе слово» см. в дневнике П. И. Бирюкова под датой 6 июня 1892 г.— Там же, ф. 41, оп. 2, д. 2, л. 6—9.

[42] Сорок лет служения людям. Сб. статей, посвященных общественно-литературной и книгоиздательской деятельности И. И. Горбунова-Посадова, М., 1925, с. 115.

[43] Ан-ский С. А. Указ. соч., с. 69.

[44] Народные издания.— Рус. мысль, 1894, № 3, с. 150.

[45] Лебедев В. К. Указ. соч., с. 210—211.
[46] ГМТ. Отдел рукописей.
[47] Лебедев В. К. Указ. соч., с. 210.
[48] ЦГАЛИ, ф. 122, оп. 2, д. 6, л. 2.
[49] Сытин И. Д. Из пережитого.., с. 24.
[50] ЦГАЛИ, там же, д. 47, л. 134; см. также его письмо к Сытину от 15 ноября 1887 г.— Там же, д. 46, л. 82.
[51] Там же, л. 2.
[52] Там же, д. 48, л. 147.
[53] Одно время Чертков расплачивался с Сытиным, переуступая ему для переиздания часть рукописей. Получая авторские права на них, Иван Дмитриевич полностью оплачивал их стоимость.
[54] ЦГАЛИ, ф. 552, оп. 1, д. 2677, л. 102—103.
[55] Там же, ф. 122, оп. 2, д. 46, л. 319—320.
[56] Там же, ф. 552, оп. 1, д. 2677, л. 105.
[57] В марте и апреле Сытин и Воропаев дважды побывали у Толстого, достигнув полного согласия.— Там же, д. 2677, л. 108, 109—110.
[58] Лебедев В. К. Указ. соч., с. 210.
[59] ЦГАЛИ, ф. 122, оп. 2, д. 57, л. 402.
[60] Там же, д. 53, л. 1.
[61] Там же, л. 11.
[62] Там же, д. 46, л. 379.
[63] «Знаю по опыту, — обращаясь к Сытину, писал Чертков, — что вы всегда сколько возможно оберегаете мои интересы». — Там же, д. 53, л. 326.
[64] Там же, д. 49, л. 211.
[65] Там же, д. 53, л. 49.
[66] Там же, л. 2.
[67] Там же, л. 53, 86; оп. 1, д. 1318, л. 3—4.
[68] Там же, оп. 2, д. 53, л. 50.
[69] Сытин И. Д. Указ. соч., с. 24.
[70] ЦГАЛИ, ф. 552, оп. 1: д. 2677, л. 112; ф. 122, оп. 2, д. 46, л. 410.
[71] ГМТ. Отдел рукописей.
[72] ЦГАЛИ, ф. 122, оп. 2, д. 53, л. 11. Одним из основных распространителей слухов Чертков называет В. Н. Маракуева.
[73] Там же, л. 94—95, 27—28, 24, 37—38.
[74] ГБЛ, ф. 382, пост. 1957 г., д. 77, л. 21.

На перепутье

[1] Пругавин А. С. Указ. соч., с. 381.
[2] ЦГИА, ф. 744, оп. 1, д. 81, л. 7.
[3] Сытин И. Д. О торговле народными книгами вразнос.— В кн.: Труды Первого съезда русских деятелей по печатному делу. Спб., 1896, с. 19.
[4] Дорошевич В. М. Записки г-жи Адель Борги.— Одес. листок, 1896, 20 окт.
[5] Некрасова Е. С. Народные издания для чтения. Вятка. 1902, с. 65.
[6] Пругавин А. С. Песни современной деревни.— Рус. ведомости, 1886, 22 янв.
[7] Рогова З. А. Н. Толстой и издательство «Посредник».— Кн. обозрение, 1980. 11 янв.
[8] Голышев И. А. Картинное и книжное производство и торговля. 1858—1886.— Рус. старина, 1886, № 3, с. 710.

[9] Полвека для книги, с. 433; Сытин И. Д. Жизнь для книги. М., 1962, с. 7.

[10] ЦГИА, ф. 776, оп. 8, д. 286, лл. 1, 2, 4, 6, 13, 21, 35, 38, 41, 48.

[11] Пругавин А. С. Указ. соч. 2-е изд., с. 425, 331.

[12] Рубакин Н. А. Книжный поток.— Рус. мысль, 1903, № 3, с. 7—9.

[13] Пругавин А. С. Указ. соч., с. 180.

[14] Щербина Ф. А. Крестьянские бюджеты. Воронеж, 1900, с. 1—201; Николаев А. А. Книга в современной русской деревне.— Вестн. знания, 1904, № 8, с. 177.

[15] Пругавин А. С. Указ. соч., с. 206; Вахтеров В. П. Внешкольное образование народа. М., 1896, с. 100 (см. также, с. 86—99); Тулупов Н. В. Народные библиотеки и читальни. М., 1896, с. 29.

[16] ГБЛ, ф. 259, карт. 21, д. 78, л. 1; ф. 573, карт. 64, д. 10, л. 3; ЦГИА, ф. 776, оп. 8, д. 2108, л. 6—6 об.

[17] ГБЛ, ф. 349, карт. 12, д. 215, л. 21.

[18] Вахтеров В. П. Указ. соч., с. 96—97.

[19] ГМТ. Отд. рукописей.

[20] Иванов Л. М. Идеологическое воздействие на пролетариат царизма и буржуазии.— В кн.: Российский пролетариат. Облик. Борьба. Гегемония. М., 1970, с. 331, 333.

[21] ГБЛ, ф. 358, карт. 235, д. 5, л. 53—54.

[22] ГБЛ, ф. 259, карт. 28, д. 23, л. 3.

[23] ЦГАОР, ф. 102, ДЗ, 1898 г., оп. 81, д. 1813, л. 4, 5, 5 об., 20—23; ф. 63, 1894 г., д. 426, л. 31—32.

[24] ЦГАОР, ф. 102, ДЗ. 1893 г., д. 635, л. 12—19.

[25] ЦГИА, ф. 776, оп. 1, д. 30, л. 21—28. Не исключено, что автором этой записки был член Совета министерства внутренних дел Е. В. Богданович, по роду своей деятельности заинтересованный в ущемлении прав своих конкурентов.

[26] Там же, л. 28—38 об.

[27] ЦГАОР, ф. 102, ДЗ, 1899 г., д. 4370, л. 3, 9—10 об., 11—12.

[28] ЦГАОР, ф. 63, 1894 г., д. 426, л. 35.

[29] Вахтеров В. П. В защиту книги.— В кн.: Полвека для книги, с. 261.

[30] Хорошо осведомленная о взаимоотношениях в высших кругах, А. В. Богданович писала (март 1892 г.), что Победоносцев утерял свой престиж у царя из-за дружбы с Плевако. (Богданович А. В. Три последних самодержца: Дневник. М.; Л.: Л. Д. Френкель, 1924, с. 156, 162.)

[31] Библиогр. зап. М., 1892, № 12, с. 908.

[32] Кн. вестник, 1862, № 20, с. 412.

[33] Рус. слово, 1905, 13 (26) марта.

[34] Акционерное дело в России. Т. 2. Статистика акционерных предприятий. Спб., 1899, вып. 5, с. 1208—1209; ЦГИАМ, ф. 2316, оп. 1, д. 2, лл. 1—105, л. 205.

[35] 1-ая Образцовая типография.— В кн.: Всесоюзная полиграфическая выставка. М., 1927, сб. 1.

[36] Кн. вестник, 1895, № 2, с. 78.

[37] Очерк издательской деятельности товарищества И. Д. Сытина в Москве. М., 1900.

[38] ЦГАЛИ, ф. 305, оп. 1, д. 1302, лл. 4—5.

[39] Фаресов А. И. Против течений. Н. С. Лесков. Его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем. Спб., 1904, с. 319.

[1] Проект программы журнала «Доброе слово» см.: «Дневник» П. И. Бирюкова под датой «6 июня 1892 г.» (ЦГАЛИ, ф. 41, оп. 2, д. 2, л. 6).

[2] Прошение в Главное управление по делам печати Сытин подал 16 сентября 1892 г. (ЦГИА, ф. 776, оп. 8, д. 268, л. 67). Ходатайство было отклонено 6 октября (там же, л. 68 и 70). Письмо Горбунова-Посадова Черткову цит. по статье: Лебедев В. К. Из истории сотрудничества книгоиздательства «Посредник» и издательской фирмы «И. Д. Сытин и К°».— Рус. лит., 1969, № 2, с. 211.

[3] ЦГАЛИ, ф. 122, оп. 1, д. 1435, л. 61.

[4] Там же, л. 62, 64; ЦГИА, ф. 776, оп. 8, д. 286, л. 73, 76, 77.

[5] Там же, л. 91, 92.

[6] ЦГАЛИ, ф. 2, оп. 2, л. 15, л. 87, 11а.

[7] Щетинин Б. А. В литературном муравейнике (встречи и знакомства).— Ист. вестн., 1911, № 3, с. 876.

[8] ЦГАЛИ, ф. 2, оп. 2, д. 5, л. 1, 3, 16.

[9] Никольский В. А. Воспоминания о времени возникновения газ. «Русское слово».— ГБЛ, ф. 259, карт. 1, д. 5.

[10] ГБЛ, ф. 259, карт. 7, д. 8, л. 1—2.

[11] ЦГАЛИ, ф. 2, оп. 1, д. 747, л. 1—2.

[12] Троицкий Н. А. Царизм под судом прогрессивной общественности. 1886—1895 гг. М., 1979, с. 197.

[13] ГБЛ, ф. 259, карт. 7, д. 8, л. 2.

[14] ЦГИА, ф. 776, оп. 8, д. 847, л. 1, 9, 10а; ЦГАЛИ, ф. 2, оп. 1, д. 762, л. 1.

[15] ЦГАЛИ, ф. 2, оп. 1, д. 747, л. 4—5.

[16] Там же, д. 702, л. 6—7.

[17] Старообрядец Д. И. Морозов, главный совладелец Богородско-Глуховской мануфактуры, желая умилостивить Победоносцева, кроме газеты и журнала, редактируемых Александровым, финансировал также газету С. Ф. Шарапова «Русское дело» (История СССР, 1972, № 1, с. 45).

[18] Букчин С. В. Судьба фельетониста: Жизнь и творчество Власа Дорошевича. Минск, 1975, с. 165; ЦГИА, ф. 565, оп. 15, д. 1084, л. 23, 28.

[19] ЦГАЛИ, ф. 2, оп. 1, д. 29, л. 1.

[20] ГБЛ, ф. 259, карт. 1, д. 5, л. 2; д. 4, л. 10; ЦГАЛИ, ф. 2, оп. 1, д. 19, л. 1.

[21] ЦГИА, ф. 776, оп. 8, д. 847, л. 20—23.

[22] Там же, л. 34 об.

[23] ЦГАЛИ, ф. 2, оп. 1, д. 540, л. 1—2.

[24] ЦГИА, ф. 776, оп. 8, д. 847, л. 29—31; Прошение Ф. И. Благова см.: Там же, л. 32.

[25] Там же, л. 42.

[26] Там же, л. 34—40; ЦГАОР, ф. 63, 1897 г., д. 476, л. 1.

[27] ЦГИА, ф. 776, оп. 8, д. 847, л. 45.

[28] Там же, л. 47.

[29] Телешов Н. Д. Избр. соч.: В 3-х т. М., 1956, т. 3, с. 204.

[30] Сытин И. Д. Три ступени жизни.— Рус. слово, 1917, 19 февр.

[31] Амфитеатров А. В. Собр. соч. Спб., 1912, т. 14. Славные мертвецы. Статьи, с. 3—4.

[32] ГБЛ, ф. 358, карт. 235, д. 5, л. 73.

[33] ЦГИА, ф. 776, оп. 8, д. 847, л. 62.

[34] ЦГАЛИ, ф. 2, оп. 1, д. 747, л. 18, 31, 45.
[35] Там же, л. 67, 15, 11.
[36] ГБЛ, ф. 259, карт. 4, д. 1, л. 1; ЦГАЛИ, ф. 2, оп. 1, д. 747, л. 22—23. Там же, ф. 2316, оп. 1, д. 2, л. 322.
[37] Щетинин Б. А. Указ. соч., с. 847.
[38] Дмитриев Н. Д. Из воспоминаний старого московского писателя (рукопись). ЦГАЛИ, ф. 2244, оп. 1, д. 57, л. 19.
[39] Там же, д. 15, л. 1.
[40] ГБЛ, ф. 573, карт. 64, д. 10, л. 4.
[41] ЦГИА, ф. 776, оп. 8, д. 847, л. 59, 75.
[42] ГБЛ, ф. 259, карт. 1, д. 5, л. 4.
[43] Там же, ф. 349, карт. 12, д. 215, л. 28; ф. 331, карт. 48, д. 13, л. 15 об.
[44] Там же, ф. 349, карт. 12, д. 215, л. 483.
[45] Тулупов Н. В. Моя работа в издательстве Сытина (рукопись).— Там же, ф. 218, карт. 375, д. 1, л. 5; ЦГАОР, ф. 103, 3Д, 1901 г., д. 316, л. 206.
[46] Букчин С. В. Указ. соч., с. 166.
[47] ГБЛ, ф. 218, д. 18, л. 1. Оба эти рассказа открывали второй том собрания сочинений Дорошевича (М., 1905).
[48] Рус. слово, 1904, № 169, 19 июня; 1904, № 205, 25 июля.
[49] Абрамович Н. Я. «Русское слово». Пг., 1916, с. 9.
[50] Мельгунов С. О современных литературных нравах. М., 1916, с. 30.
[51] ГБЛ, ф. 259, карт. 24, д. 58, л. 1, 2 об., 6.
[52] Рус. слово, 1905, № 304, 18 нояб.
[53] Сов. архивы; 1979, № 5, с. 25.
[54] Джунковский В. Ф. Воспоминания о декабрьском вооруженном восстании в Москве в 1905 г. (рукопись).— ГБЛ, ф. 369, карт. 384, д. 3, л. 15.
[55] Сытин И. Д. Жизнь для книги. М., 1962, с. 159.
[56] ГБЛ, ф. 259, карт. 21, д. 73а, л. 1, 8.
[57] ЦГАОР, ф. 63, 1894 г., д. 426, л. 35.
[58] Сытин И. Д. Указ. соч., с. 128.
[59] ГБЛ, ф. 259, карт. 14, д. 18, л. 1.
[60] Там же, карт. 25, д. 61, л. 1.
[61] Ларский И. Околоадминистративная литература.— Современный мир, 1910, № 6, с. 58—60; ЦГАЛИ, ф. 595, оп. 2, д. 19, л. 12.
[62] ГБЛ, ф. 259, карт. 19, д. 21, л. 29.
[63] Дорошевич Н. В. Указ. соч., л. 65—66.
[64] ИРЛИ, ф. 204, оп. 1, д. 72, л. 3.
[65] ГБЛ, ф. 259, карт. 19, д. 21, л. 1.
[66] Там же, л. 10, 20.
[67] Там же, л. 18.
[68] Там же, л. 1.
[69] ЦГАЛИ, ф. 891, оп. 1, д. 14, л. 21—22, 30.
[70] ГБЛ, ф. 358, карт. 409, д. 23, л. 1—2.
[71] ЦГАЛИ, ф. 891, оп. 1, д. 14, л. 35.
[72] Дорошевич Н. В. Указ. соч., л. 67.
[73] ГБЛ, ф. 259, карт. 29, д. 26, л. 1.
[74] Там же, карт. 19, д. 20, л. 31.
[75] Там же, карт. 10, д. 23, л. 4.
[76] Там же, л. 156—157; ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, д. 4170, л. 223
[77] ЦГАЛИ, ф. 1694, оп. 1, д. 730, л. 16—17.
[78] Там же, д. 626а, л. 27—28.

[79] Куманов Д. М. Записки газетного корреспондента (рукопись).— ГБЛ, ф. 218, карт. 1270, д. 3, л. 6.
[80] Кугель И. Р. Сытин (Воспоминания о прошлом русской печати).— Ленинград, 1940, № 23/24, с. 18.
[81] ГБЛ, ф. 259, карт. 11, д. 28, л. 1.
[82] Куманов Д. Н. Указ. соч., л. 8.
[83] ЦГАЛИ, ф. 1694, оп. 1, д. 730, л. 156.
[84] Там же, л. 199.
[85] Кугель И. Р. Указ. соч., с. 18.
[86] ЦГАЛИ, ф. 1694, оп. 1, д. 730, л. 181.
[87] Цит. по кн.: Мельгунов С. Указ. соч., с. 29.
[88] ЦГАЛИ, ф. 1788, оп. 1, д. 3, л. 3.
[89] ГБЛ, ф. 259, карт. 18, д. 24, л. 1.
[90] Там же, карт. 3, д. 14, л. 1—2, 4.
[91] Там же, карт. 14, д. 13, л. 1—2.

И. Д. Сытин и русские писатели

[1] Очерк издательской деятельности Т-ва И. Д. Сытина. М., 1911, с. III.
[2] Динерштейн Е. А. А. Ф. Маркс и русские писатели.— Книга. Исслед. и материалы, 1976, сб. 33, с. 135. Чуть ранее наследники Гоголя запрашивали за принадлежащие им права 50 тыс. р. и 30 тыс. р. за остатки его сочинений. (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, д. 1904, л. 128).
[3] Речь шла о сочинениях А. И. Герцена в 7-ми т. Спб., 1905; ГБЛ, ф. 259, карт. 24, д. 58, л. 7.
[4] Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. Спб., 1909, т. 7., с. 121.
[5] Сытин И. Д. Жизнь для книги, с. 123.
[6] Пяст В. Встречи. М., 1929, с. 229.
[7] ЦГАЛИ, ф. 44, оп. 1, д. 317, л. 7—8.
[8] Там же, ф. 1694, оп. 1, д. 730, л. 27.
[9] Там же, д. 626а, л. 39—40.
[10] ГБЛ, ф. 331, карт. 59, д. 89, л. 30.
[11] Там же, ф. 382, пост. 1957, л. 77, л. 77 об.
[12] ЦГАЛИ, ф. 552, оп. 1, д. 2740, л. 51.
[13] Там же, л. 40, 43, 47.
[14] Там же, д. 67, л. 6—7.
[15] Там же, ф. 122, оп. 1, д. 10, л. 69.
[16] Там же, ф. 536, оп. 1, д. 39а, л. 4.
[17] Сытин И. Д. Три ступени жизни.— Рус. слово, 1917, № 41, 19 февр.
[18] Сытин И. Д. Жизнь для книги, с. 53—54.
[19] ГБЛ, ф. 358, карт. 235, д. 5, л. 35.
[20] Там же, ф. 331, карт. 59, д. 89, л. 15—16, 17—19. Отрывок из последнего письма с искажениями в тексте приведен в кн.: Коничев К. Русский самородок. Л., 1966, с. 101.
[21] Гитович Н. И. Летопись жизни и творчества А. П. Чехова. М., 1955, с. 427.
[22] Дорошевич В. М. Десять лет.— Рус. слово, 1914, № 13, 17 янв.
[23] Сытин И. Д. Три ступени жизни.— Рус. слово, 1917, № 41, 19 февр.
[24] Дорошевич В. М. Указ. соч.
[25] ГБЛ, ф. 331, карт. 38, д. 16, л. 2.

[26] Там же, ф. 382, пост. 1957, д. 77, л. 77 об.
[27] Там же, л. 21.
[28] Сытин И. Д. Жизнь для книги, с. 64.
[29] ЦГАЛИ, ф. 122, оп. 2, д. 44, л. 3; Лебедев В. К. Указ. соч., с. 209.
[30] Сытин И. Д. Жизнь для книги, с. 72.
• [31] ЦГАЛИ, ф. 552, оп. 1, д. 2677, д. 99—100, 108, 109—112; ф. 122, оп. 2, д. 46, л. 369.
[32] ГМТ. Отдел рукописей.
[33] Гусев Н. Н. «Круг чтения», История писания и печатания.— В кн.: Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90-та т. Сер. 1. М., 1937, т. 42, с. 578.
[34] ЦГАЛИ, ф. 552, оп. 1, д. 2677, л. 174.
[35] Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. М., 1922, т. 1, с. 320; Спиро С. П. Беседы с Л. Н. Толстым. М., 1911, с. 45.
[36] ЦГАЛИ, ф. 552, оп. 1, д. 2677, л. 197.
[37] ГБЛ, ф. 259, карт. 24, д. 10, л. 3.
[38] Источники всех последующих цитат — нешифрованные материалы, хранящиеся в отделе рукописей ГМТ.
[39] ЦГАЛИ, ф. 2160, оп. 1, д. 7, л. 73.
[40] Сытин И. Д. Жизнь для книги, с. 171.
[41] ГБЛ, ф. 342, карт. 39, д. 16, л. 4.
[42] Телешов Н. Д. Указ. соч., с. 121.
[43] Лит. наследство, 1965, т. 72. Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка, с. 499.
[44] ГБЛ, ф. 259, карт. 14, д. 74, л. 3. По другим неподтвержденным источникам переговоры начались в 1908 г. (Лит. наследство, т. 72, с. 83—84).
[45] ИРЛИ, ф. РШ, оп. 1, д. 93, л. 1—2.
[46] Лит. наследство, 1973, т. 84. Иван Бунин. Кн. 1, с. 590.
[47] ЦГАЛИ, ф. 11, оп. 1, д. 207, л. 1—2, 3; ИРЛИ, ф. 9, оп. 2, д. 27, л. 1, 2 об.
[48] ЦГАЛИ, ф. 595, оп. 2, д. 2, л. 1.
[49] Там же, д. 3, л. 1—2.
[50] ЦГАЛИ, ф. 1694, оп. 1, д. 17, л. 1.
[51] ИРЛИ, ф. 9, оп. 2, д. 27, л. 3 об. Подробнее об этом конфликте см.: Линин А. М. Леонид Андреев и «Русское слово». Орджоникидзе, 1934 (отт. из «Изв. 1 и 2 Северокавказских пед. ин-тов, т. 2, с. 183—198).
[52] ЦГАЛИ, ф. 1694, оп. 1, д. 730, л. 27.
[53] Андреев Л. Н. Указ. соч.
[54] Лит. наследство, 1973, т. 84. Иван Бунин. Кн. 2, с. 454.
[55] Там же, кн. 1, с. 504.
[56] Горьковские чтения, 1958—1959. М., 1961, с. 41—42.
[57] ЦГАЛИ, ф. 44, оп. 1, д. 317, л. 3—6, 7—8; Рус. лит., 1979, № 6, с. 144—145.
[58] ГБЛ, ф. 259, карт. 11, д. 91, л. 1.
[59] Там же, д. 88, л. 11—12.
[60] Блок А. А. Собр. соч.: В 8-ми т. М.; Л., 1963, т. 7, с. 105, 108, 114. Далее все ссылки на это издание приводятся в тексте. Первая цифра обозначает том, последующие — страницы.
[61] Бекетова М. А. Александр Блок. Пг., 1922, с. 178; Пяст В. Указ. соч., с. 229.
[62] ЦГАЛИ, ф. 1694, оп. 1, д. 74, л. 2, 3.
[63] Блок А. А. Письма к Е. П. Иванову. М.; Л., 1936, с. 87.

[64] Орлов В. Литературное наследство Александра Блока.— Лит. наследство, 1937, т. 27/28, с. 525.
[65] Лишь поэму «Соловьиный сад» Блок впоследствии попросил оплатить из расчета: 2 р. строка. В сущности, гонорар, запрошенный самим поэтом за детские издания: 200 р. за книжку, был минимальным.
[66] ГБЛ, ф. 259, карт. 11, д. 13, л. 1, 2.
[67] Рус. слово, 1904, № 317, 14 нояб.
[68] ИРЛИ, ф. 204, оп. 1, д. 72, л. 1.
[69] Там же, д. 73, л. 1 об.
[70] Там же, д. 28, л. 1.
[71] Архив А. И. Сытиной.
[72] Юбилей И. Д. Сытина.— Рус. слово, 1901, 2 (15) окт.
[73] Андреев Л. Всероссийское вранье.— Курьер, 1901, 7 окт.
[74] Архив А. М. Горького. М., 1959, т. 7, с. 26.
[75] Новая жизнь, 1918, 3 мая (20 апр.).
[76] Голубева О. Д. Два издателя.— В кн.: М. Горький и его современники. Л., 1968, с. 193.
[77] Архив А. М. Горького. М., 1959, т. 7, с. 33.
[78] Арх. Г. КГ — П, 62—1—29.
[79] Архив А. М. Горького, т. 7, с. 136; Горьковские чтения, 1958—1959, с. 44.
[80] Голубева О. Д. Указ. соч., с. 186.
[81] ЦГАЛИ, ф. 44, оп. 1, д. 317, л. 14.
[82] Горьковские чтения, 1958—1959, с. 41—42.
[83] Дорошевич В. М. О Горьком.— Рус. слово, 1909, 6 (18) дек.
[84] ЦГАЛИ, ф. 218, оп. 1, д. 11, л. 56.
[85] Архив А. М. Горького. М., 1966, т. 9, с. 322.
[86] Там же, с. 114.
[87] Там же, с. 343.
[88] Арх. Г. Пг-рл, 44—10—18, л. 1.
[89] Там же, л. 2.
[90] Горьковские чтения, 1958—1959, с. 22.
[91] Арх. Г. Пг-рл, 44—10—20, л. 2, 1.
[92] Там же, 44—10—18, л. 2.
[93] Голубева О. Д. Указ. соч., с. 189—190.
[94] Там же, с. 190.
[95] Горьковские чтения, 1953—1957. М., 1959, с. 45.
[96] Архив А. М. Горького. М., 1959, т. 8, с. 230—231.
[97] М. Горький. Материалы и исследования. Л., 1934, т. 1, с. 273; Арх. Г. Пг-рл, 18—46—2; Пг-рл, 42—12—14; Ханов К. Н. Горький и историческая наука. Горький, 1958, с. 12.
[98] Арх. Г. Пг-рл, 42—12—15; Пг-рл, 42—12—21.
[99] Архив А. М. Горького. М., 1959, т. 7, с. 208.
[100] Арх. Г. КГ-П, 74—11—2, Пг-рл, 42—12—12; ГБЛ, ф. 259, карт. 29, д. 12, л. 1.
[101] Арх. Г. Пг-рл, 42—12—16.
[102] Там же, 18—46—2.
[103] Архив А. М. Горького, т. 7, с. 233.
[104] Там же, 2а — 1—8.
[105] А. М. Горький и В. Г. Короленко. Переписка. Статьи. Высказывания. М., 1957, с. 80.
[106] Архив А. М. Горького. М., 1966, т. 9, с. 190.
[107] Там же, с. 179.
[108] Арх. Г. КГ-П, 42—1—27; Птл, 2—1—90.

[109] Арх. Г. Пг-раз, 65—36—1, 65—36—2, 65—36—3, 65—36—4; ГБЛ, ф. 369, карт. 27, д. 17, л. 63.

[110] Там же, л. 56; Арх. Г. Кг-П, 42—1—27; ГБЛ, ф. 369, карт. 27, д. 17, л. 66.

[111] Арх. Г. Пг-рл, 8—30—1.

[112] Сытин И. Д. Жизнь для книги. М., 1960, с. 174.

[113] ГБЛ, ф. 259, карт. 18, д. 67, л. 14; Арх. Г. Пг-рл, 42—12—14.

[114] Арх. Г. Кг-П, 74—11—12, 74—11—7; ЦГАЛИ, ф. 1649, оп. 1, д. 730, л. 45; Сытин И. Д. Указ. соч., с. 173; ЦГАЛИ, ф. 1649, оп. 1, д. 730, л. 46.

[115] Арх. Г. КГ-П, 74—11—19, 74—11—12; ЦГАЛИ, ф. 1694, оп. 1, д. 626а, л. 90.

[116] Арх. Г. КГ-П, 74—11—12; ЦГАЛИ, ф. 1649, оп. 1, д. 730, л. 71; Арх. Г. КГ-П, 74—11—12.

[117] ГБЛ, ф. 360 (не разобранное).

[118] Новая жизнь, 1918, № 82, 3 мая (20 апреля).

[119] Арх. Г. КГ-П, 74—11—16.

[120] Арх. Г. КГ-П, 74—11—14.

[121] ГБЛ, ф. 573, карт. 64, д. 10, л. 3 об.

Дело жизни

[1] Орлов Б. П. Полиграфическая промышленность Москвы. Очерк развития до 1917 г. М., 1955, с. 252—253.

[2] Крупина Т. Д. К вопросу об особенностях монополизации в России.— В кн.: Об особенностях империализма в России. М., 1963, с. 198.

[3] Нифонтов А. С. Москва во второй половине XIX столетия. М., 1947, с. 6.

[4] Народные издания.— Рус. мысль, 1894, № 3, с. 152.

[5] Посредник печатного дела, 1892, № 1, с. 16.

[6] Орлов Б. П. Указ. соч., с. 176, 177.

[7] Очерк издательской деятельности товарищества И. Д. Сытина в Москве. М., 1900. 23 с.

[8] ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, д. 4155, л. 22.

[9] Рубакин Н. Критические заметки о литературе для народа.— Рус. богатство, 1889, № 8, с. 174—175.

[10] ГМТ. Отдел рукописей.

[11] ЦГАЛИ, ф. 552, оп. 1, д. 2677, л. 69—70.

[12] Там же, ф. 122, оп. 2, д. 6, л. 3.

[13] Мирецкий Н. И. 1-я Образцовая типография. 1876—1933: Материалы для истории. М., 1933, с. 25; Библиогр. изв., 1917, № 1/2, с. 90; Очерк издательской деятельности Товарищества И. Д. Сытина в Москве. М., 1900.

[14] Орлов Б. П. Указ. соч., с. 250, 251.

[15] Сытин И. Д. О монополии новой и монополии старой.— Рус. слово, 1914, № 20, 7 февр.

[16] Мирецкий Н. И. Указ. соч., с. 21; Тулупов Н. В. Указ. соч., л. 23. Сам Сытин несколько иначе интерпретирует эту историю, естественно, опуская факт дачи взятки (Сытин И. Д. Жизнь для книги, с. 74).

[17] Батюшков Ф. Д. О том как Сытин издал иллюстрацию к «Сну Макара» В. Г. Короленко.— В кн.: Полвека для книги, с. 109—112.

[18] Труды Первого Всероссийского съезда издателей и книгопродавцев. 30 июня — 5 июля 1909 г. в С.-Петербурге. Спб., 1909, с. 14.

[19] Книжник-фарисей.— Москва, 1909, № 29, 6 июля.
[20] Новое слово, 1897, № 6, Раздел «Новые книги», с. 69—72.
[21] ГБЛ, ф. 157, разд. 3, карт. 83, д. 1, л. 5—7, л. 10; ЛГИА, ф. 624, оп. 1, д. 1, л. 158.
[22] Сытин И. Д. Указ. соч.
[23] Цит. по кн.: Букчин С. В. Судьба фельетониста. Жизнь и творчество Власа Дорошевича, с. 30.
[24] Водарский Л. Е. Население России за 400 лет (XVI — начало XX века). М., 1973, с. 112.
[25] ГБЛ, ф. 446, карт. 10, д. 2—11 (Газетные вырезки), л. 21.
[26] Нар. журн., 1912, 3 нояб.
[27] Пуришкевич В. М. Речь на заседании IV Гос. думы 29 мая 1913 г. — В кн.: Стеногр. отчет. Спб., 1913, ч. 3, стб. 369—372.
[28] Звягинцев Е. Гарантированное издательство учебников.— Рус. ведомости, 1914, 16, 22 янв.
[29] ЦГАЛИ, ф. 1694, оп. 1, д. 626а, л. 65—66.
[30] Письмо в редакцию.— Рус. слово, 1914, № 14, 22 янв.
[31] Сытин И. Д. Жизнь для книги, с. 189.
[32] ЦГАЛИ, ф. 1788, оп. 1, д. 1, л. 1.
[33] Орлов Б. П. Указ. соч., с. 265—266.
[34] Наборщик и печатный мир. П., 1914, № 126, с. 1253.
[35] ЦГАЛИ, ф. 1694, оп. 1, д. 730, л. 170 и 8.
[36] Там же, л. 5, 178—179.
[37] Там же, ф. 1788, оп. 1, д. 1, л. 3.
[38] Там же, ф. 1694, оп. 1, д. 730, л. 61.
[39] Там же, оп. 1, д. 1, л. 3.
[40] Там же, л. 1 об.
[41] Там же, ф. 1694, оп. 1, д. 626а, л. 74.
[42] Там же, ф. 1694, оп. 1, д. 730, л. 170—171.
[43] Кугель И. Р. Указ. соч., с. 19.
[44] ЦГАЛИ, ф. 1694, оп. 1, д. 730, л. 116—117.
[45] Там же, л. 91—92, 93.
[46] Там же, ф. 1694, оп. 1, д. 626а, л. 60.
[47] Там же, ф. 1694, оп. 1, д. 730, л. 199.
[48] Там же, л. 120, 134—135.
[49] Там же, л. 176.
[50] См.: Боханов А. Н. Русские газеты и крупный капитал.— Вопр. истории, 1977, № 3, с. 113—120.
[51] ЦГАЛИ, ф. 1694, оп. 1, д. 1, л. 4.
[52] Орлов Б. П. Указ. соч., с. 254.
[53] ЦГАЛИ, ф. 1694, оп. 1, д. 626а, л. 34—35, 26; Ответ И. Д. Сытина. — Рус. слово, 1917, 21 февр.
[54] Телешов Н. Д. Указ. соч., с. 209—210.
[55] ГБЛ, ф. 259, карт. 18, д. 89, л. 1.
[56] Тулупов Н. В. Указ. соч., л. 20.
[57] ЦГАЛИ, ф. 1694, оп. 1, д. 730, л. 139. Приезжая в Петербург, Сытин всегда останавливался в среднего достоинства гостинице «Северной» и никогда в тех, где обычно «гостили» люди его круга.
[58] ЦГАЛИ, ф. 1694, оп. 1, д. 626а, л. 52; д. 730, л. 102.
[59] Мартынов П. Юбилей Сытина.— Речь, 1917, 19 февр.
[60] ГБЛ, ф. 349, карт. 12, д. 215, л. 123.
[61] Ни с одним из них переписка не сохранилась полностью.
[62] Там же, л. 123, 124.
[63] ГБЛ, ф. 259, карт. 17, д. 44, л. 8—9.
[64] Куманов Д. Н. Указ. соч., л. 13.

[65] Сытин И. Д. Указ. соч., с. 62.

[66] Белов С. В., Толстяков А. П. Русские издатели конца XIX — начала XX века. Л., 1976, с. 68.

[67] Сапунов Б. В. Производство русской рукописной книги, ее цена и стоимость в XI—XIII вв.— Книга. Исслед. и материалы, 1975, сб. 30, с. 110.

[68] ЦГИА, ф. 776, оп. 16, д. 1807, л. 2—3.

[69] Там же, д. 1963, л. 1—2.

[70] Варшавский С. И. Правовое положение издательского дела в России.— В кн.: Полвека для книги, с. 297.

[71] ЦГИАМ, ф. 31, оп. 3, д. 1577, л. 10.

[72] ЦГАЛИ, ф. 1788, оп. 2, д. 11, л. 1—3.

[73] ГБЛ, ф. 573, карт. 64, д. 10, л. 5.

[74] Соколовский М. К. Научные и литературные встречи. 1897—1917 (Рукопись). ЦГАЛИ, ф. 442, оп. 1, д. 15, л. 94.

[75] Военная энциклопедия.— Рус. слово, 1910, 30 апр.

[76] Кавтарадзе А. Военные энциклопедические словари и энциклопедии дореволюционной России (1724—1915 гг.).— Военно-ист. журнал, 1973, № 1, с. 106—108; См. также: История отечественной военно-энциклопедической литературы. М., 1980, с. 70—74.

[77] Панова В. О моей жизни, книгах и читателях. Л., 1980, с. 30.

[78] Маяковский В. В. Полн. собр. соч.: В 13-ти т. М., 1955, т. 1, с. 12.

[79] Поршнев Г. И. Революция и культура народа. Иркутск, 1917, с. 108.

[80] Арх. Г. П-ка «Кр. Новь», 1—5—1, л. 1.

Четвертая ступень

[1] Динерштейн Е. А. Литературно-издательский отдел Наркомпроса.— Вопр. лит., 1970, № 7, с. 248.

[2] Лундберг Е. Записки писателя, 1917—1920. Берлин, 1922, с. 203.

[3] ИРЛИ, ф. 134, оп. 3, д. 2070, л. 7.

[4] ГБЛ, ф. 360 (дополн.), д. и л. нн.

[5] ГАМО, ф. 66, оп. 3, д. 830, ч. 1, л. 10; ГБЛ, ф. 369, карт. 85, д. 16, л. 1.

[6] ГАМО, ф. 66, оп. 12, д. 130, л. 130, 139.

[7] Кугель А. Р. Листья с дерев. Воспоминания. Л., 1926, с. 141.

[8] Библиотека В. И. Ленина в Кремле. Каталог. М., 1961, с. 530.

[9] Ленинский сб., т. 37, с. 70.

[10] ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. 193, л. 122.

[11] Ленин и «Известия». Документы и материалы, 1917—1922. М., 1975, с. 54.

[12] ГБЛ, ф. 369, карт. 21, д. 29, л. 3—4.

[13] ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. 193а, л. 121, 122, 124 и далее.

[14] Там же, л. 196.

[15] ЦГАОР, ф. 1325, оп. 34, д. 5, л. 13; д. 7, л. 4—13, л. 1 об.

[16] ГАМО, ф. 66, оп. 3, д. 840, ч. 1, л. 219, 219 об.

[17] Цит. по книге: Коничев К. Русский самородок. 2-е изд. испр. и доп. Ярославль, 1967, с. 351.

[18] Летопись жизни и творчества А. М. Горького. М., 1959, вып. 3, 1917—1929, с. 90.

[19] ЦГАЛИ, ф. 419, оп. 1, д. 312, л. 1.

[20] Ольбрахт И. Путешествие за познанием Страны Советов. М., 1967, с. 85.

21 ГБЛ, ф. 259, карт. 39, д. 39, л. 1.

22 ГАМО, ф. 66, оп. 3, д. 840, ч. 2, л. 49; ЦГАЛИ, ф. 1649, оп. 1, д. 730, л. 142.

23 Правда, 1918, 26 июля.

24 ГБЛ, ф. 259, карт. 3, д. 15, л. 1; карт. 6, д. 36, л. 1.

25 Мирецкий Н. И. Указ. соч., с. 104.

26 ГАМО, ф. 66, оп. 3, д. 822, л. 18, 19; см. также: л. 2, 3, 25, 28.

27 ЦГАОР, ф. 1325, оп. 93, д. 49, л. 29.

28 ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 22, д. 15, л. 1—4; ГБЛ, ф. 46, карт. 10, д. 2—11, л. 15.

29 Подробнее об этом см.: Ишкова С. С. К истории издания детской книги в первые годы Советской власти (1917—1921).— Тр. Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина. 1958, т. 14, с. 45—59.

30 Веч. изв., М., 1919, 10 июня.

31 Декреты Советской власти. М., 1971, т. 5, с. 491.

32 ГБЛ, ф. 573, карт. 64, д. 10, л. 6 об.

33 ЦГАОР, ф. 1129, оп. 2, д. 157, л. 1, 2—3 об.

34 Там же, д. 2384, л. 1—2.

35 ГБЛ, ф. 360 (дополн.). Письма Сытина к Рознеру, л. 12.

36 ГБЛ, ф. 573, карт. 64, д. 10, л. 6 об.

37 ЦГАОР, ф. 395, оп. 1, д. 11, л. 2.

38 Там же, л. 15; д. 21, л. 22, 23, 31, 39, 12; д. 11, л. 16; Максим Горький и сытинский лубок / Публ. Н. Ашукина.— Моск. книжник, 1937, 23 июня.

39 ЦГАОР, ф. 395, оп. 1, д. 11, л. 150.

40 Там же, д. 13, л. 123—125.

41 Там же, л. 396; ГБЛ, ф. 360 дополн., д. и л. нн.

42 Сытин И. Д. Жизнь для книги, с. 202.

43 ЦГАОР, ф. 395, оп. 9, д. 108, л. 36.

44 Там же, оп. 1, д. 86, л. 298.

45 ГБЛ, ф. 360, дополн., д. н л. нн.

46 ЦГАЛИ, ф. 1328, оп. 3, д. 5, л. 15—17.

47 ГАМО, ф. 966, оп. 1, д. 855, л. 51.

48 Коничев К. Русский самородок. Л., 1966, с. 289—290.

49 Волков А. Планы Госиздата и частные издательства (Беседа с управляющим Госиздатом О. Ю. Шмидтом).— Известия, 1922, 5 авг.

50 И. Д. Сытин о Госиздате.— Известия, 1922, 5 сент.

51 Куманов Д. М. Указ. соч.

52 Организация частной торговли книгами (из беседы с председателем Правления «Книжного товарищества 1922 года» И. Д. Сытиным).— Известия, 1922, 5 сент.

53 ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, д. 456, л. 43—43 об.

54 Там же, л. 40 об.

55 Мирецкий Н. И. Указ. соч., с. 108.

56 ЛГАЛИ, ф. 2913, оп. 1, д. 20, л. 55; ГБЛ, ф. 360 (дополн.).

57 ЦГАОР, ф. 395, оп. 1, д. 318, л. 107.

58 ЦГАЛИ, ф. 1788, оп. 2, д. 9, л. 1—2.

59 Л-ский. Частные издательства.— Фабрично-заводская профсоюзная б-ка, 1925, № 16/17, с. 1.

60 Слонимский А. В. В поисках сюжета.— Книга и революция, 1923, № 2, с. 4.

61 Коничев К. Указ. соч., с. 310—311; письмо ошибочно датировано 13 февраля 1924 г. В это время Сытин находился еще в США. Правильная дата — 1925 г.

[62] Арх. Г. КГ-П, 74—11—46.

[63] ГПБ, ф. 787, оп. 1, д. 81, л. 1.

[64] Арх. Г. Пг-рл, 44—10—59; Архив А. М. Горького. М., 1964, т. 10. Кн. 1, с. 87—88.

[65] Алтаев Ал. Мои старые издатели (из воспоминаний).— Книга. Исслед. и материалы, 1973, сб. 26, с. 172.

Подводя итоги

[1] Андреев Л. Знаменательный юбилей.— Рус. воля, 1917, 19 февр.

[2] Иван Дмитриевич Сытин. Пятидесятилетие деятельности.— Рус. слово, 1917, 19 февр.

[3] ГБЛ, ф. 259, карт. 7, д. 16, л. 3 (перевод с фр. корреспондента «Русского слова» А. Вернера).

[4] Поршнев Г. И. Указ. соч., с. 110.

Принятые сокращения

Арх. Г.	— Архив А. М. Горького Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР (Москва)
ГАМО	— Государственный архив Московской области
ГБЛ	— Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (Москва)
ГЛМ	— Отдел рукописей Государственного литературного музея (Москва)
ГМТ	— Отдел рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого (Москва)
ГПБ	— Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград)
ИРЛИ	— Отдел рукописей Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом, Ленинград)
ЛГАЛИ	— Ленинградский государственный архив литературы и искусства
ЛГАОРС	— Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области
ЛГИА	— Ленинградский государственный исторический архив
ЦГА РСФСР	— Центральный государственный архив РСФСР (Москва)
ЦГАЛИ	— Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва)
ЦГАОР	— Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (Москва)
ЦГИА	— Центральный государственный исторический архив (Ленинград)
ЦГИАМ	— Центральный государственный исторический архив Москвы

Указатель имен *

* В указатель включены только фамилии лиц, упоминаемых в основном тексте и примечаниях, непосредственно связанных с темой книги.

Ефим Абрамович Динерштейн

И. Д. СЫТИН

ИБ № 1072

Редактор *Г. И. Куйбышева*
Художник *Б. Казаков*
Художественный редактор *Н. Г. Пескова*
Технический редактор *Г. Е. Петровская*
Корректор *Н. М. Весельницкая*

Сдано в набор 28.09.82. Подписано в печать 28.02.83. А06057. Формат 84×108/32. Бум. тип. № 1. Гарнитура литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 14,28. Усл. кр.-отт. 14,28. Уч.-изд. л. 14,82. Тираж 20 000 экз. Заказ № 1560. Изд. № 3021. Цена 1 р. 20 к.

Издательство «Книга», 125047,
Москва, ул. Горького, 50.

Набор выполнен в Московской
ордена Октябрьской Революции
и ордена Трудового Красного Знамени
Первой Образцовой типографии
имени А. А. Жданова,
113054, Москва, ул. Валовая, 28

Отпечатано в Московской типографии № 4
Союзполиграфпрома при Государственном
комитете СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли,
129041, Москва, Б. Переяславская ул., 46

